

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Общая психология / Психология личности / Психофизиология / Педагогическая психология / Социальная психология / Возрастная психология / Коррекционная психология / Дефектология / Общая педагогика

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Рецензируемый научный журнал (издается с 2017 года)

eISSN 2658-7165

DOI: 10.23947/2658-7165

Том 7, № 2, 2024

Целью журнала является содействие распространению нового и актуального научного знания в области психологии, педагогики, дефектологии путем публикации научных работ, выполненных и подготовленных к публикации в соответствии с международными издательскими стандартами.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (биологические науки)
- 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
- 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки)
- 5.3.8 – Коррекционная психология и дефектология (психологические науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Индексация	РИНЦ, CyberLeninka
Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13 ноября 2017 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель и издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ)
Периодичность	6 выпусков в год
Адрес учредителя и издателя	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail	inovppd@gmail.com
Телефон	+ 7(908)-506-1906
Сайт	https://inov-ppd.ru
Дата выхода в свет	30.04.2024

Innovative science: psychology, pedagogy, defectology

Peer-reviewed scientific journal (published since 2017)

eISSN 2658-7165

DOI: 10.23947/2658-7165

Vol. 7, no. 2, 2024

The purpose of the journal lies in the contribution to improving the quality of scientific research in the fields of psychology, psycholinguistics, pedagogy, and defectology. Our impact is made by publishing scientific works, written and prepared in accordance with international standards.

The journal is included in the List of the leading peer-reviewed scientific publications (Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation), where basic scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Science in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

The journal publishes articles in the following fields of science:

- General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences)
- Psychophysiology (psychological sciences)
- Psychophysiology (biological sciences)
- Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences)
- Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences)
- Age psychology (psychological sciences)
- Correctional Psychology and Defectology (psychological sciences)
- General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

Indexing

RSCI, CyberLeninka

Name of the body that registered the publication

Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77 – 71604 dated 13 November, 2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Founder and publisher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (DSTU)

Periodicity

6 issues per year

Address of the founder and publisher

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

E-mail

inovppd@gmail.com

Telephone

+ 7(908)-506-1906

Website

<https://inov-ppd.ru>

Date of publication

30.04.2024

Главный редактор, Ирина Владимировна Абакумова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора, Павел Николаевич Ермаков, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор, Университет Торонто (Торонто, Канада);

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-армянский (славянский) университет (Ереван, Армения);

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор, Центр адлериянской практики и исследований в Университете Адлера (Чикаго, США);

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент, университет Конкордия (Конкордия, Канада);

Владимир Пантелеймонович Борисенков, доктор педагогических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Ольга Владимировна Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Российская Федерация);

Юрий Петрович Зинченко, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Лазарь Стошич, доктор технических наук, профессор, университет UNION Nikola Tesla (Белград, Сербия).

Редакционная коллегия

Валентина Владимировна Абраухова, доктор педагогических наук, профессор Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Виталий Вадимович Бабенко, доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Зинаида Игоревна Березина, доктор психологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Вера Александровна Лабунская, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация);

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация);

Ирина Александровна Кибальченко, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Михайловна Кобрина, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Анжелика Ильинична Лучинкина, доктор психологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация);

Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Белоруссия);

Наталья Александровна Лызь, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Валерьевна Муругова, доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Любовь Яковлевна Хоронько, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор, Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Выпускающий редактор, Евгений Александрович Проненко, кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ответственный секретарь, Диана Валерьевна Запорожец, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Переводчик, Влада Романовна Старыгина;

Литературный редактор, Маргарита Евгеньевна Беликова, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Editor-in-Chief, Irina V. Abakumova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Deputy Editor-in-Chief, Pavel N. Ermakov, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Editorial Board

Alla K. Belousova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Valery P. Belyanin, Dr.Sci. (Philology), Professor, University of Toronto (Toronto, Canada);

Asya S. Berberyan, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Russian Federationn-Armenian University (Yerevan, Armenia);

Marina Bluvstein, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Center for Adlerian Practice and Research at Adler University (Chicago, USA);

Evgeny F. Borokhovskiy, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Concordia University (Concordia, Canada);

Vladimir P. Borisenkov, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Olga V. Gukalenko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Institute for Education Development Strategy of the Russian Federationn Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

Yuri P. Zinchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Lazar Stosic, Dr.Sci., Professor, Faculty of Management, Sremski Karlovci, University UNION Nikola Tesla, (Belgrade, Serbia).

Editorial Board

Valentina V. Abraukhova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vitaly V. Babenko, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Zinaida I. Berezina, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vera A. Labunskaya, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Vorobyeva, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana I. Vlasova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Maxim N. Dmitriev, Cand.Sci. (Medicine), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Alexander V. Dyatlov, Dr.Sci. (Sociology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Nadezhda F. Efremova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Laura T. Kagermazova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation);

Anatoly V. Karpov, Dr.Sci. (Psychology), Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation);

Irina A. Kibalchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa M. Kobrina, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation);

Angelika I. Luchinkina, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol, Russian Federation);

Tatiana V. Lisovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (Minsk, Belarus);

Natalia A. Lyz, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Evgeny Ye. Nesmeyanov, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga S. Mavropulo, Cand.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena A. Makarova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Murugova, Dr.Sci. (Philology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vlada I. Pischik, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Marina L. Skuratovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga D. Fedotova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

Lyubov Ya. Khoronko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana N. Shcherbakova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Rostov Institute of Improving Teachers' Qualification and Professional Retraining (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Executive Editor, Evgeny A. Pronenko, Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Responsible secretaries, Diana V. Zaporozhets, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Translator, Vlada R. Starygina;

Literary editor, Margarita E. Belikova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Управление семейными финансами в современной российской семье: взаимосвязь типа семьи и монетарных отношений	9
<i>Влада И. Пищик, Ирина В. Шуть</i>	
Специфика проявлений эмоционального выгорания личности с разной направленностью в условиях мобильности	18
<i>Татьяна В. Сташкова</i>	
Пренатальные и детские травматические факторы и психосоциальные последствия у лиц с различной репрезентацией собственного рождения	28
<i>Надежда С. Наумчук</i>	

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Перспективные направления исследований психологических и психофизиологических механизмов когнитивной устойчивости в условиях стресса	38
<i>Геннадий Г. Яцык</i>	
Распознавание эмоций молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья	50
<i>Вадим Ю. Горелов</i>	

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИЯ

Гармонизация семейных коммуникаций матери и ребенка младшего дошкольного возраста в коррекционных онлайн занятиях по развитию речи	64
<i>Яна И. Омеляненко</i>	
Дисграфия в речи старшеклассников: опыт анализа и систематизации ошибок	75
<i>Ольга П. Фесенко</i>	

Contents

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Family Financial Management in a Modern Russian Family: the Relationship Between Family Type and Monetary Relations 9**
Vlada I. Pischik, Irina V. Shut
- Specificity of Emotional Burnout of Personality with Different Orientations in Conditions of Mobility 18**
Tatiana V. Stashkova
- Prenatal and Childhood Traumatic Factors and Psychosocial Consequences in Individuals with Different Representations of Their Births 28**
Nadezhda S. Naumchuk

PSYCHOPHYSIOLOGY

- Prospective Directions of Research on Psychological and Psychophysiological Mechanisms of Cognitive Resilience under Stress 38**
Gennady G. Yatsyk
- Recognition of Emotions by Young People with Disabilities 50**
Vadim Y. Gorelov

CORRECTIONAL PSYCHOLOGY AND DEFECTOLOGY

- Harmonisation of Family Communications Between Mother and Child of Younger Preschool Age in Corrective Online Classes on Speech Development 64**
Yana I. Omelianenko
- Dysgraphia in the Speech of High School Students: Experience of Analysis and Systematisation of Errors 75**
Olga P. Fesenko

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 159.9:316.6

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-9-17>

Управление семейными финансами в современной российской семье: взаимосвязь типа семьи и монетарных отношений

Влада И. Пищик , Ирина В. Шуть

Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

 vladaph@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном мире остро встает вопрос финансирования семьи, актуализируется проблема изучения монетарных отношений в семье. Это связано с проявлением тенденции снижения у молодежи потребности в создании семьи и экономическими вызовами настоящего времени. Сегодня уже выявлены различные типы семьи: патриархальный, матриархальный, эгалитарный и много других смешанных типов. Исследователи акцентируют различные характеристики семейных структур (семейные роли, удовлетворенность браком) и лишь немного работ посвящено вопросам монетарных отношений в семье. В отечественной психологии указанные характеристики редко привязываются к типу семьи.

Цель. Изучить монетарные отношения в различных типах семей.

Материалы и методы. Исследованы 210 семейных пар, которые были дифференцированы по типу семьи (патриархальный, матриархальный и эгалитарный). Для диагностики были применены следующие методики: опросник монетарных установок, метод выявления особенности распределения ролей в семье, тест на удовлетворенность браком и анкета для определения типа семьи. Математическая обработка данных проводилась с применением коэффициента корреляции Спирмена и U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования. В патриархальных и матриархальных семьях в большей степени выражены такие отношения, как поклонение деньгам (супруг) и обеспеченность деньгами (супруга). В эгалитарных семьях больше выражены поклонение деньгам (супруг) и обеспеченность деньгами (супруга). Распределение ролей в матриархальных семьях следующее: больше выражены такие роли, как воспитание детей, исполнение роли «хозяина»/«хозяйки» (супруг), организации семейной субкультуры (супруга). В патриархальной семье выражены такие роли, как исполнение роли «хозяина»/«хозяйки» (супруг), воспитания детей и поддержание эмоционального климата (супруга). В эгалитарных семьях выражены роли поддержания эмоционального климата, исполнения роли «хозяина»/«хозяйки», организации семейной субкультуры (супруг) и материальной обеспеченности семьи (супруга). Удовлетворенность браком выше в эгалитарных семьях.

Обсуждение результатов. Проведенный корреляционный анализ показал, что в матриархальных семьях обсуждение темы денег не принята, по всей видимости замалчивается на фоне неудовлетворенности браком. В патриархальной семье тема денег связана с обеспечением семьи. В эгалитарных семьях тема денег взаимосвязана положительно с ролью «хозяина»/«хозяйки». Отношение к деньгам в эгалитарных семьях не связаны с удовлетворенностью браком.

Ключевые слова: монетарные отношения, семейные роли, удовлетворенность браком, супружеские пары

Для цитирования. Пищик, В. И., и Шуть, И. В. (2024). Особенности монетарных отношений в различных типах семей. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 9–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-9-17>

Family Financial Management in a Modern Russian Family: the Relationship Between Family Type and Monetary Relations

Vlada I. Pischik , Irina V. Shut

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ vladaph@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the modern world, the issue of family financing is becoming acute, and the study of monetary relations within the family is being actualized. This is associated with the trend of decreasing the need for young people to form families and the economic challenges of the present time. Today, various types of families have already been identified: patriarchal, matriarchal, egalitarian, and many other mixed types. Researchers emphasize various characteristics of family structures (family roles, marital satisfaction) and only few works are devoted to the issues of monetary relations in the family. In domestic psychology, these characteristics are rarely tied to the type of family.

Objective. To study monetary relationships in different types of families.

Materials and methods. 210 family couples were studied, who were differentiated by family type (patriarchal, matriarchal, and egalitarian). The following methods were applied for diagnostics: a questionnaire of monetary attitudes, a method for identifying the distribution of roles in the family, a test for marital satisfaction, and a questionnaire for determining the type of family. Data analysis was conducted using the Spearman correlation coefficient and the Mann-Whitney U test.

Results. In patriarchal and matriarchal families such attitudes as worship of money (spouse) and provision with money (spouse) are more expressed. In egalitarian families, money worship (spouse) and money security (spouse) are more pronounced. The distribution of roles in matriarchal families is as follows: such roles as raising children, playing the role of “master”/“mistress” (spouse), and organizing family subculture (spouse) are more pronounced. In patriarchal families such roles as fulfillment of the role of “master”/“mistress” (spouse), raising children and maintaining the emotional climate (spouse) are expressed. In egalitarian families the roles of maintaining the emotional climate, playing the role of “master”/“mistress”, organizing the family subculture (spouse) and material security of the family (spouse) are expressed. Marriage satisfaction is higher in egalitarian families.

Discussion. The conducted correlation analysis showed that in matriarchal families the discussion of the topic of money is not accepted, apparently it is silenced against the background of dissatisfaction with marriage. In patriarchal families, the topic of money is related to the provision of the family. In egalitarian families the topic of money is positively connected with the role of “master”/“mistress”. Attitudes towards money in egalitarian families are not related to marital satisfaction.

Keywords: monetary relationships, marital roles, marital satisfaction, couples

For citation. Pischik, V. I., & Shut, I. V. (2024). Family financial management in a modern Russian family: the relationship between family type and monetary relations. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(2), 9–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-9-17>

Введение

Управление денежными средствами в семьях – сложная задача, требующая различных знаний и навыков. В действительности на управление капиталом влияют различные факторы, такие как социально-экономический статус супругов, семейное положение и жизненный этап семьи (Obstfeld & Alan, 2017; Глухов, 2022). Управление семейными капиталами сегодня стало более сложным в силу ряда внешних, экономических причин (Raijas, 2011; Истомина, Лукина и Какаулина, 2022). Деньги могут стать причиной конфликтов в семьях если у их членов разные представления о том, как ими пользоваться. В таком случае оборот денег может оказаться непростой темой для обсуждения (Понукалина, 2022). Управление денежными средствами включает в себя как повседневные, так и долгосрочные действия (Гаврилик, 2019). Краткосрочные повседневные действия сосредоточены на частых покупках. Важные долгосрочные решения в области управления капиталом включают сбережения, инвестиции и страхование. Рациональный взгляд на управление капиталом рассматривает его как процесс, включающий планирование, поиск информации, принятие решений, реализацию и контроль (Глухов, 2022). В семье управление капиталом требует общения и взаимодействия между членами. Ожидается, что общение будет максимально открытым, но четкие соглашения, касающиеся использования денег, пока не очень распространены. Деньги являются одним из способов формирования отношений в паре, но в то же время они также формируются парой и другими социальными отношениями. Более высокие доходы и восприятие денег как собственности означают больший контроль над ними (Nyman, 2003).

В Швеции управление денежными средствами более разграничено в смешанных семьях, чем в нуклеарных (Raijas, 2011). В нуклеарных семьях как банковскими счетами, так и оплатой расходов последовательно управляли совместно. В смешанных семьях супруги предпочитают иметь отдельные банковские счета и придерживаются

нескольких различных методов оплаты своих совместных расходов. В нуклеарных семьях взрослые оплачивают расходы на детей в основном вместе, но в смешанных семьях только один взрослый, в основном биологическая мать детей, отвечает за расходы.

Традиционно японские женщины занимаются финансовой организацией домашнего хозяйства, независимо от их статуса занятости. Мужья переводят все доходы своим женам и получают ежемесячное пособие в качестве карманных денег, в то время как в парах с двумя кормильцами женщины реже управляют семейными деньгами. Женское управление капиталом в Японии позиционируется как часть набора ролей жены/матери/домохозяйки и является скорее «женской» задачей, чем «мужской» (Çineli, 2023).

Большое влияние на монетарные отношения в семье оказывает финансовая грамотность. Исследователи обнаружили, что финансовая грамотность в значительной степени предсказывает наличие ликвидных сбережений в течение трех месяцев, контроль за доходом, изменчивость доходов и даже ресурсы на родителей (Bhutta, Blair & Dettling, 2023).

Все описанные выше особенности взаимоотношений супругов определяют тип семьи. Взаимосвязь типа семьи и монетарных отношений изучена в России в меньшей степени. Мы предполагаем, что тип семьи оказывает влияние на монетарные отношения супругов. Остаются неизученными взаимосвязи монетарного отношения супругов с показателями удовлетворенности браком, распределения ролей в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типа. Целью исследования является изучения монетарных отношений в различных типах семей.

Материалы и методы

Диагностика респондентов проводилась с помощью следующего методического инструментария: опросник монетарных аттитюдов Клонц (адаптирован Д. А. Баязитовой, Т. А. Лапшовой) (Баязитова и Лапшова, 2017); методика «особенности распределения ролей в семье» (Алешина, Гозман и Дубовская, 1987); тест на удовлетворенность браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко) (Ильин, 2007); анкета «определение типа семьи» (Спивачук, 2017). Методы статистической обработки информации включали в себя описательную статистику (подсчет средних значений), сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни и корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена (поскольку результаты измерения не подчинены нормальности закона распределения).

В соответствии с целью были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Вероятно, существуют взаимосвязи между показателями монетарного отношения супругов с показателями удовлетворенности браком, распределения ролей в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типа.

2. Вероятно, существуют значимые различия по данным показателям в различных типах семей у мужчин и женщин.

Результаты исследования

Выборку исследования составили 210 супружеских пар, разделенных на три подгруппы по типу семьи: группа 1 – 53 семей матриархального типа (основные семейные функции главы семьи выполняет женщина); группа 2 – 70 семей патриархального типа (выраженное доминирование мужчины в выполнении семейных функций); группа 3 – 87 семей эгалитарного типа (склонность обоих супругов к соперничеству и конкуренции, ориентация на доминирование во взаимодействиях и принципиальной инициативой реализовывать экономическую функцию в семье). В таблице 1 приведены результаты сравнительного анализа по шкалам монетарных отношений супругов в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типов с применением U-критерия Манна-Уитни.

Уровень показателя монетарных отношений «избегание денег» у мужчин в семьях матриархального типа достоверно выше, чем у мужчин в семьях патриархального и эгалитарного типа, а уровень показателя монетарных отношений «деньги как статус» у мужчин в семьях патриархального и эгалитарного типа достоверно выше, чем у мужчин в семьях матриархального типа.

Уровень показателя монетарных отношений «поклонение деньгам» у мужчин в патриархальных семьях достоверно выше, чем у мужчин в семьях матриархального и эгалитарного типа. Показатель монетарных отношений «обеспокоенность деньгами» у мужчин в патриархальных семьях достоверно выше, чем у мужчин в семьях матриархального и эгалитарного типа. Также данный показатель у мужчин в матриархальных семьях достоверно выше, чем у мужчин в семьях эгалитарного типа.

Уровень показателя монетарных отношений «избегание денег» у женщин в семьях матриархального и патриархального типов достоверно выше, чем у женщин в семьях эгалитарного типа. Уровень показателя монетарных отношений «деньги как статус» у женщин в семьях патриархального и эгалитарного типа достоверно выше, чем у женщин в семьях матриархального типа. Уровень показателя монетарных отношений «поклонение деньгам» у женщин в матриархальных семьях достоверно выше, чем у женщин в семьях патриархального типа. Показатель монетарных отношений «обеспокоенность деньгами» у женщин в матриархальных семьях достоверно выше, чем у женщин в семьях патриархального и эгалитарного типа.

Таблица 1

Результаты расчета значимых различий монетарных отношений у мужчин и женщин в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типов

Шкалы	Средние значения						Критерий Манна-Уитни U/ уровень значимости (p)					
	М		П		Э		М/П		П/Э		М/Э	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Избегание денег	2,23	2,79	1,24	2,87	1,28	1,84	885,0/ 0,01	583,0	174,0	400,0/ 0,01	620,0/ 0,01	485,0/ 0,01
Деньги как статус	2,30	1,79	3,53	2,32	3,42	2,84	926,0/ 0,01	787,5/ 0,01	184,5	904,5/ 0,01	726,0/ 0,01	335,5/ 0,01
Поклонение деньгам	3,76	3,13	4,59	2,43	3,69	2,75	776,0/ 0,01	586,0/ 0,01	768,0/ 0,01	135,0	185,5	133,5
Обеспокоенность деньгами	3,22	4,53	4,13	3,85	2,79	3,13	659,0/ 0,01	886,5/ 0,01	934,5/ 0,01	470,5/ 0,01	514,0/ 0,05	330,0/ 0,01

Примечание: М – матриархальный тип; П – патриархальный тип; Э – эгалитарный тип.

В таблице 2 приведены результаты сравнительного анализа по шкалам распределения ролей супругов в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типов с применением U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 2

Результаты расчета значимых различий распределения ролей у мужчин и женщин в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типов

Шкалы	Средние значения						Критерий Манна-Уитни U/ уровень значимости (p)					
	М		П		Э		М/П		П/Э		М/Э	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Воспитание детей	3,65	3,00	3,30	4,20	2,00	2,70	143,0	550,0/ 0,01	345,0/ 0,01	780,0/ 0,01	687,5/ 0,01	255,0/ 0,003
Материальное обеспечение семьи	2,65	3,00	2,30	3,30	2,70	3,30	398,0/ 0,010	155,0	107,0/ 0,01	200,0	193,5	155,0/ 0,001
Поддержка эмоционального климата в семье	1,75	1,70	4,00	4,10	2,70	2,00	763,0/ 0,010	652,0/ 0,01	510,0/ 0,01	899,0/ 0,01	585,0/ 0,01	155,0/ 0,002
Организация развлечений	3,30	3,30	2,00	1,30	2,30	3,00	458,0/ 0,010	600,0/ 0,01	155,0	915,0/ 0,01	669,0/ 0,01	855,0/ 0,001
Исполнение роли «хозяина»/«хозяйки»	4,00	3,00	3,70	4,00	2,70	2,00	145,0/ 0,003	941,0/ 0,01	550,0/ 0,01	505,0/ 0,01	738,0/ 0,01	739,0/ 0,010
Ответственность за удовлетворенность интимными отношениями	1,70	2,00	1,30	1,30	2,30	3,00	627,0/ 0,050	95,0 p=0,01	56,0 p=0,01	15,0 p=0,01	107,0 p=0,01	751,0 p=0,01
Организация семейной субкультуры	3,30	3,70	2,00	1,30	2,70	2,00	645,0/ 0,010	743,0/ 0,01	804,0/ 0,01	995,0 p=0,01	107,0 p=0,01	474,5 p=0,01

Примечание: группа 1 – матриархальный тип; группа 2 – патриархальный тип; группа 3 – эгалитарный тип.

Для мужчин и женщин роль женщины в воспитании детей в семьях патриархального и матриархального типа достоверно выше, чем в семьях эгалитарного типов. Для мужчин роль женщины в финансовом обеспечении в семьях матриархального и эгалитарного типа достоверно выше, чем в семьях патриархального и эгалитарного

типов. Для мужчин и женщин роль женщины в поддержке эмоционального климата в семьях патриархального типа достоверно выше, чем в семьях матриархального и эгалитарного типов.

Для мужчин и женщин роль женщины в организации развлечений и быта в семьях матриархального типа достоверно выше, чем в семьях патриархального и эгалитарного типов. Роль «хозяйки» в понимании мужчин и женщин в семьях матриархального и патриархального типов достоверно чаще, чем в семьях эгалитарного типа соответственно выполняет женщина.

По мнению мужчин и женщин в семьях патриархального и матриархального типов за удовлетворенность интимными отношениями по сравнению с эгалитарной семьей соответственно мужчина несет ответственность достоверно чаще. В эгалитарных отношениях данная роль распределяется между мужчиной и женщиной.

По мнению мужчин и женщин роль организатора семейной субкультуры в семьях матриархального типа достоверно чаще выполняет женщина по сравнению с семьями патриархального и эгалитарного типов. В эгалитарных семьях есть тенденция к тому, что роль организатора семейной субкультуры может выполнять и мужчина, и женщина. В патриархальных семьях эту роль выполняет скорее мужчина.

В таблице 3 представлен сравнительный анализ показателей удовлетворенности браком в группе мужчин и женщин.

Таблица 3

Результаты расчета значимых различий показателей удовлетворенности браком супругов у мужчин и женщин в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типов с применением U-критерия Манна-Уитни

Шкалы	Средние значения						Критерий Манна-Уитни U/ уровень значимости (p)					
	М		П		Э		М/П		П/Э		М/Э	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Удовлетворенность браком	24,30	30,35	32,20	30,65	38,65	41,35	104,00/ 0,01	168,50	140,00	70,50/ 0,01	728,00/ 0,01	33,50/ 0,01

Примечание: М – матриархальный тип; П – патриархальный тип; Э – эгалитарный тип.

Было выявлено, что показатель удовлетворённости браком в семьях матриархального типа ниже, чем в семьях других типов. Уровень показателя удовлетворенности браком у мужчин в семьях патриархального и эгалитарного типа достоверно выше, чем у мужчин из семей матриархального типа. Уровень показателя удовлетворенности браком у женщин в семьях эгалитарного типа достоверно выше, чем у женщин из семей матриархального и патриархального типа.

Анализ взаимосвязей между показателями монетарного отношения супругов и показателями удовлетворенности браком, распределения ролей в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типа представлены в таблице 4.

В матриархальных семьях были обнаружены тесные прямые связи между шкалами «материальное обеспечение семьи» и «обеспокоенность деньгами» и обратная связь с избеганием денег. Роль «хозяина»/«хозяйки» имеет прямую связь с избеганием темы денег, обеспокоенностью деньгами и в меньшей степени связана с представлениями о деньгах, как о критерии статусности. При этом нет связи с удовлетворенностью браком.

В патриархальной семье удовлетворенность браком связана с обеспокоенностью темы денег. При этом роли материального обеспечения семьи и организации семейной субкультуры положительно связаны темой поклонения деньгам. Большинство показателей являются отрицательными, что свидетельствует об обратной связи между показателями. Например, роль воспитания детей отрицательно взаимосвязана со шкалой «деньги как статус», а избегание темы денег отрицательно взаимосвязано с ролями организации развлечений, организации семейной субкультуры, и исполнением роли «хозяина»/«хозяйки».

В эгалитарных семьях удовлетворенность браком отрицательно взаимосвязана со шкалами «поклонение деньгам» и «деньги как статус». Избегание денег положительно взаимосвязано ролями материального обеспечения семьи, организации развлечений. Деньги как статус связаны положительно с ролями организации семейной субкультуры и с исполнением роли «хозяина»/«хозяйки».

Таблица 4

Результаты расчета корреляций между показателем монетарного отношения супругов с показателями распределения ролей в семьях

Шкалы	Вос- пита- ние детей	Материаль- ное обеспе- чение семьи		Организация развлечений			Исполнение роли «хозяина»/«хозяйки»			Организация семейной субкультуры		Удовлетво- ренность браком	
Тип семьи	П	М	П	Э	П	Э	М	П	Э	П	Э	П	Э
Избегание денег		−0,43**		0,52**	−0,44**	0,44**	0,54**	−0,33*		−0,39*			
Деньги как статус	−0,53**		0,35*		0,36*		0,35*		0,34*	0,36*	0,34*		−0,39*
Покло- нение деньгам	−0,58**		0,33*	−0,55**	,38*	−0,33*			0,36*	0,39*			−0,37*
Обеспо- коенность деньгами		0,55**					0,47**					0,48**	

Примечание: М – матриархальный тип; П – патриархальный тип; Э – эгалитарный тип;

* – корреляции статистически достоверны ($p \leq 0,05$);

** – корреляции статистически достоверны ($p \leq 0,01$).

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования установлено следующее: семьи матриархального типа склонны к тому, чтобы избегать вопросов, связанных с деньгами; семьи с лидером-мужчиной или супруги в равноправных отношениях более склонны к тому, чтобы акцентировать внимание на важности финансов в решении жизненных вопросов; семьи матриархального и патриархального типов более склонны к тому, чтобы скрывать свои доходы и не ставить свою семью и других людей в известность о собственном экономическом положении по сравнению с семьями эгалитарного типа. Баязитова и Лапшова (2017) ранее установили, что люди возраста 21–40 лет, мужского и женского пола могут стремиться избегать разговоров о деньгах, но без отсылки к типу семьи.

Большую роль в монетарных отношениях играют социальные роли, которые лежат в основе ожиданий супругов (Гагай и Ефремова, 2019). Нами установлено, что в патриархальных семьях главную роль в обеспечении семьи деньгами выполняет мужчина, в матриархальных семьях обязанность по материальному обеспечению семьи чаще лежит на женщине, а в эгалитарных семьях отмечается равноправное распределение финансовых обязанностей. Роль хозяина в патриархальных семьях выполняет мужчина, в матриархальных семьях – женщина, а в эгалитарных наблюдается тенденция к равноправию.

В работе Кукуляр и Батовой (2019) показано, что удовлетворенность в браке взаимосвязана с длительностью его существования. В нашем исследовании такой связи не обнаружено, а данный показатель обуславливают другие факторы. Выявлено, что в семьях эгалитарного брака уровень удовлетворённости браком значимо выше, чем в семьях матриархального и патриархального типов. В работе Малковой (2022) демонстрируется, что удовлетворенность браком среди женщин выражена несколько больше, чем у мужчин. В нашем исследовании отражена схожая тенденция.

В работе Якиманской (2024) отмечается, что ранее проблема удовлетворенности браком рассматривалась обобщенно. При этом мы установили, что удовлетворенность браком отрицательно взаимосвязана с монетарным отношением к деньгам в позитивном ключе. Таким образом, наше исследование дополнило картину изучения удовлетворенности браком.

Гипотеза о значимых связях показателей монетарного отношения супругов с показателями удовлетворенности браком, распределения ролей в семьях разного типа подтвердилась. В матриархальных семьях высокий показатель избегания больших трат обуславливает ситуацию, когда мужчина берет на себя роль ответственного за материальное обеспечение семьи, а женщина в большей степени концентрируется на вопросах быта, то есть избегание денег может приводить к смещению привычных ролей. Склонность воспринимать деньги, как основной инструмент решения проблем, оценка других людей с точки зрения социально-экономического статуса, а также обеспокоенность деньгами и скрытность в отношении финансов связаны с тем, что женщина берет на себя ответственность за материальное обеспечение семьи и за благоустройство быта семьи.

В патриархальных семьях высокий показатель избегания больших трат обуславливает ситуацию, когда мужчина берет на себя роль ответственного за материальное обеспечение семьи, вопросы быта и организации досуга. Вероятно, это связано с тем, что у мужчин смещается фокус внимания с финансовых вопросов на вопросы семейных ценностей. В патриархальных семьях склонность к экономии и бережливое отношение к финансам способствует более высокому уровню удовлетворенности браком. Это нашло подтверждение в исследовании Ростовцевой, Гончаревич и Шестакова (2022), где установлено, что для патриархальных семей не характерны высокая социальная активность, направленность на развитие карьеры обоих супругов, высокий уровень доверительного общения и взаимопонимания.

Установлено, что в эгалитарных семьях высокий показатель избегания больших трат обуславливает ситуацию, когда женщина берет на себя роль ответственного за материальное обеспечение семьи и за развлечения. Поклонение деньгам связано с тем, что мужчина берет на себя роль ответственного за материальное обеспечение, быт и досуг семьи. Вероятно, это связано с тем, что в эгалитарных семьях роль за материальное обеспечение делится между мужчинами и женщинами в зависимости от обстоятельств. Избегание темы денег и неспособность делать большие траты связано с тем, что деньги – это основной ресурс и власть связана с более низким уровнем удовлетворенности браком. Возможно, это выражается в том, что у женщин и мужчин наблюдается некоторые противоречия в том, как они относятся к финансам или разногласия в распределении ролей, что может приводить к более низкому уровню удовлетворенности браком.

Заключение. Проанализировав исследования в сфере психологии семьи, можно заключить, что в современном транзитивном обществе изменяются доминирующие типы семьи, роли и иерархия власти в семьях, что взаимосвязано с отношением к деньгам или, так называемым, «монетарным отношением». В России семейные особенности монетарного отношения были изучены в недостаточной степени.

В представленном эмпирическом исследовании было установлено, что тип семьи взаимосвязан с выраженностью особенностей монетарных отношений супругов. Были обнаружены взаимосвязи монетарного отношения супругов с показателями удовлетворенности браком и распределения ролей в семьях матриархального, патриархального и эгалитарного типа. В распространенных семьях матриархального типа, при главенстве женщины, обнаружены обеспокоенность и скрытность в материальных вопросах. В эгалитарных семьях, когда наблюдается некоторое смешение женских и мужских ролей можно наблюдать обратную связь финансовых вопросов и удовлетворенности браком. Таким образом, существует необходимость повышения финансовой грамотности супругов и осуществления консультативной психологической помощи парам.

Список литературы

- Алешина, Ю. Е., Гозман, Л. Я., и Дубовская, Е. М. (1987). *Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: спецпрактикум по социальной психологии*. МГУ.
- Баязитова, Д. А., и Лапшова, Т. А. (2017). Адаптация опросника монетарных аттитюдов Б. и Т. Клонц на русскоязычной выборке. *Петербургский психологический журнал*, 19, 112–132.
- Гагай, В. В., и Ефремова, А. В. (2019). Ролевая структура семьи как фактор удовлетворенности браком. *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(3), 14PSMN319.
- Гаврилик, О. Н. (2019). *Деньги в системе социальных отношений: монография*. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.
- Глухов, В. В. (2022). Формы и модели управления финансами в домашнем хозяйстве. *Проблемы учета и финансов*, 1, 3–10.
- Истомина, О. Б., Лукина, А. А., и Какаулина, Е. В. (2022). *Институт семьи в современном российском обществе: сущность, структура, тенденции функционирования: монография*. Иркутский государственный университет.
- Кукуляр, А. М., и Батова, Н. Э. (2019). Изучение удовлетворенности браком у женщин с разной продолжительностью семейной жизни. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 2(1), 39–56.
- Малкова, Е. А. (2022). Удовлетворенность браком и ролевая адекватность в молодых семьях. *Современные психологические и педагогические технологии*, 2, 3–18.
- Понукалина, О. В. (2022). Формирование отношения к деньгам в контексте семейного финансового конфликта. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, 22(4), 389–394. <https://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-389-394>
- Ростовцева, М. В., Гончаревич, Н. А., и Шестаков, В. Н. (2022). Успешность в карьере супругов в семьях патриархального и эгалитарного типа. *Психолог*, 5, 18–35. <https://www.doi.org/10.25136/2409-8701.2022.5.38774>
- Спивачук, З. В. (2017). Особенности псевдопатриархальных отношений мужчин и женщин. *Национальное здоровье*, 1–2, 204–215.
- Ильин, Е. П. (2007). *Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины*. Питер.
- Якиманская, И. С. (2024). Удовлетворенность браком, особенности личности супругов и выбор стратегий выхода из семейных конфликтов. *Психолог*, 1, 39–46. <https://www.doi.org/10.25136/2409-8701.2024.1.69585>

- Bhutta, N., Blair, J., & Dettling, L. (2023). The smart money is in cash? Financial literacy and liquid savings among U.S. families. *Journal of Accounting and Public Policy*, 42(2), 107000. <https://doi.org/10.1016/j.jaccpubpol.2022.107000>
- Çineli, B., & Mugiyama, R. (2023). Money management over the course of marriage: Parenthood, employment and household financial organization in Japan. *Advances in Life Course Research*, 56, 100544. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2023.100544>
- Nyman, C. (2003). The social nature of money: Meanings of Money in Swedish Families. *Women's Studies International Forum*, 26(1), 79–94. [https://doi.org/10.1016/S0277-5395\(02\)00357-6](https://doi.org/10.1016/S0277-5395(02)00357-6)
- Obstfeld, M., & Alan, M. (2017). International Monetary Relations: Taking Finance Seriously. *Journal of Economic Perspectives*, 31(3), 3–28. <https://doi.org/10.1257/jep.31.3.3>
- Raijas, A. (2011). Money management in blended and nuclear families. *Journal of Economic Psychology*, 32(4), 556–563. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2011.02.006>

References

- Aleshina, Yu. E., Gozman, L. Ya., & Dubovskaya, E. M. (1987). *Social and psychological methods of studying marital relations*. Moscow State University.
- Bayazitova, D. A., & Lapshova, T. A. (2017). Monetary attitudes: Russian language adaptation of Klontz Money Script Inventory. *St. Petersburg Psychological Journal*, 19, 112–132.
- Bhutta, N., Blair, J., & Dettling, L. (2023). The smart money is in cash? Financial literacy and liquid savings among U.S. families. *Journal of Accounting and Public Policy*, 42(2), 107000. <https://doi.org/10.1016/j.jaccpubpol.2022.107000>
- Çineli, B., & Mugiyama, R. (2023). Money management over the course of marriage: Parenthood, employment and household financial organization in Japan. *Advances in Life Course Research*, 56, 100544. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2023.100544>
- Gagay, V. V., Efremova, A. V. (2019). Role structure of the family as a factor of satisfaction with marriage. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 7(3), 14PSMN319.
- Gavrilik, O. N. (2019). *Money in the system of social relations: monograph*. Yanka Kupala State University of Grodno.
- Glukhov, V. V. (2022). Forms and models of financial management in the household. *Problems of accounting and finance*, 1, 3–10.
- Iakimanskaia, I. S. (2024). Satisfaction with marriage, personality traits of the spouses and the choice of strategies for overcoming family conflict. *Psychologist*, 1, 39–46. <https://www.doi.org/10.25136/2409-8701.2024.1.69585>
- Ilyin, E. P. (2007). *Differential psychophysiology of man and woman*. Piter.
- Istomina, O. B., Lukina, A. A., Kakaulina, E. V. (2022). *Family as the primary institution of socialization: monograph*. Irkutsk State University.
- Kukulyar, A. M. & Batova, N. E. (2019). Study of satisfaction with marriage in women with different family life expectancy. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology* 2(1), 39–56.
- Malkova, E. A. (2022). Marital satisfaction and role adequacy in young families. *Modern psychological and pedagogical technologies*, 2, 3–18.
- Nyman, C. (2003). The social nature of money: Meanings of Money in Swedish Families. *Women's Studies International Forum*, 26(1), 79–94. [https://doi.org/10.1016/S0277-5395\(02\)00357-6](https://doi.org/10.1016/S0277-5395(02)00357-6)
- Obstfeld, M. & Alan, M. (2017). International Monetary Relations: Taking Finance Seriously. *Journal of Economic Perspectives*, 31(3), 3–28. <https://doi.org/10.1257/jep.31.3.3>
- Ponukalina, O. V. (2022). The formation of the attitude towards money in the context of family financial conflict. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 22(4), 389–394. (In Russian) <https://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-389-394>
- Raijas, A. (2011). Money management in blended and nuclear families. *Journal of Economic Psychology*, 32(4), 556–563. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2011.02.006>
- Rostovtseva, M. V., Goncharevich, N. A., & Shestakov, V. N. (2022). Success in the Career of Spouses in Patriarchal and Egalitarian Families. *Psychologist*, 5, 18–35. <https://www.doi.org/10.25136/2409-8701.2022.5.38774>
- Spivachuk, Z. V. (2017). Features of pseudo-patriarchal relations of men and women. *National Health*, 1–2, 204–215.

Об авторах:

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID, vladaph@yandex.ru](mailto:vladaph@yandex.ru)

Ирина Владимировна Шуть, магистр, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID, sh-vl-81@mail.ru](mailto:sh-vl-81@mail.ru)

Поступила в редакцию 14.01.2024

Поступила после рецензирования 16.03.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Vlada Igorevna Pischik, Dr. Sci. (Psychology), Professor of the General and Counseling Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), vladaph@yandex.ru

Irina Vladimirovna Shut, Master of Science, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), sh-vl-81@mail.ru

Received 14.01.2024

Revised 16.03.2024

Accepted 25.03.2024

Conflict of interest

The authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.99

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-18-27>

Специфика проявлений эмоционального выгорания личности с разной направленностью в условиях мобильности

Татьяна В. Сташкова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ t.v.stashkova@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность материалов исследования заключается в конкретизации кластеров внутренних факторов, влияющих на формирование синдрома эмоционального выгорания субъекта жизнедеятельности в условиях повышенной мобильности. В условиях многозадачности и неопределённости возникают специфические перегрузки индивидуальной системы контроля и саморегуляции человека, особые требования к способности личности к своевременным конструктивным трансформациям, умению адекватно определять их направление и формат. Новизна исследования заключается в выявлении и описании особенностей выраженности фаз и показателей эмоционального выгорания как общепсихологического феномена в условиях неопределённости. В содержании статьи включён сравнительный анализ профиля эмоционального выгорания у психологов, педагогов и специалистов технического профиля в контексте рисков неопределённости.

Цель. Изучение субъективных факторов эмоционального выгорания личности разной направленности в условиях мобильности.

Материалы и методы. В данном исследовании были применены следующие методики: анкета «Факторы эмоционального выгорания в условиях мобильности» (Т. Н. Щербакова); тест «Определение состояния фрустрации» В. В. Бойко; «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой).

Результаты исследования. Установлено, что специалисты технического профиля испытывают эмоциональное истощение и деперсонализацию в большей степени, чем педагоги. При этом редукция личностных достижений существенно более характерна для педагогов. Обнаружена корреляционная связь между внутренней конфликтностью и стажем профессиональной деятельностью. Кроме того, существуют положительные корреляционные связи между стажем и самопринятием, осознанием цели и отраженным самоотношением.

Обсуждение результатов. Данные эмпирического исследования демонстрируют наличие рисков проявления эмоционального выгорания в ситуации повышенной неопределённости и субъективных ресурсов преодоления его последствий. Впервые показана роль самоотношения в возникновении и протекании эмоционального выгорания личности. Развивается идея о том, что эффективность программ психологического сопровождения субъектов кризиса эмоционального выгорания связана с его способностью мобилизовать собственные ресурсы для повышения психологического благополучия за счёт повышения эмоциональной стабильности.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, личность, внутренний контроль, самоотношение, личностные ресурсы, трансформация, мобильность

Для цитирования. Сташкова, Т. В. (2024). Специфика проявлений эмоционального выгорания личности с разной направленностью в условиях мобильности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 18–27. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-18-27>

Specificity of Emotional Burnout of Personality with Different Orientations in Conditions of Mobility

Tatiana V. Stashkova

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ t.v.stashkova@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research materials lies in the concretization of clusters of internal factors influencing the formation of emotional burnout syndrome of the subject of life activity in conditions of increased mobility. In conditions of multitasking and uncertainty there are specific overloads of individual system of control and self-regulation of a person, special requirements to the ability of personality to timely constructive transformations, ability to adequately determine their direction and format. The novelty of the research consists in revealing and describing the peculiarities of expression of phases and indicators of emotional burnout as a general psychological phenomenon in conditions of uncertainty. The content of the article includes a comparative analysis of the profile of emotional burnout in psychologists, teachers and technical specialists in the context of uncertainty risks.

Objective. To study subjective factors of emotional burnout of personality of different orientation in conditions of mobility.

Materials and methods. The following methods were used in this study: questionnaire “Factors of emotional burnout in mobility conditions” (T. N. Shcherbakova); test “Determination of frustration state” by V. V. Boyko; “Diagnostics of professional burnout” (K. Maslach, S. Jackson, adapted by N. E. Vodopyanova).

Results. It was found that technical specialists experience emotional exhaustion and depersonalization to a greater extent than teachers. At the same time, the reduction of personal achievements is significantly more typical for teachers. A correlative relationship between internal conflict and the length of professional activity was found. In addition, there are positive correlations between length of service and self-acceptance, goal awareness and reflected self-esteem.

Discussion. The data of the empirical research demonstrate the presence of risks of emotional burnout manifestation in the situation of increased uncertainty and subjective resources of overcoming its consequences. For the first time the role of self-relationship in the emergence and course of emotional burnout of personality is shown. The idea is developed that the effectiveness of psychological support programs for subjects of emotional burnout crisis is connected with his ability to mobilize his own resources to improve psychological well-being by increasing emotional stability.

Keywords: emotional burnout, personality, internal control, self-relationship, personal resources, transformation, mobility

For citation. Stashkova, T. V. (2024). Specificity of emotional burnout of personality with different orientations in conditions of mobility. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(2), 18–27. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-18-27>

Введение

В последнее десятилетие повысились требования к адаптивности, стрессоустойчивости и фрустрационной толерантности личности, что актуализирует проблему поиска субъективных факторов, детерминирующих ее психологическое благополучие. Сегодня в процессе жизненного пути человека, в контексте рисков неопределённости и роста сопутствующих стрессогенных факторов возникают препятствия в достижении устойчивого ощущения субъективного благополучия, что в ситуации недостаточного уровня самоэффективности субъекта может провоцировать развитие синдрома эмоционального выгорания. Провоцирующими факторами здесь выступают следующие: длительность негативных переживаний, проблематичность достижения субъективно значимой цели, утрата привычных опор, многозадачность, фоновое состояние утомления, дезориентированность в новой реальности и рост эмоционального напряжения. Для поддержания психологического благополучия личности в условиях мобильности большое значение имеет уровень развития эмоционального интеллекта и способность личности использовать его на практике (Абакумова и др., 2022). Актуальной представляется валидная эмпирическая оценка значимости факторов, влияющих на психологическое благополучие и способствующих профилактике кризиса эмоционального выгорания личности в контексте современных трансформаций. В связи с современными методологическими тенденциями изучения эмоционального выгорания, научный интерес представляет комплексное рассмотрение источников эмоционального выгорания, препятствующего проявлению самоэффективности личности и формированию «синдрома отложенной жизни» (Богдан и Масилова, 2022).

В настоящее время представляет интерес и большую практическую значимость эмпирическое выявление профилей эмоционального выгорания и их проекций в жизнедеятельности конкретного человека и в процессе взаимодействия в рамках различных социальных групп. В современной социореальности с высоким статусом мобильности и неопределённости человек должен быть готов находить адекватные и продуктивные способы

самореализации и самовыражения, поддержания и развития психологического благополучия в разных сферах жизнедеятельности, тем самым отвечая на вызовы действительности (Веряскина, 2019). На сегодняшний день позиционируется идея о том, что самореализация субъекта становится целью, интегрирующей личностные ресурсы с условиями протекания его активности. Психологи подчёркивают, что успешная самореализация субъекта жизненного пути напрямую коррелирует с психологическим благополучием, удовлетворённостью и самоэффективностью (Проненко и Вашумирская, 2023), уровнем субъектности и личностной идентичностью, что может выступить в качестве действенного субъективного предиктора профилактики возникновения кризиса эмоционального выгорания (Дементий, 2020; Карабанова и др., 2021). В современных психологических концепциях актуализируется проблематика стимулирования позитивных эмоциональных состояний, достижения счастья и критериев удовлетворённости жизнью как основы устойчивости личности к рискогенным влияниям среды (Соловьев, 2019). В психологических исследованиях доказано, что провокацией кризиса эмоционального выгорания становится ситуация, когда завышенные социальные ожидания и высокие достижения субъекта не соотносятся с истинными ценностно-смысловыми установками личности.

Сегодня для психологического благополучия субъекта важна экзистенциальная исполненность как результат отсутствия противоречия между субъективными представлениями о желаемой жизни и фактическим состоянием дел. Субъективное ощущение высокого качества жизни соотносится с внутренней смысловой матрицей человека, полнотой проживаемой жизни и осознанием ее ценности (Лэнгле, 2008). В психологии экзистенциальное чувство исполненности связано с нахождением личностного смысла активности в любой ситуации субъектной вовлечённости в процесс решения профессиональных и личностных задач. Соответственно, когда реализуется экзистенциально-значимые индивидуальные проекты актуализируются новые личностные ресурсы. В случае, когда это невозможно возникает неудовлетворенность, усталость и, как следствие, эмоциональное выгорание.

В связи с тем, что эмоциональное выгорание становится препятствием на пути достижения цели и успеха, самоэффективности и общей продуктивности личности, значимыми являются вопросы его психологической профилактики, выявления ресурсов и рисков личности по его преодолению, что обуславливает актуальность углубленного изучения данной проблемы (Поджио и Зверева, 2020). Важным является построение системы целого ряда форм, видов и методов деятельности, направленных на психологическую помощь личности, переживающей кризис эмоционального выгорания. В систему факторов, способных вызывать кризис эмоционального выгорания личности в условиях неопределённости, современные психологи включают следующие позиции: дефициты развития аутопсихологической компетентности, дисфункции межличностных отношений, неэффективный самоменеджмент; прокрастинацию, перфекционизм, «неподтвержденный уровень притязаний», неустойчивую и неадекватную самооценку ресурсов и рисков, ригидность мышления и схем поведения, наличие неразрешённых внутренних конфликтов, дефициты субъективной прогностики, обилие психологических защит, неконструктивные копинг-стратегии, смысловые барьеры по отношению к актуальной реальности и нивелирование значения ситуации. В условиях повышенной негэнтропии на фоне внешнего стресса у субъекта обостряются внутренние противоречия и актуализируются потенциальные индивидуально-психологические проблемы. В связи с тем, что эмоциональное выгорание существенно тормозит дальнейшее развитие личности и препятствует ее позитивному функционированию, значимым для психологической практики является формирование и закрепление ряда характеристик, способствующих его профилактике, таких как: легализация субъективных проблем, готовность к конструктивным трансформациям, психологическая гибкость и мобильность, выраженные показатели жизнестойкости, умение быстро трансформировать модели поведения, адаптивные навыки, способность к преадаптации, целесообразность усилий, умение самостоятельно управлять личными ресурсами, реальный образ будущего (Кузовкин и Жигулина, 2020).

В контекстных условиях высокой мобильности, многозадачности и неопределённости возникают специфические перегрузки индивидуальной системы контроля и саморегуляции человека, особые требования к способности личности к быстрым и своевременным конструктивным трансформациям, умению адекватно определять их направление и формат (Богдан и Масилова, 2022). Характер отношения к неопределённости и новизне, тип субъективного контроля, уровень выраженности личностной и ситуативной тревожности, тип самоотношения – все это те характеристики, выраженность которых может выступать субъективной базой сопротивления личности развитию эмоционального выгорания и связанного с ним кризиса. В качестве внутренних условий, способных препятствовать становлению синдрома эмоционального выгорания могут быть выделены следующие: личностный смысл предпринимаемой активности, нацеленность на субъективное благополучие в будущем, эмоциональная устойчивость, яркая мотивация личностного роста, доверие к себе и уверенность в самоэффективности. Ощущение эмоционального благополучия личности выступает в качестве одного из значимых субъективных факторов, катализирующих реализацию тех или иных моделей поведения личности в различных ситуациях социального, профессионального или личного характера, определяющих отношение к самой ситуации, себе и другим (Карапетян и Глотова, 2018).

Эффекты эмоционального выгорания, сопряженные с эмоциональными переживаниями разного типа, отражаются в трансформационных процессах эмоциональной сферы. В случае актуализации позитивных эмоциональных переживаний возрастает положительное самоотношение личности. Стабильно позитивное эмоциональное состояние способствует развитию различных компонентов психологического благополучия: положительного самоотношения, уверенности в себе, высокой самооценки, самопринятия, понимания собственной ценности. В свою очередь, проявляющееся эмоциональное истощение нарушает адекватное отношение личности к себе и гармонию субъективной психологической реальности, а также провоцирует деструктивную аутопсихологическую активность. Эмоционально нестабильный, тревожный человек подвержен неконструктивным трансформациям: он легко утрачивает веру в себя и ощущение самоценности. Особенно это характерно для ситуаций хронической усталости (Поджо и Зверева, 2020; Родина, 2019). Эмоциональные деструкции, накапливаясь, постепенно снижают продуктивность деятельности, негативно сказываются на позитивном восприятии себя, что в целом препятствует успешной самореализации субъекта. В то же время, психологические эффекты эмоционального выгорания влияют на общее благополучие личности и, при условии отсутствия психокоррекционных мероприятий, индивидуальная ситуация усугубляется. В процессе стагнации эмоционального напряжения наблюдается проявление ряда негативных «психологических шлейфов»: разинтегрированность контроля, обособленность, затрудненность делового и личного общения, иллюзорное преувеличение сложности проблем, гиперактуализация психологических защит, обращение к неконструктивным копинг-стратегиям. Таким образом, *цель* исследования заключается в изучении субъективных факторов эмоционального выгорания личности разной направленности в условиях мобильности.

Материалы и методы

Для решения поставленных исследовательских задач были использованы следующие методики:

- анкета «Факторы эмоционального выгорания в условиях мобильности» (Т. Н. Щербакова);
- тест «Определение состояния фрустрации» В. В. Бойко;
- «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой).

Методами исследования выступили дескриптивный анализ и корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмана.

Исследование проведено на базе ГАУ ДПО Ростовской области «Институт развития образования» и ФГУП «Ростовский завод “Прибор”».

Результаты исследования

Выборка испытуемых включала педагогов, психологов и специалистов технического профиля, в совокупности 270 респондентов. Содержательность эмпирических результатов и их значимость для практики связана с тщательностью разработки модели мониторинга особенностей эмоционального выгорания личности разной направленности. На этапе пилотажного исследования было проведено анкетирование с целью выявления содержания представлений респондентов о проявлениях эмоционального выгорания и факторах, провоцирующих его в условиях мобильности. Анализ содержания представлений респондентов, полученных в результате анкетирования, позволяет выделить основные проекции эмоционального выгорания личности. С точки зрения респондентов, можно выделить следующие направления развития неблагополучия, детерминированные выгоранием: «повышенная тревожность», «постоянное чувство вины», «сомнение в своих способностях», «разочарование в своих планах», «нивелирование самооценки», «зависимость самооценки от мнения других», «неуверенность в правильности своих решений», «недовольство собой и самообвинение», «нервозность». В субъективных представлениях респондентов нашли отражение и предикторы эмоционального выгорания личности, катализаторы основных тенденций деструктивных изменений активности в различных сферах жизнедеятельности субъекта, таких как профессиональная деятельность, социальное взаимодействие и личная жизнь. Среди них можно выделить неопределенность в условиях мобильности, необходимость постоянного переключения, сомнение в сохранности своих планов, затруднения в контроле жизненных ситуаций, динамичность требований, зависимость от неопределенности, неуверенность в востребованности своих умений, многозадачность, противоречивость информации и нестабильность ситуации.

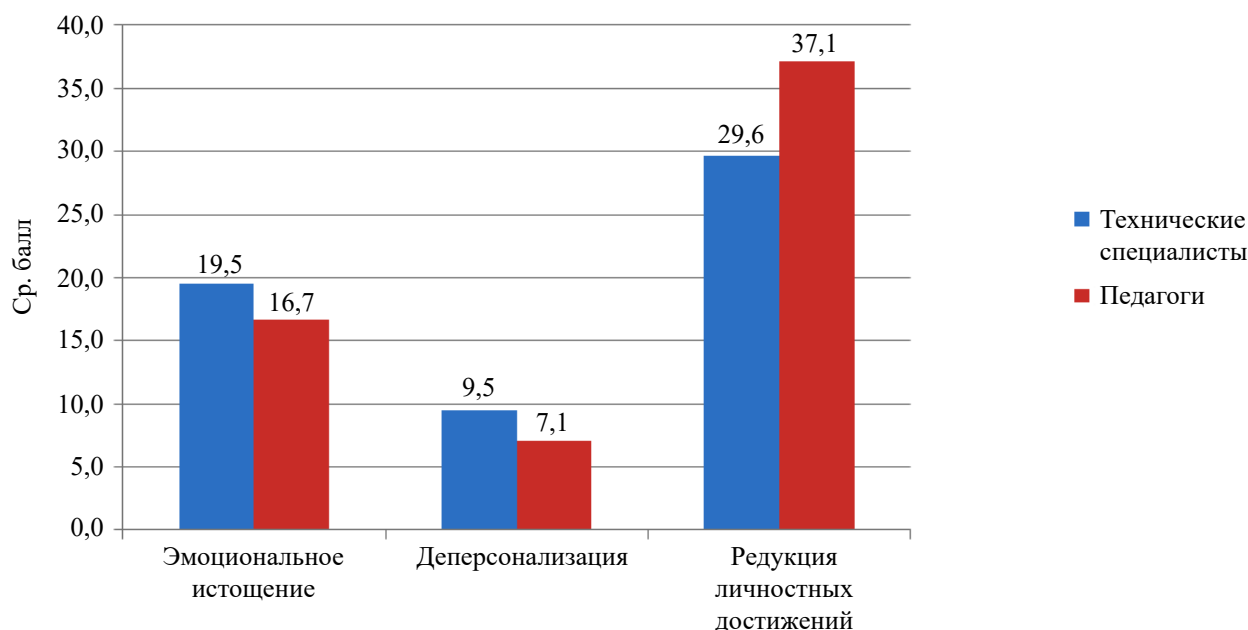
Данные, полученные в результате анкетирования, позволяют увидеть общую картину представлений всей группы респондентов, что имеет значение для оценки адекватности понимания факторов, провоцирующих возникновение кризиса эмоционального выгорания, что является базовой информацией для создания как диагностических, так и профилактических программ.

Диагностика показателей профессионального выгорания позволяет увидеть выраженность таких позиций как эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личностных достижений. Сравнительный анализ полученных эмпирических данных по группам педагогов, психологов и специалистов технического профиля позволяет выявить специфику субъективных факторов эмоционального выгорания личности разной направленности в условиях мобильности. Интерес представляет сравнительный анализ результатов, полученных с помощью ме-

тодики «Диагностика профессионального выгорания» (К. Масlach, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) в разных группах. Первоначально сопоставлялись результаты выраженности факторов профессионального выгорания у специалистов технического профиля и педагогов (рис. 1).

Рисунок 1

Сравнение показателей профессионального выгорания: специалисты технического профиля и педагоги

Эмоциональное истощение рассматривается как состояние, порождаемое фоновой усталостью и стрессом. Интересно, что специалисты технического профиля испытывают эмоциональное истощение в большей степени, чем педагоги. Очевидно, это может отражать повышенную эмоциональность педагогов, которая выступает как атрибут профессиональной деятельности и приводит к затуханию восприятия и рефлексии своего эмоционального ресурса. По параметру деперсонализации специалисты в технической сфере также демонстрируют более высокие показатели. Это может быть связано с тем, что при участии в производственном процессе возможности персонализации сужены и это снижает мотивацию и вызывает дискомфорт. Вместе с тем редукция личностных достижений в существенно большей степени характерна для педагогов. Такие результаты отражают тенденцию редуцировать свои достижения представителями педагогической профессии, прежде всего, в связи с тем, что их оценка постоянно зависит от мнения обучающихся, родителей, коллег, администрации и т. д. Более того критерии оценки результата педагогической деятельности носят достаточно обобщенный характер. При этом, в случае технической специальности критерии оценки достижений более определенные и результат носит конкретный характер. Также специалисты технического профиля имеют узкую специализацию и более высоко оценивают себя как субъекта деятельности. Таким образом, деперсонализация может рассматриваться как цель психологической коррекции.

Далее сопоставлялись результаты выраженности факторов профессионального выгорания у педагогов и психологов (рис. 2).

Сравнивая показатели профессионального выгорания у психологов и педагогов, можно заключить следующее: по параметру «редукция личностных достижений» различия крайне незначительные, но показатели оказались выше, чем у специалистов технического профиля; деперсонализация у педагогов выше, чем у психологов; эмоциональное истощение также более выражено у педагогов. Можно предположить, что психологи владеют техниками поддержания эмоционального благополучия и более компетентны в этом вопросе.

Определенные различия были получены в отношении выраженности фрустрации у специалистов технического профиля, педагогов и психологов. Результаты представлены в таблице 1.

Рисунок 2

Сравнение показателей профессионального выгорания: психологи и педагоги

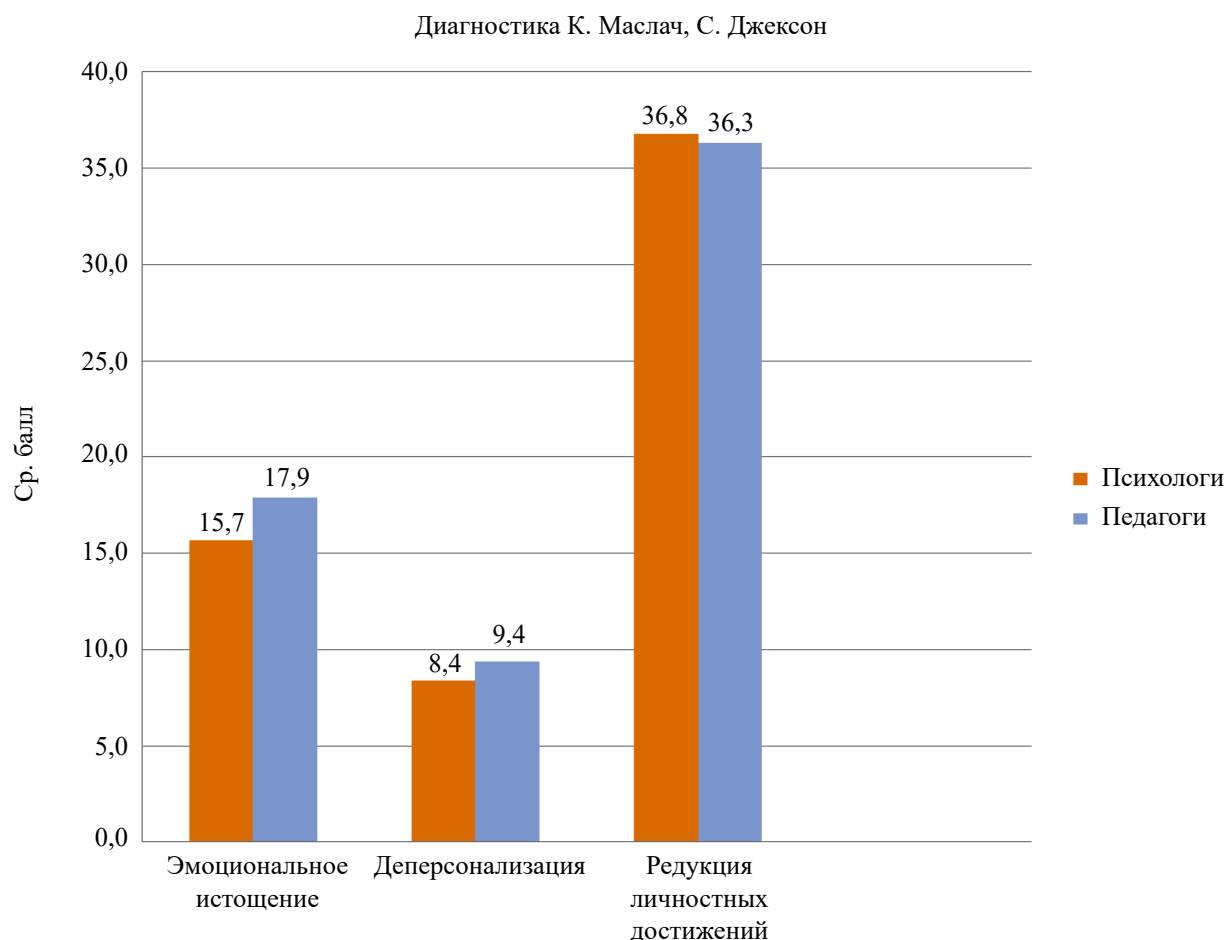

Таблица 1

Результаты сравнения процентного соотношения уровня фрустрации у групп респондентов

Выраженность фрустрации	Технические специалисты	Педагоги	Психологи
Фрустрация отсутствует	80,6 %	66,3 %	82,4 %
Устойчивая тенденция к фрустрации	19,4 %	32,1 %	17,3 %
Фрустрация сформирована	0,0 %	1,6 %	1,3 %

Интересно, что выраженность фрустрации у всех респондентов низкая: у специалистов технического профиля данный показатель не выражен вообще, у психологов – очень мало выражен, у педагогов – немного сильнее. Вместе с тем, выявлена тенденция к фрустрации у определенной части респондентов: сильнее всего у педагогов (32,1 %), далее у специалистов технического профиля (19,4 %) и меньше всех у психологов (17,3 %). Таким образом, эти результаты могут быть рассмотрены как определённый ресурс адаптации к ситуации мобильности и профилактики кризиса эмоционального выгорания.

Интересно также, что статистически доказана отрицательная взаимосвязь между стажем деятельности и внутренним конфликтом (рис. 3). Это свидетельствует в пользу того, что в обеспечении психологического благополучия индивидуальные характеристики субъекта более значимы, чем формальные показатели, такие как стаж и возраст.

Вместе с тем, установлено наличие положительных корреляционных связей между стажем и самопринятием, осознанием цели и отраженным самоотношением (рис. 4).

Наличие такого типа корреляционных связей может интерпретироваться посредством следующей логической схемы: стаж деятельности – профессионализм – уточнение целей роста – повышение самоотношения за счет оценок референтных людей и групп – самопринятие. Здесь также содержится ресурс противостояния кризису эмоционального выгорания посредством роста профессионализма и социально подтвержденной компетентности.

Рисунок 3

Корреляционная связь между внутренней конфликтностью и стажем профессиональной деятельности

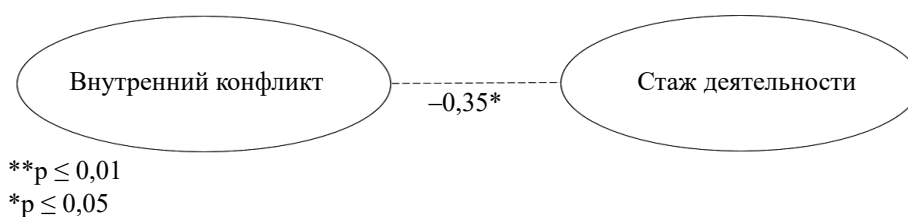

Рисунок 4

Корреляционные связи между стажем профессиональной деятельности, самоотношением, самопринятием и осознанием цели

Обсуждение результатов

В психологических исследованиях показано, что, попадая в сложные условия субъект с выраженной потребностью в достижениях принимает вызов и стремится совершенствоваться, все успевать, проявлять больше мобильности. При решении жизненно-важных профессиональных, личных или социальных задач усилия субъекта могут не привести к достижению желаемого результата. В этом случае, как правило, человек начинает испытывать сомнения в самоофективности. Как следствие, актуализируется мотивация избегания неудач. Сама проблема не решается, а на передний план выдвигаются нересурсные эмоциональные переживания по поводу сложившейся ситуации. Поэтому большое значение имеет повышение стрессоустойчивости личности как основы продуктивности и выживания в ситуации неопределенности (Карпова и Дрынкина, 2022; Соловьева, 2020).

В современной психологии описаны факторы ценностно-смыслового регулирования активности личности, препятствующие развитию эмоционального выгорания: четкость ценностей, понимание личностного смысла активности, позитивные смысловые установки, способность к смыслообразованию. Значимым является определение и описание группы психологических характеристик человека, которые способны выступать субъективной базой профилактики эмоционального выгорания. Среди них выделяют следующие: жизнестойкость, устремленность в будущее, прогностичность, креативность, оптимизм, опережающее восприятие, ценностное отношение к себе (Шеховцова, 2020). В современной психологии в качестве субъективных «психологических препятствий» возникновению кризиса эмоционального выгорания выделяют ряд позиций: персонализация как выбор себя, своей индивидуальности; способность к принятию продуктивных решений в ситуации неопределённости; высокая мотивация достижений и конструктивные жизненные установки; превалирование внутренней мотивации; потребность и способность к самомотивации. Активное преобразующее поведение связано со способностью субъекта к сознательному выбору целей и форм активности для эффективного достижения выбранных целей (Украинцева, 2021; Scherbakova et al., 2020).

Для управления собственными эмоциональными переживаниями человеку нужны адекватные средства навигации: идеи, личностные цели, вера, методы. Невозможно управлять своими переживаниями, не зная и не учитывая индивидуальные психологические особенности, поэтому важным фактором профилактики эмоционального выгорания является развитие самопознания и позитивного самоотношения. Основные идеи, касающиеся построения программ профилактики и коррекции эмоционального выгорания связаны с повышением уровня психологического благополучия человека. В психологических исследованиях выделены и описаны факторы, детерминирующие устойчивое переживание психического благополучия, среди которых выделяют: наличие способности контролировать протекание событий собственной жизни; сформированные умения реализации конструктивных моделей внешней и внутренней активности; реальность желаемых преобразований; чувство безопасности; коммуникативная компетентность; социальный интеллект; наличие позитивного межличностного взаимодействия, убежденность в эмоциональной эффективности, желание и умение проявлять заботу о себе (Alessandri et al., 2018; Pacheco, 2020). В ситуации развития эмоциональных деформаций субъекта жизненного пути и пролонгирован-

ной фрустрации актуализируются стратегии избегания, личность уходит от решения собственных проблем, игнорирует противоречия, формирует компенсаторный индивидуальный стиль общения и деятельности, что может нарушать эффективность поведения и понижать уровень профессионального здоровья. Продуктивное решение возникающих на жизненном пути проблем даёт возможность личности приобрести опыт успеха, поддерживает доверие себе и чувство уверенности, повышает самостоятельность, формируя позитивное отношение к себе и работает на повышение психологического благополучия.

Заключение. Обобщение и анализ эмпирических данных позволяют более глубоко рассмотреть проблему эмоционального выгорания и детерминации деструктивных трансформаций личности, выработать рекомендации по психологической поддержке субъекта, оказавшегося в ситуации эмоционального кризиса и выработке конструктивных стратегий совладающего поведения.

Это может быть реализовано в системе психологической службы организаций разного уровня, а также в деятельности психологов-консультантов. Результаты, отражающие реалистичную эмпирическую картину детерминации эмоционального выгорания как блокатора продуктивного функционирования личности могут продуктивно использоваться социальными институтами, работающими над проблемой повышения психологического благополучия современного человека в условиях мобильности. Выявленные позиции могут лечь в основу программ психологического сопровождения, способствующих предотвращению негативных проекций эмоционального выгорания на самоотношение специалистов разной профессиональной направленности.

При построении программ психологического сопровождения, как показывает анализ опыта работы, важно учитывать следующий алгоритм:

1. Диагностика индивидуальных рисков.
2. Выявление и структурирование ресурсов.
3. Подбор адекватных техник и методов.
4. Выработка способов самопомощи в ситуациях фрустрации или высокого эмоционального напряжения.

Для успешной реализации данной программы особое значение имеет наличие у субъекта способности к преобразовательной активности, самотрансформации, саморегуляции и самоконтролю. Высокий уровень развития данных способностей, наряду с субъектной включенностью в программы моделирования психологического благополучия, стремлением к самоактуализации и аутентичности, становится значимым фактором коррекции эмоционального фона активности и стабилизации позитивного самоотношения независимо от контекстных условий жизнедеятельности личности.

Список литературы

- Абакумова, И. В., Аверкиева, Т. З., и Кинцурашвили, Д. З. (2022). Современные направления исследования эмоционального интеллекта. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 5(3), 14–24.
- Богдан, Н. Н., и Масилова, М. Г. (2022). Методологические основы изучения эмоционального выгорания как основа профилактической работы. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 11(3(40)), 43–47.
- Верякина, А. Н. (2019). Самореализация человека в контексте устойчивого развития. *Евразийское научное объединение*, 5–6(51), 377–380.
- Дементий, Л. И. (2020). Субъектность как фактор личностного развития на этапе самореализации. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(2), 68–78.
- Карабанова, О. А., Захарова, Е. И., и Старостина, Ю. А. (2021). Личностная идентичность как основа построения профессиональной и семейной карьер в условиях неопределенности. *Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки*, 3, 6–23.
- Карапетян, Л. В., и Глотова, Г. А. (2018). Исследование взаимосвязи эмоционально-личностного благополучия с профессиональным выгоранием. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 1, 40–52.
- Карпова, Е. А., и Дрынкина, Т. И. (2022). Стрессоустойчивость, копинг-стратегии и управление изменениями в ситуациях неопределенности. *Ученые записки СПбГУиЭ*, 3, 245–254.
- Кузовкин, В. В., и Жигулина, М. А. (2020). Человекоцентрированный подход в предотвращении профессионального выгорания специалистов социальной сферы. *Человеческий капитал*, S4(136), 304–313.
- Лэнгле, А. (2008). Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа. *Вопросы психологии*, 2, 3–16.
- Поджо, В. А., и Зверева, М. В. (2020). Риски профессионального выгорания у практикующих специалистов-психологов. *Медицинская психология в России*, 12(3), 1–12. <https://www.doi.org/10.24412/2219-8245-2020-3-2>
- Проненко, Е. А., и Вашумирская, Д. В. (2023). Характеристики достижения целей в профессиональной деятельности молодых людей: связь с уровнем самоэффективности и локусом контроля. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(5), 18–26. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-18-26>
- Родина, О. Н. (2019). Личностные деформации при развитии состояния хронического утомления. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 123–140.

Соловьев, М. Н. (2019). Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 3, 41–55.

Соловьева, С. Л. (2020). Выживание в условиях неопределенности. *Медицинская психология в России*, 12(2(61)).

Украинцева, Т. И. (2021). Психологическая устойчивость как механизм адаптации в жизненных кризисах. *Молодой ученый*, 1(343), 150–154.

Шеховцова, Е. А. (2020). Актуальные вопросы изучения синдрома профессионального выгорания на современном этапе. *Ученые записки СПбГУЭ*, 1, 52–57.

Alessandri, G., Perinelli, E., De Longis, E., Schaufeli, W. B., Theodorou, A., Borgogni, L., Caprara, G. V., & Cinque, L. (2018). Job burnout: The contribution of emotional stability and emotional self-efficacy beliefs. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 91(4), 823–851. <http://dx.doi.org/10.1111/joop.12225>

Pacheco, N. (2020). Nature or Nurture: The Relationship between Self-Care, Personality Traits, and Burnout in Critical Care Healthcare Professionals. *Journal of Nursing & Care*, 9(4), 7. <https://doi.org/10.37421/jnc.2020.9.505>

Scherbakova, T., Misirov, D. N., Guseva, T., Alexandrova, N. & Shostak, Y. (2020). The personality of the future teacher in the context of the challenges of the innovation space. *E3S Web of Conferences*, 210, 18049. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018049>

References

Abakumova, I. V., Averkieva, T. Z., & Kintsurashvili, D. Z. (2022). Modern directions of emotional intelligence research. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(3), 14–24. (In Russ.)

Bogdan, N. N., & Masilova, M. G. (2022). Methodological framework for the study of emotional burnout as a basis for preventive work. *Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 11(3(40)), 43–47. (In Russ.)

Veryaskina, A. N. (2019). Human self-realization in the context of sustainable development. *Eurasian Scientific Association*, 5–6(51), 377–380. (In Russ.)

Dementius, L. I. (2020). Subjectivity as a factor of personal development at the stage of self-realization. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 26(2), 68–78. (In Russ.)

Karabanova, O. A., Zakharova, E. I., & Starostina, Y. A. (2021). Personal identity as a basis for building professional and family careers under conditions of uncertainty. *Vestnik MGOU. Series: Psychological Sciences*, 3, 6–23. (In Russ.)

Karapetyan, L. V., & Glotova, G. A. (2018). The study of the relationship between emotional and personal well-being and professional burnout. *Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 1, 40–52. (In Russ.)

Karpova, E. A., & Drynkin, T. I. (2022). Stress tolerance, coping strategies and change management in situations of uncertainty. *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 3, 245–254. (In Russ.)

Kuzovkin, V. V., & Zhigulina, M. A. (2020). Person-centered approach in the prevention of professional burnout of social work specialists. *Human Capital*, S4(136), 304–313. (In Russ.)

Langlais, A. (2008). Emotional burnout from the perspective of existential analysis. *Questions of Psychology*, 2, 3–16. (In Russ.)

Poggio, V. A., & Zvereva, M. V. (2020). Risks of professional burnout in practicing psychologists. *Medical Psychology in Russia*, 12(3), 1–12. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.24412/2219-8245-2020-3-2>

Pronenko, E. A., & Vashumirskaya, D. V. (2023). Characteristics of goal attainment in young people's professional activities: relationship with the level of self-efficacy and locus of control. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 6(5), 18–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-18-26>

Rodina, O. N. (2019). Personality deformations in the development of the state of chronic fatigue. *Vestnik of Moscow University. Series 14. Psychology*, 1, 123–140. (In Russ.)

Soloviev, M. N. (2019). Psychological stability of personality as a factor of effective overcoming of professional stresses. *Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences*, 3, 41–55. (In Russ.)

Solovieva, S. L. (2020). Survival in conditions of uncertainty. *Medical Psychology in Russia*, 12(2(61)). (In Russ.)

Ukrainseva, T. I. (2021). Psychological stability as a mechanism of adaptation in life crises. *Young Scientist*, 1(343), 150–154. (In Russ.)

Shekhovtsova, E. A. (2020). Actual issues of studying the syndrome of professional burnout at the present stage. *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 1, 52–57. (In Russ.)

Alessandri, G., Perinelli, E., De Longis, E., Schaufeli, W. B., Theodorou, A., Borgogni, L., Caprara, G. V., & Cinque, L. (2018). Job burnout: The contribution of emotional stability and emotional self-efficacy beliefs. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 91(4), 823–851. <http://dx.doi.org/10.1111/joop.12225>

Pacheco, N. (2020). Nature or Nurture: The Relationship between Self-Care, Personality Traits, and Burnout in Critical Care Healthcare Professionals. *Journal of Nursing & Care*, 9(4). <https://doi.org/10.37421/jnc.2020.9.505>

Scherbakova, T., Misirov, D. N., Guseva, T., Alexandrova, N. & Shostak, Y. (2020). The personality of the future teacher in the context of the challenges of the innovation space. *E3S Web of Conferences*, 210, 18049. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021018049>

Об авторе:

Татьяна Владимировна Сташкова, аспирант, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), t.v.stashkova@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2024

Поступила после рецензирования 10.04.2024

Принята к публикации 11.04.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Tatiana Vladimirovna Stashkova, postgraduate student, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), t.v.stashkova@mail.ru

Received 20.01.2024

Revised 10.04.2024

Accepted 11.04.2024

Conflict of interest

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922.6

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-28-37>

Пренатальные и детские травматические факторы и психосоциальные последствия у лиц с различной репрезентацией собственного рождения

Надежда С. Наумчук

Институт психологии Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, 13/1

✉ n.s.naumchuk@yandex.ru

Аннотация

Введение. Сегодня исследования привязанности сфокусированы на пренатальном периоде, поскольку именно на этом этапе формируется отношение к будущему ребенку, которое сохраняется и после рождения. Появление ребенка может стать большим ударом для матери, что сказывается на дальнейшей его жизни. Именно опыт взаимодействия с родительскими фигурами лежит в основе развития внутренней картины окружающего мира и самого себя. Теоретической основой исследования послужили концепции мечтания матери о ребенке, которые проверяются эмпирически.

Цель. Проанализировать связь между репрезентацией собственного рождения, детским неблагоприятным опытом, психологическими и социальными факторами.

Материалы и методы. Респонденты разделены на четыре группы, состоящие из взрослых участников в соответствии с репрезентацией собственного рождения, согласно данным биографической анкеты. В центре исследования стоит группа, имеющая представление, что родители хотели ребенка другого пола. В исследовании применялись следующие методики: международный опросник неблагоприятного детского опыта (НДО/ACE-IQ) в адаптации Е. А. Катан; международный опросник травмы (МОТ/ITQ) в адаптации М. А. Падун с соавторами для выявления симптомов ПТСР, КПТСР и нарушения Я; шкала диссоциации (ШД/DES) в адаптации В. А. Агаркова и Н. В. Тарабриной; методика измерения чувств вины и стыда (TOSCA-3) в адаптации И. К. Макогон и С. Н. Еникополова; методика диагностики суицидальной мотивации (СМ); дифференциал психосоциального развития (ДПР) для оценки степени разрешения кризисов развития.

Результаты исследования. Обнаружено, что взрослые с репрезентацией «ребенок другого пола» имеют более высокий уровень стыда, чувства угрозы, а также инструментальной и поствитальной суицидальных мотиваций в сравнении с другими. Участники этой группы реже остальных состоят в браке и имеют детей.

Обсуждение результатов. Результаты исследования показали, что фактором развития склонности к стыду, чувству угрозы и характерной суицидальной мотивации являются особенности репрезентаций собственного рождения. Сравнение групп с «негативной» репрезентацией показало, что психосоциальные последствия не определяются частотой детского неблагоприятного опыта. Материалы исследования могут быть полезны для психотерапевтической практики со взрослыми, а также для пренатальной психологии и сферы детского развития.

Ключевые слова: пренатальная привязанность, реверии, ментальная репрезентация, самосознание, стыд, суицидальная мотивация, посттравматический стресс, гендерная идентичность

Для цитирования. Наумчук, Н. С. (2024). Пренатальные и детские травматические факторы и психосоциальные последствия у лиц с различной репрезентацией собственного рождения. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 28–37. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-28-37>

Prenatal and Childhood Traumatic Factors and Psychosocial Consequences in Individuals with Different Representations of Their Births

Nadezhda S. Naumchuk

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13/1, Yaroslavskaya str., Moscow, Russian Federation

✉ n.s.naumchuk@yandex.ru

Abstract

Introduction. Today, attachment research focuses on the prenatal period, because it is at this stage that attitudes toward the future child are formed and maintained after birth. The appearance of a child can be a big blow for the mother, which affects the child's later life. It is the experience of interaction with parental figures that underlies the development of the internal picture of the surrounding world and the self. The theoretical basis of the study was the concepts of mother's dreaming of a child, which are tested empirically.

Objective. To analyze the relationship between representation of one's own birth, childhood adverse experiences, psychological and social factors.

Materials and Methods. Respondents are divided into four groups consisting of adult participants according to the representation of their own birth, according to a biographical questionnaire. The group with the representation that the parents wanted a child of the other sex is at the center of the study. The following techniques were used in the study: the International Adverse Childhood Experiences Questionnaire (ICE/ACE-IQ) adapted by E. A. Katan; the International Trauma Questionnaire (ILO/ITQ) adapted by M. A. Padun et al. to identify symptoms of PTSD, CPST, and self-disturbance; the Dissociation Scale (SD/DES) adapted by V. A. Agarkov and N. V. Tarabrina; guilt and shame measurement technique (TOSCA-3) adapted by I. K. Makogon and S. N. Enikoplov; suicidal motivation (SM) diagnostic technique; psychosocial development differential (PDD) to assess the degree of resolution of developmental crises.

Results. Adults with the representation "child of the other sex" were found to have higher levels of shame, feelings of threat, and instrumental and postvital suicidal motivations than others. Participants in this group are less likely than others to be married and have children.

Discussion. The results of the study showed that a factor in the development of the tendency to shame, feelings of threat, and characteristic suicidal motivation are features of the representations of one's own birth. Comparison of groups with "negative" representations showed that psychosocial consequences are not determined by the frequency of childhood adverse experiences. The materials of the study may be useful for psychotherapeutic practice with adults, as well as for prenatal psychology and the field of child development.

Keywords: prenatal attachment, reverie, mental representation, self-consciousness, shame, suicidal motivation, post-traumatic stress, gender identity

For citation: Naumchuk, N. S. (2024). Prenatal and childhood traumatic factors and psychosocial consequences in individuals with different representations of their birth. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(2), 28–37. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-28-37>

Введение

Процесс формирования представления о себе и психосоциального развития связан с множеством факторов. В статье рассмотрены пренатальные и ранние факторы: социальная среда и характерные (в т. ч. неблагоприятные) отклики внутри нее на субъекта; биологические качества (пол); определенный возрастной период, для каждого из которых есть свои задачи.

Они раскрываются, прежде всего, в отношениях с первичным объектом. Согласно ряду теорий, мечтание матери о будущем ребенке, как ее бессознательное отношение, может оказывать особое воздействие, поскольку ребенок интроецирует материнское представление о своем появлении в семье. Тогда формируются репрезентации, от которых зависит самосознание и способность к социальной адаптации. Проблема актуальна, поскольку эти индивидуальные особенности воздействуют на эмоциональные и поведенческие аспекты, которые определяют благополучие не только отдельного индивида, но его семьи и общества в целом.

В данной статье тема исследуется комплексно. Сначала представлен обзор психоаналитических концепций материнского мечтания. Затем пилотажное исследование прорабатывает связь между репрезентацией рождения, детским неблагоприятным опытом, психологическими и социальными факторами. Под психологическими факторами мы понимали симптомы посттравматического стресса, такие как признаки ПТСР, КПТСР и нарушения Я-организации; склонность к диссоциативным состояниям, стыду и смежным ему переживаниям, к определенному типу суицидальной мотивации; степень разрешения кризисов психосоциального развития по Э. Эриксону.

Под социальными факторами мы понимали наличие брака и детей или иных партнерских отношений и профессиональной деятельности.

Материнское мечтание и его роль для психосоциального развития личности. Современные исследования привязанности сфокусированы на пренатальном периоде, поскольку именно тогда формируется отношение к будущему ребенку, которое сохраняется и после рождения (Howland, 2020). Некоторые авторы используют термин «привязанность матери к плоду» (Alhusen, 2008). Также это взаимодействие называют «пренатальной привязанностью» (Atashi et al., 2018).

Другие авторы говорят о «материнском мечтании», которое начинается задолго до рождения ребенка. Д. Винникотт писал о первичной материнской озабоченности – психическом состоянии матери, позволяющем настроиться на потребности плода и сохраняющемся первые недели, когда мать полностью поглощена новорожденным (Winnicott, 1984). Это необходимо для обеспечения перехода младенца из пренатального состояния во внешний мир. У. Бийон в своих работах с помощью концепции мечтательности создал картину бессознательных механизмов материнской психики (Бийон, 2017). В понятие мечтания он включал мысли и чувства, размышления и фантазии, телесные ощущения, которые появляются у матери в то мгновение, когда ребенок пытается поместить в нее непереносимые для него чувства и которые мать способна обработать и вернуть ему в безопасном виде. Способность матери к мечтательности (реверии) – это орган восприятия тех ощущений младенца, которые он пытается осознать, пока они у него самого вызывают ужас (Bion, 1962). В мечтаниях мать «инвестирует» объект желания – ребенка. П. Оланье пишет, что для того, чтобы восприятие, сенсорный опыт, ощущения удовольствия или боли младенца стали психически репрезентируемы, они должны быть либидинально инвестированы психикой матери (Aulagnier, 2001). Мечтание является неотъемлемой частью концепции «контейнера» (Бийон, 2017), что подразумевает наличие внутреннего пространства у матери, которое она способна предоставить своему ребенку.

С. Лебовиси писал о воображаемом младенце. Если ребенок желаем, он очень ценен, поскольку способность рожать потомство ограничена. Мать представляет себе ребенка, планирует его будущее, выбирает имя. Будущий младенец является носителем воображаемой жизни матери и ее мечтаний, и потому часто наделен полом. Таким образом, уже во время беременности младенец отмечен внутриспсихическими конфликтами матери и подвержен воздействию ее латентных мыслей. В то же время, когда ребенок рождается, она должна иметь дело с реальным младенцем, которого держит, кормит, за которым ухаживает (Лебовиси, 2007). П. Оланье пишет: «Когда идут на (необходимый) риск создать и заранее инвестировать некий образ в отсутствие реального носителя, то есть также риск обнаружить несоответствие, разрыв между образом и носителем. <...> Случается и так, что образ не удается согласовать с телом: оно слишком отличается от образа, слишком чуждо для материнского взора. <...> Опыт беременности вызывает у матери некую форму катексиса на это существо, которое она носит внутри себя, – катексиса, имеющего иное качество, чем катексис отца, пока он ждет ребенка. Это «естественная» привилегия, признаки которой – как положительные, так и отрицательные – человек будет нести всегда» (Оланье, 2017, с. 203–205). Когда появляется реальный ребенок, это может быть большим ударом для матери. Трансляция ее фантазий погружает ребенка в отношения с бессознательной структурой Другого с самого рождения. Бессознательные фантазии возникают также через взаимодействие младенца с телом матери и отражаются в последующем способе общаться с другими (Бронштейн, 2017). То есть фантазии матери о появлении ребенка интернализируются им еще в довербальный период и, даже не подкрепляясь реальными сообщениями о его рождении, могут преследовать его дальнейшую жизнь.

В работах «Нежданный ребенок и его стремление к смерти» и «Психоанализ детей применительно к взрослым» Ш. Ференци говорит о детях, которые испытали отвержение и отвращение со стороны одного или обоих родителей. Эти пациенты родились в качестве нежеланных детей и с детских лет размышляли, что вообще не стоило появляться на свет (Ференци, 2003). Такой ребенок должен удовлетворить ожидания родителей – не родиться вовсе или оказаться другим, в то время как стремится «родиться» и быть собой. Частные кейсы показывают, что в случае незаинтересованности матери в истинном «Я» ребенка, у него развивается чувство стыда за потребность существовать таким, каков он есть. С. Левин называет это шизоидным стыдом (Lewin, 2020), Р. Вилле пишет о стыде бытия (стыд существовать) (Wille, 2014). Редкальд и Иконен (2009) вслед за П. Фонаги определяют источник стыда в подавляющем или эмоционально пустом отношении родителей.

Разрыв между фантазийным образом и его носителем, реальным ребенком, лишает младенца родительского инвестирования, в то время как фантазийное взаимодействие матери с младенцем связано с самосознанием последнего. С младенчества на основании опыта взаимодействия с родительскими фигурами развивается внутренняя система, в которой располагается складывающаяся картина внешнего мира и самого себя (Брушлинский и Сергиенко, 1998). Эта психическая реальность хотя и возникает под внешним воздействием, но зарождается и функционирует во внутреннем мире субъекта (Холодная, 2002), то есть является уже чем-то присвоенным.

Целью исследования является анализ связи репрезентации собственного рождения, частоты детского неблагоприятного опыта, психологических и социальных факторов.

Предмет исследования: Пренатальные и детские факторы и психосоциальные последствия у лиц с различной репрезентацией собственного рождения.

Объект исследования: взрослые с различной репрезентацией собственного рождения.

Задачи:

1. Изучить концепции материнского мечтания о ребенке.
2. Проанализировать взаимосвязь репрезентации собственного рождения с неблагоприятным детским опытом, степенью разрешения кризисов развития, психосоциальными факторами.

В соответствии с целью и задачами работы проведено пилотажное исследование.

Материалы и методы

В исследовании были применены следующие методики:

1. Биографическая анкета, включающую данные о возрасте, семейном положении, наличии детей, профдеятельности, репрезентации своего рождения.
2. Международный опросник неблагоприятного детского опыта (НДО/ACE-IQ) в адаптации Е. А. Катан (Катан, 2019).
3. Международный опросник травмы (МОТ/ITQ) в адаптации М. А. Падун с соавт. (Падун и др., 2022) для выявления симптомов ПТСР, КПТСР и нарушения Я.
4. Шкала диссоциации (ШД/DES) в адаптации В. А. Агаркова и Н. В. Тарабриной (Тарабрина, 2001).
5. Методика измерения чувств вины и стыда (TOSCA-3) в адаптации И. К. Макогон и С. Н. Еникополова (Макогон и Еникополов, 2015).
6. Методика диагностики суицидальной мотивации (СМ) (Вагин, 1998).
7. Дифференциал психосоциального развития (ДПР) (Ильин и Сипягин, 2007) для оценки степени разрешения кризисов развития.

Из опросника НДО были использованы шкалы, отражающие основные формы жестокого обращения с детьми. Каждая из шкал включала в себя несколько вопросов, ответы на которые давались в соответствии с частотой неблагоприятного события по шкале Лайкерта. Для упрощения статистического анализа мы модифицировали ключ, расположив значения в обратном порядке: 4 балла = много раз, 3 балла = несколько раз, 2 балла = однажды, 1 балл = никогда. Для шкалы эмоционального пренебрежения баллы имели обратное значение и пять вариантов ответа. Для получения общего балла по шкалам жестокого обращения баллы по каждому вопросу шкалы суммировались.

Для расчета статистических различий между группами (параметр «Репрезентация рождения») использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни, коэффициенты корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена. Также данные проанализированы с помощью количественного анализа (описательная статистика). Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS v.27.0.

Результаты исследования

В исследовании участвовало 63 человека в возрасте от 18 до 50 лет ($M = 29,793$), из них 9 мужчин и 54 женщины. Было выделено четыре группы участников на основании представления о родительском отношении к их рождению. Одна из них касалась пола, три остальные возможно ранжировать по силе желания:

- 1 гр. – «Ребенок другого пола» ($N = 7$; 11,111 %);
- 2 гр. – «Хотели аборт» ($N = 10$; 15,873 %);
- 3 гр. – «Рады беременности» ($N = 26$; 41,27 %);
- 4 гр. – «Приняли нормально» ($N = 20$; 31,746 %).

При сравнении средних значений шкал используемых методик по всем четырем группам (параметр «Репрезентация рождения») с использованием U-критерия Манна-Уитни получены следующие данные:

1) по данным опросника НДО наиболее выраженными различия оказались для групп «Ребенок другого пола» (1) и «Рады беременности» (3) по шкалам «Эмоциональное пренебрежение» ($U = 40,5$, $\alpha = 0,023$), «Эмоциональное насилие» ($U = 36,5$, $\alpha = 0,015$) и «Физическое насилие» ($U = 27,0$, $\alpha = 0,003$). То есть, случаи эмоционального пренебрежения, физического и эмоционального насилия в детстве статистически чаще происходили в группе «Ребенок другого пола»;

2) параметры подшкалы «Чувство угрозы» ($U = 46$, $\alpha = 0,044$) из шкалы «Нарушение Я» опросника МОТ также статистически выше в группе «Ребенок другого пола»;

3) по опроснику СМ значимые различия показали шкалы «Инструментальной» ($U = 38,5$, $\alpha = 0,019$) и «Поствитальной» суицидальной мотивации ($U = 32,0$, $\alpha = 0,008$). Выше значения по данным шкалам выявлены у группы «Ребенок другого пола». Значимость на уровне тенденции имели шкалы «Альтруистическая» (смерть ради других) ($U = 49,0$, $\alpha = 0,063$), «Анестетическая» (невыносимость страдания) мотивации ($U = 49,0$, $\alpha = 0,063$) и шкала «Инициатива» ($U = 48,5$, $\alpha = 0,060$) опросника ДПР;

4) между группами «Хотели аборт» (2) и «Приняли нормально» (4) не выявлено статистически значимых различий.

5) для групп «Ребенок другого пола» (1) и «Хотели аборт» (2) обнаружены значимые различия по шкалам опросника СМ «Инструментальной» ($U = 14,5$, $\alpha = 0,043$) и «Поствитаальной» мотивации ($U = 11,5$, $\alpha = 0,021$). У группы «Ребенок другого пола» выявлены более высокие значения по данным шкалам. Близкие к статистически значимым значения показали шкала «Стыд» опросника TOSCA-3 ($U = 16,5$, $\alpha = 0,070$), подшкалы «Чувство угрозы» ($U = 15,5$, $\alpha = 0,053$) и «Негативный образ Я» ($U = 15,5$, $\alpha = 0,055$) опросника MOT: данные показатели также выше у группы 1.

6) группы «Ребенок другого пола» (1) и «Приняли нормально» (4) значимо различаются по параметру «Стыд» опросника TOSCA-3 ($U = 33,5$, $\alpha = 0,043$): этот показатель выше у группы «Ребенок другого пола»;

7) для групп «Хотели аборт» (2) и «Рады беременности» (3) обнаружено различие высокого уровня значимости по шкале НДО «Сексуальное насилие» ($U = 57,5$, $\alpha = 0,004$). Чаще случаи сексуального насилия были выявлены в группе «Хотели аборт».

8) для групп «Рады беременности» (3) и «Приняли нормально» (4) выявлены значимые различия по шкалам НДО «Физического насилия» ($U = 163,0$, $\alpha = 0,026$): статистически чаще физическое насилие проявлялось в детстве в группе участников «Приняли нормально». Различия по шкале «Автономия» опросника ДР близки к статистически значимым ($U = 177,0$, $\alpha = 0,065$).

9) согласно теории Э. Эриксона, при не благоприятном прохождении второй стадии психосоциального развития (параметр «Автономия»), личность оказывается более склонной к стыду и сомнениям. Корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона для всех четырех групп показал эту связь ($r = -0,284$, $p = 0,024$): чем выше уровень стыда, тем ниже уровень параметра «Автономия» опросника ДР. Тем не менее, несмотря на высокую выраженность уровня стыда в группе «Ребенок другого пола» (1), внутри нее корреляция этих шкал не выявлена ($r = -0,357$, $p = 0,432$).

10) также был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена между показателями силы родительского желания рождения ребенка (от 1 до 3) и шкалами НДО. Группа «Ребенок другого пола» была исключена. Установлена обратная взаимосвязь шкалы «Репрезентация рождения» и шкалы опросника НДО «Сексуальное насилие» ($R_s = -0,326$, $p = 0,014$), то есть, чем слабее, по мнению участника, его рождения желали, тем выше вероятность сексуального насилия в детском опыте.

11) также были проанализированы социальные факторы. В первой группе в браке состоят 28,57 % участников, а имеют детей – 14,29 %; во второй группе – 40 % и 40 %; в третьей – 42,3 %, и 34,62 %; в четвертой группе – 35 % и 35 % соответственно. Средний возраст появления первого ребенка в группах был следующим: в группе 1 – 29; в группе 2 – 23,75; в группе 3 – 28,56; в группе 4 – 24,43. Также показано, что в отношениях любого вида не состоят респонденты в группе 1 – 42,9 %; в группе 2 – 40 %; в группе 3 – 19,2 %, а в группе 4 – 15 %. Следовательно, группа «Ребенок другого пола» (1) предварительно реже состоит в отношениях. В качестве работы по найму свою деятельность выбирают: в группе 1 – 28,57 %; в группе 2 – 60 %; в группе 3 – 30,77 %, а в группе 4 – 55 %. На уровне количественных данных показано, что участники группы «Ребенок другого пола» реже состоят в браке и имеют детей по сравнению с другими группами, однако для статистического анализа данных пилотажного исследования недостаточно.

В таблице 1 отражены средние значения (М) и стандартное отклонение (SD) по описанным выше качественным параметрам.

Таблица 1

Средние значения по шкалам опросников НДО, TOSCA-3, MOT, СМ и ДПП

Шкалы опросников	Ребенок другого пола		Хотели аборт		Рады беременности		Приняли нормально	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
НДО Шкала Эмоциональное пренебрежение	7,00	1,826	6,2	1,476	5,23	1,583	5,70	1,261
НДО Шкала Эмоциональное насилие	6,29	1,496	5,2	2,044	4,38	1,699	5,20	1,963
НДО Шкала Физическое насилие	4,86	1,676	4,0	2,261	2,92	1,055	4,05	1,791
НДО Шкала Сексуальное насилие	5,29	2,628	6,3	2,627	3,69	1,408	4,75	3,226
Опросник TOSCA-3	62,00	4,933	56,6	5,816	57,65	6,609	55,20	8,752
Шкала Стыд								

Окончание таблицы 1

Шкалы опросников	Ребенок другого пола		Хотели аборт		Рады беременности		Приняли нормально	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Опросник МОТ Подшкала Чувство угрозы	3,071	1,133	1,950	1,116	2,269	1,002	2,075	1,340
Опросник МОТ Подшкала Негативный образ Я	2,785	1,439	1,500	1,201	2,115	1,451	2,000	1,630
Опросник СМ Шкала Инструментальная мотивация	7,140	4,375	2,800	3,011	3,230	3,350	4,550	5,395
Опросник СМ Шкала Поствиталяная мотивация	5,290	2,43	2,400	3,978	2,270	3,169	4,300	5,027
Опросник СМ Шкала Альтруистическая мотивация	9,290	4,572	5,200	5,160	5,500	4,667	6,400	5,481
Опросник СМ Шкала Анестетическая мотивация	11,430	4,860	7,900	6,420	7,080	5,542	8,000	6,215
Опросник ДПР Шкала Автономия	3,833	0,757	4,100	1,753	3,910	1,249	4,600	1,251
Опросник ДПР Шкала Инициатива	4,404	0,849	3,933	1,036	3,660	0,721	4,041	0,976

Обсуждение результатов

Наше исследование показало, что уровень диссоциации, экстернальности, отстраненности, гордости, вины, ПТСР, КППТСР не различается между группами с разной репрезентацией собственного рождения. Не доказано преобладание в детском опыте у группы «Ребенок другого пола» физического пренебрежения и аномической мотивации по сравнению с другими группами. Однако обнаружено, что первую группу характеризует более высокий уровень стыда и чувства угрозы (шкала «Нарушение Я») в сравнении с участниками остальных групп.

Теоретический анализ показал, что последствия пренатальной привязанности разного типа изучены недостаточно. Нам не удалось найти опубликованных данных, оценивающих связь пренатальной привязанности или ее репрезентаций с характеристиками детей уже взрослого возраста. Вместо этого изучались различные внешние детерминанты, воздействующие на состояние матери, и отчеты матери по поводу младенца. В расчет брались социально-демографические и психологические особенности матери, такие как тревожность, ее возраст и акушерские характеристики (Gioia et al., 2023) или депрессивные симптомы (Rollè et al., 2020). Также исследовались особенности эмоционально-социального развития младенцев у матерей с разным уровнем готовности к материнству (Мещерякова, 2000). Сами пренатальные отношения описаны тремя компонентами: когнитивный содержит репрезентации плода, желание получить информацию о ребенке; эмоциональный включает чувства к ребенку; поведенческий охватывает взаимодействие, желание ухаживать (Савенышева и др., 2022).

Касательно последующего психического развития, наиболее разработано влияние материнского мечтания на темперамент детей. Подтверждается, что материнская привязанность к плоду значительно коррелирует с адаптивностью, интенсивностью и настроением (Davoudi, 2014). Остальные данные показали, что низкая пренатальная привязанность связана с такими проблемами развития как самообслуживание, внимание, просоциальное отношение, эмпатия, игровые навыки и др. Кроме того, обнаружено, что пренатальная привязанность является даже более сильным предиктором, чем материнская депрессия, которая хорошо известна негативным влиянием в раннем возрасте (Çildir et al., 2019).

Еще одним результатом нашего исследования является то, что группа «Ребенок другого пола» имеет более высокий уровень «Инструментальной» и «Поствиталяной» суицидальных мотиваций по шкалам опросника СМ при сопоставимом неблагоприятном опыте с группой «Хотели аборт». Частота детского опыта эмоционального пренебрежения, эмоционального, физического и сексуального насилия при этом в обоих случаях высока. Результаты по остальным шкалам СМ группы «Хотели аборт» не выходят за границы средних по сравнению с другими. Показанную разницу может объяснить то, что в первом случае родители неизбежно переживают разочарование,

поскольку представляли и инвестировали либидинально ребенка другого пола. В то время как в случае обдумывания аборта (2) вопрос рождения мог стоять более нейтрально – признать ребенка или отказаться. Потенциально участники 1-ой группы могут допускать мысли навредить себе методом манипуляции, чтобы реализовать потребность быть замеченными и найти место, где их личность сможет развиваться. Нам не удалось найти исследований о связи пренатальной привязанности с любыми аспектами суицидальных мыслей, однако, полученные результаты косвенно согласуются с результатами опроса 500 матерей, треть из которых никогда не думала о вынашиваемом ребенке. Такие дети при рождении весили меньше нормы, как будто им не хватило места для роста, а позже показывали трудности в адаптации к внешнему миру и нервные расстройства (Бертин, 1992).

Еще один результат нашего исследования количественно показал, что участники группы «Ребенок другого пола» реже состоят в браке и имеют детей по сравнению с другими группами. Это может быть связано как со стыдом и чувством угрозы, так и сложностями гендерной идентичности. Если ребенок получал противоречивые сигналы относительно его пола, то он может застревать в реализации зрелых жизненных задач, оставаясь на этапе подросткового поиска. Обнаруженные нами исследования по неинвазивному пренатальному тестированию (определению пола) на ранних сроках беременности сообщают, что родители сегодня ждут не ребенка определенного пола, а гендерную роль, которую он примет (Browne, 2016).

Кроме того, в группу «Ребенок другого пола» распределились лишь женщины. Недавнее исследование зафиксировало связь высокой ЧСС, ассоциированной с дистрессом матери, с более высокой негативной аффективностью чаще именно у плода женского пола (Howland et al., 2020). Возможно, мужчины реже допускают, что их рождения могли не желать. Такое распределение выборки могло быть обусловлено и социокультурными особенностями в России. Наличие предпочтения пола ребенка, обычно, мальчика, связывают с более низким материальным статусом или традиционностью культуры. В исследовании ожидания пола на индийской выборке 55,6 % участниц заявили о предпочтении иметь сына (Yasmin, 2013), в то время как в исследовании турецких авторов только 10,7 % (Erbil, 2010) беременных женщин считали пол ребенка важным и 28,3 % (Işeri, 2012) женщин родили ребенка, чей пол отличался от желаемого (Timur-Tashan & Boybay-Koynucu, 2018). Эти данные сопоставимы с полученными нами.

Ограничения исследования. Проведенное исследование имеет некоторые ограничения. Исследование является пилотажным, а выборка ограничена объемом и объектом исследования – взрослыми и их репрезентативными. Некоторые инструменты основаны на ретроспективном самоотчете, что может размывать границы данных. В последующих исследованиях целесообразно расширить выборку, включить в работу мать или обоих родителей. Также необходимо разделение по полу для повышения уровня репрезентативности результатов.

Кроме того, в нашем исследовании не удалось получить данные о таких факторах, как жизнестойкость и стратегии преодоления матерью стресса, а также истинных данных об удовлетворенности матери полом ребенка. Дополнительным неисследованным фактором является привязанность отца к будущему ребенку. Несмотря на то, что партнеры имеют более низкие показатели привязанности к плоду, чем матери (Dayton et al., 2019), этот аспект может быть следующим шагом в исследовании привязанности и детского пренебрежения.

Заключение. В статье ретроспективно исследованы личностные обстоятельства жизни, такие как детский неблагоприятный опыт и стадии психосоциального развития на группах с различной репрезентацией собственного рождения. Описаны некоторые психологические факторы, такие как признаки посттравматического стресса, склонность к стыду, диссоциации и специфичные мысли о смерти.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что взрослые с репрезентацией «Ребенок другого пола» имеют большую частоту случаев эмоционального пренебрежения в детстве, у них выше уровень стыда и чувства угрозы, для нее характерен более высокий уровень инструментальной и поствитальной суицидальных мотиваций по сравнению с группами «Рады беременности» и «Приняли нормально».

Группы с репрезентацией рождения «Ребенок другого пола» и «Хотели аборт», несмотря на схожее «негативное» представление о рождении, различны в таких проявлениях как инструментальная и поствитальная суицидальная мотивация. Они также различны по чувству угрозы и негативному образу Я на уровне тенденции. В то же время, в отличие от остальных групп, они не различаются в частоте эмоционального пренебрежения, эмоционального и физического насилия в детстве. Уровень диссоциации, экстернальности, отстраненности, гордости, вины, ПТСР, КПТСР между группами с различной репрезентацией собственного рождения по результатам исследования не различается.

Таким образом, гипотеза частично подтверждена. Результаты проведенной работы задают направления для дальнейшей разработки проблемы. Материалы исследования могут быть полезны для индивидуальной психотерапевтической практики со взрослыми, а также для пренатальной психологии и сферы детского развития.

Список литературы

- Айзекс, С. (2001). Природа и функция фантазии. В *Развитие в психоанализе*. Академ. проект.
Бертин, А. (1992). *Воспитание в утробе матери, или рассказ об упущенных возможностях*. Жизнь.

- Бион, У. Р. (2017). *Научение через опыт переживания*. Когито-Центр.
- Бронштейн, К. (2017). Обнаружение бессознательной фантазии на сеансе: распознавание формы. В *Международный психоаналитический ежегодник. Шестой выпуск* (С. 23–46). Новое литературное обозрение.
- Лебовиси, С. (2007). Фантазийное взаимодействие и трансгенерационная передача. В *Уроки французского психоанализа: Десять лет французских клинических коллоквиумов по психоанализу* (С. 241–255). Когито-Центр.
- Брушлинский, А. В., и Сергиенко, Е. А. (1998). *Ментальная репрезентация: динамика и структура*. ИП РАН.
- Мещерякова, С. Ю. (2000). Психологическая готовность к материнству. *Вопросы психологии*, 5, 18–27.
- Оланье, П. (2017). Рождение тела, происхождение истории. В *Международный психоаналитический ежегодник. Шестой выпуск* (С. 256–289). Новое литературное обозрение.
- Рехардт, Э., и Иконен, П. П. (2009). *Происхождение стыда и его проявления*. Институт практической психологии и психоанализа.
- Савенышева, С. С., Аникина, В. О., и Блох, М. Е. (2022). Перевод и адаптация методики «Пренатальная привязанность матери к ребенку» (MAAS). *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 92–111. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300306>
- Ференци, Ш. (2003). *Тело и подсознание, снятие запретов с сексуальности*. NOTA BENE
- Холодная, М. А. (2002). *Психология интеллекта: Парадоксы исследования*. 2-ое изд. Питер.
- Alhusen, J. L. (2008). A literature update on Maternal-Fetal attachment. *Journal of Obstetric, Gynecologic & Neonatal Nursing*, 37(3), 315–328. <https://doi.org/10.1111/j.1552-6909.2008.00241.x>
- Atashi, V., Kohan, S., Salehi, Z., & Salehi, K. (2018). Maternal-fetal emotional relationship during pregnancy, its related factors and outcomes in Iranian pregnant women: a panel study protocol. *Reproductive Health*, 15(1). <https://doi.org/10.1186/s12978-018-0620-6>
- Aulagnier, P. (2001). *The Violence of Interpretation: From Pictogram to Statement*. Brunner-Routledge.
- Bion, W.R. (1962). The Psycho-Analytic Study of Thinking. *International Journal of Psycho-Analysis*, 43, 306–310.
- Browne, T. K. (2016). Why parents should not be told the sex of their fetus: Table 1. *Journal of Medical Ethics*, 43(1), 5–10. <https://doi.org/10.1136/medethics-2015-102989>
- Çildir, D. A., Özbek, A., Topuzoğlu, A., Orcin, E., & Janbakhishov, C. E. (2019). Association of prenatal attachment and early childhood emotional, behavioral, and developmental characteristics: A longitudinal study. *Infant Mental Health Journal*, 41(4), 517–529. <https://doi.org/10.1002/imhj.21822>
- Davoudi, R. (2014). *The relationship between prenatal attachment and postnatal infant temperament*. Pacifica Graduate Institute.
- Dayton, C. J., Brown, S., Goletz, J., Hicks, L. M., Barron, C., Sperlich, M., & Smith-Darden, J. P. (2019). Pathways to Parenting: Predictors of Prenatal bonding in a sample of expectant mothers and fathers exposed to contextual risk. *Journal of Child and Family Studies*, 28(4), 1134–1144. <https://doi.org/10.1007/s10826-019-01343-6>
- Gioia, M. C., Cerasa, A., Muggeo, V. M. R., Tonin, P., Cajiao, J., Aloï, A., Martino, I., Tenuta, F., Costabile, A., & Craig, F. (2023). The relationship between maternal-fetus attachment and perceived parental bonds in pregnant women: Considering a possible mediating role of psychological distress. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1095030>
- Howland, M. A., Sandman, C. A., Davis, E. P., & Glynn, L. M. (2020). Prenatal maternal psychological distress and fetal developmental trajectories: associations with infant temperament. *Development and Psychopathology*, 32(5), 1685–1695. <https://doi.org/10.1017/s095457942000142x>
- Lewin, S. (2020). Schizoid shame: the idealization of absence. *Contemporary Psychoanalysis*, 56(4), 534–561. <https://doi.org/10.1080/00107530.2020.1856677>
- Rollè, L., Giordano, M., Santoniccolo, F., & Trombetta, T. (2020). Prenatal Attachment and Perinatal Depression: A Systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(8), 2644. <https://doi.org/10.3390/ijerph17082644>
- Timur-Tashan, S., & Boybay-Koyuncu, S. (2018). Satisfaction with the gender of the baby and related factors. *Perspectives in Psychiatric Care*, 55(3), 471–477. <https://doi.org/10.1111/ppc.12345>
- Wille, R. (2014). The shame of existing: An extreme form of shame. *The International Journal of Psychoanalysis*, 95(4), 695–717. <https://doi.org/10.1111/1745-8315.12208>
- Winnicott, D. W. (1984) Primary maternal preoccupation. In *Through Paediatrics to Psychoanalysis: Collected Papers* (P. 300–305). Karnac.

References

- Alhusen, J. L. (2008). A literature update on maternal-fetal attachment. *Journal of Obstetric, Gynecologic & Neonatal Nursing*, 37(3), 315–328. <https://doi.org/10.1111/j.1552-6909.2008.00241.x>
- Atashi, V., Kohan, S., Salehi, Z., & Salehi, K. (2018). Maternal-fetal emotional relationship during pregnancy, its related factors and outcomes in Iranian pregnant women: a panel study protocol. *Reproductive Health*, 15(1). <https://doi.org/10.1186/s12978-018-0620-6>

- Aulagnier, P. (2001). *The Violence of Interpretation: From Pictogram to Statement*. Brunner-Routledge.
- Bion, W.R. (1962). The Psycho-Analytic Study of Thinking. *International Journal of Psycho-Analysis*, 43, 306–310.
- Browne, T. K. (2016). Why parents should not be told the sex of their fetus: Table 1. *Journal of Medical Ethics*, 43(1), 5–10. <https://doi.org/10.1136/medethics-2015-102989>
- Bertin, A. (1992). *Parenting in the womb, or a tale of missed opportunities*. Life. (In Russ.)
- Bion, W. R. (2017). *Learning through the experience of experience*. Cogito Center. (In Russ.)
- Bronstein, K. (2017). Detecting unconscious fantasy in session: recognizing the form. In *International psychoanalytic yearbook. Sixth issue* (pp. 23–46). New Literary Review. (In Russ.)
- Brushlinsky, A. V., & Sergienko, E. A. (1998). *Mental representation: dynamics and structure*. IP RAN. (In Russ.)
- Çildir, D. A., Özbek, A., Topuzoğlu, A., Orcin, E., & Janbakhishov, C. E. (2019). Association of prenatal attachment and early childhood emotional, behavioral, and developmental characteristics: A longitudinal study. *Infant Mental Health Journal*, 41(4), 517–529. <https://doi.org/10.1002/imhj.21822>
- Davoudi, R. (2014). *The relationship between prenatal attachment and postnatal infant temperament*. Pacifica Graduate Institute.
- Dayton, C. J., Brown, S., Goletz, J., Hicks, L. M., Barron, C., Sperlich, M., & Smith-Darden, J. P. (2019). Pathways to Parenting: Predictors of Prenatal bonding in a sample of expectant mothers and fathers exposed to contextual risk. *Journal of Child and Family Studies*, 28(4), 1134–1144. <https://doi.org/10.1007/s10826-019-01343-6>
- Ferenczi, S. (2003). *The body and the subconscious and the unbinding of sexuality*. NOTA BENE. (In Russ.)
- Gioia, M. C., Cerasa, A., Muggeo, V. M. R., Tonin, P., Cajiao, J., Aloia, A., Martino, I., Tenuta, F., Costabile, A., & Craig, F. (2023). The relationship between maternal-fetus attachment and perceived parental bonds in pregnant women: Considering a possible mediating role of psychological distress. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1095030>
- Howland, M. A., Sandman, C. A., Davis, E. P., & Glynn, L. M. (2020). Prenatal maternal psychological distress and fetal developmental trajectories: associations with infant temperament. *Development and Psychopathology*, 32(5), 1685–1695. <https://doi.org/10.1017/s095457942000142x>
- Isaacs, S. (2001). The nature and function of fantasy. In *Development in psychoanalysis. Acad. project*. (In Russ.)
- Kholodnaya, M. A. (2002). *Psychology of intelligence: Paradoxes of research*. 2nd ed. Piter. (In Russ.)
- Lebovisi, S. (2007). Fantasy interaction and transgenerational transmission. In *Lessons from French psychoanalysis: Ten years of French clinical colloquia on psychoanalysis* (pp. 241–255). Cogito Center. (In Russ.)
- Lewin, S. (2020). Schizoid shame: the idealization of absence. *Contemporary Psychoanalysis*, 56(4), 534–561. <https://doi.org/10.1080/00107530.2020.1856677>
- Meshcheryakova, S. Y. (2000). Psychological readiness for motherhood. *Voprosy psichologii*, 5, 18–27. (In Russ.)
- Olanier, P. (2017). The birth of the body, the origin of history. In *International psychoanalytic yearbook. Sixth issue* (pp. 256–289). New Literary Review. (In Russ.)
- Rollè, L., Giordano, M., Santoniccolo, F., & Trombetta, T. (2020). Prenatal Attachment and Perinatal Depression: A Systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(8), 2644. <https://doi.org/10.3390/ijerph17082644>
- Rehardt, E., & Ikonen, P. P. (2009). *The origin of shame and its vicissitudes*. Institute of Practical Psychology and Psychoanalysis. (In Russ.)
- Savenysheva, S. S., Anikina, V. O., & Bloch, M. E. (2022). Translation and Adaptation of the Inventory “Maternal Antenatal Attachment Scale” (MAAS). *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(3), 92–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300306>
- Timur-Tashan, S., & Boybay-Koyuncu, S. (2018). Satisfaction with the gender of the baby and related factors. *Perspectives in Psychiatric Care*, 55(3), 471–477. <https://doi.org/10.1111/ppc.12345>
- Wille, R. (2014). The shame of existing: An extreme form of shame. *The International Journal of Psychoanalysis*, 95(4), 695–717. <https://doi.org/10.1111/1745-8315.12208>
- Winnicott, D. W. (1984) Primary maternal preoccupation. In *Through Paediatrics to Psychoanalysis: Collected Papers* (P. 300–305). Karnac.

Об авторе:

Надежда Сергеевна Наумчук, аспирант лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и пост-травматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (Российская Федерация, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13/1), [ORCID](https://orcid.org/10.1000/91166000000000000000), [AutorID](https://orcid.org/10.1000/91166000000000000000), n.s.naumchuk@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.11.2023

Поступила после рецензирования 10.04.2024

Принята к публикации 11.04.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Nadezhda Sergeyevna Naumchuk, graduate student, Laboratory of Psychology of Subject Development in Normal and Posttraumatic States, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (13/1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russian Federation), [ORCID](#), [AutorID](#), n.s.naumchuk@yandex.ru

Received 21.11.2023

Revised 10.04.2024

Accepted 11.04.2024

Conflict of interest

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 159.91

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-38-49>

Перспективные направления исследований психологических и психофизиологических механизмов когнитивной устойчивости в условиях стресса

Геннадий Г. Яцык

Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ oxiefree@mail.ru

Аннотация

Введение. Современный темп жизни все чаще становится источником стрессового воздействия на психику человека. В целом, изучение поведения человека в условиях стресса можно условно разделить на три направления: первое – изучение клинических последствий стрессового воздействия на психику человека; второе – изучение базовых типов поведенческого реагирования и адаптации в условиях стрессового воздействия; третье – изучение психофизиологических механизмов, обеспечивающих поведение человека в условиях стресса. В рамках третьего направления в настоящее время проводится большое количество преимущественно зарубежных исследований, значительная часть которых посвящена изучению различных аспектов когнитивной устойчивости человека в условиях стресса. Однако вопрос о влиянии различных индивидуально-типологических особенностей человека на его когнитивную устойчивость остается мало изученным, но достаточно перспективным.

Цель. Анализ перспективных направлений исследований психологических и психофизиологических механизмов когнитивной устойчивости в условиях стресса.

Определения основных понятий. Даны определения понятию стресса и стрессоустойчивости. Рассмотрены часто используемые в зарубежных исследованиях понятия когнитивной устойчивости и «тактических атлетов».

Психофизиологические механизмы стрессового реагирования. Рассмотрены современные представления о работе корково-подкорковых механизмов, обеспечивающих поведение в условиях стрессового воздействия. Проанализированы последние зарубежные и отечественные исследования электрофизиологических и гуморальных особенностей воздействия стресса на поведение и когнитивную устойчивость человека. Рассмотрены перспективные направления изучения взаимосвязи особенностей работы различных режимов работы мозга и когнитивной устойчивости.

Индивидуально-типологические механизмы стрессоустойчивости. Рассмотрена проблема значимости соответствия типа стрессового воздействия и угнетаемых им функций. Описаны различные механизмы копинг-стратегий, обеспечивающих поведение в условиях стресса. Проанализированы основные индивидуально-типологические характеристики, оказывающие влияние на поведение человека в условиях стресса.

Обсуждение результатов. Анализ современных отечественных и зарубежных исследований позволил выявить перспективные тенденции и направления при изучении воздействия стресса на когнитивную устойчивость человека, среди которых: изучение положений теории конгруэнтности применительно к когнитивной устойчивости в условиях стресса; представления об индивидуальной специфике значений фоновой активности организма в условиях стресса; изучение особенностей функционирования различных режимов работы мозга, обеспечивающих стрессоустойчивость; изучение особенностей интегративных стратегий решения когнитивных задач в стрессовых условиях. Указанные представления позволяют понять основные направления и тенденции, в рамках которых происходит изучение особенностей воздействия стресса на когнитивную сферу человека в современных исследованиях.

Ключевые слова: психофизиология стресса, когнитивная устойчивость, индивидуально-типологические особенности, психофизиология мышления, стрессоустойчивость, кратковременный стресс, умственный стресс

Для цитирования. Яцык, Г. Г. (2024). О перспективных направлениях исследований психологических и психофизиологических механизмов когнитивной устойчивости в условиях стресса. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 38–49. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-38-49>

Prospective Directions of Research on Psychological and Psychophysiological Mechanisms of Cognitive Resilience under Stress

Gennady G. Yatsyk

Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation

 oxiefree@mail.ru

Abstract

Introduction. The modern pace of life is increasingly becoming a source of stress impact on the human psyche. In general, the study of human behavior under stress can be conditionally divided into three directions: the first is the study of clinical consequences of stress impact on the human psyche; the second is the study of basic types of behavioral response and adaptation under stress; the third is the study of psychophysiological mechanisms that ensure human behavior under stress. Within the framework of the third direction, a large number of predominantly foreign studies are currently conducted, a significant part of which is devoted to the study of various aspects of human cognitive stability under stress. However, the issue of the influence of various individual-typological features of a person on his or her cognitive stability remains poorly studied, but quite promising.

Objective. To analyze promising research directions of psychological and psychophysiological mechanisms of cognitive resilience under stress.

Definitions of basic concepts. The definitions of stress and stress resistance are given. The concepts of cognitive resilience and “tactical athletes” often used in foreign studies are considered.

Psychophysiological mechanisms of stress response. Modern ideas about the work of cortical-subcortical mechanisms that ensure behavior under conditions of stress influence are considered. Recent foreign and domestic studies of electrophysiological and humoral peculiarities of stress impact on human behavior and cognitive stability are analyzed. Prospective directions of studying the relationship between the peculiarities of different modes of the brain and cognitive stability are considered.

Individual-typological mechanisms of stress resistance. The problem of significance of correspondence between the type of stress impact and the functions depressed by it is considered. Various mechanisms of coping-strategies providing behavior under stress are described. The main individual-typological characteristics influencing human behavior under stress are analyzed.

Discussion. The analysis of modern domestic and foreign researches has allowed to reveal perspective tendencies and directions in studying the impact of stress on human cognitive stability, among which are: studying the provisions of the congruence theory in relation to cognitive stability under stress; ideas about individual specificity of the values of the background activity of the organism under stress; studying the peculiarities of functioning of different modes of the brain, providing stress resistance; studying the peculiarities of integrative activity of the brain; studying the peculiarities of cognitive stability under stress. The mentioned representations allow to understand the main directions and tendencies, within the framework of which the study of peculiarities of stress influence on human cognitive sphere in modern researches takes place.

Keywords: psychophysiology of stress, cognitive stability, individual-typological features, psychophysiology of thinking, stress tolerance, short-term stress, mental stress

For citation. Yatsyk, G. G. (2024). Prospective Directions of Research on Psychological and Psychophysiological Mechanisms of Cognitive Resilience under Stress. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(2), 38–49. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-38-49>

Введение

В современных реалиях изучение особенностей поведения человека в условиях стресса приобретает все большее значение. Эпидемии, войны и кризисы – это те явления, к которым все чаще приходится адаптироваться современному человеку. Подобного рода явления создают общую стрессогенную обстановку, на фоне которой люди вынуждены решать собственные задачи, ежедневно подвергаясь стрессу как при принятии решений, так и попадая в условия неопределенности.

Согласно имеющимся данным, индекс наследования базового типа поведенческого реагирования составляет около 70–80 % (Жуков, 2004). Высокий индекс наследуемости типа поведенческого реагирования в ответ на стрессовое воздействие свидетельствует о высокой устойчивости и стабильности данного психологического качества, что обуславливает высокую актуальность изучения этого вопроса. Данная информация имеет высокую психодиагностическую ценность и может быть полезна практикующим специалистам для составления психодиагностических портретов, прогнозов и рекомендаций в отношении людей, вынужденных работать и принимать решения в условиях повышенного стрессового воздействия.

Китаев-Смык (2009) исследовал изменения поведения человека в различных стрессовых условиях, таких как состояние невесомости, ведение боевых действий и т. д., и разработал общую теорию стресса, в рамках которой выделил активный, пассивный и конструктивный типы поведенческого реагирования. Жуков (2015) изучил гуморальные механизмы регуляции поведения человека в условиях стрессового воздействия и выделил два основных типа реагирования на стресс: «активный – бей или беги» и «пассивный – замри». В последние годы изучение различных типов поведенческого реагирования на стресс становится все более распространенным среди отечественных исследователей. В частности, А. Б. Леонова, И. В. Блинникова и М. С. Капица показали, что стрессоустойчивость связана с эффективным распределением когнитивных ресурсов и вращением фигур в ментальном пространстве (Леонова, Блинникова, Капица, 2019). В работе Р. И. Мачинской показаны важные аспекты формирования когнитивной устойчивости в процессе взросления (Мачинская, 2022). Перспективными представляются вопросы, рассматриваемые в статье Станковой (2018) о значении особенностей фоновой активности организма и роли дефолт-системы мозга при поведении человека в условиях стресса (Станкова, 2018).

В контексте изучения базовых типов поведенческого реагирования в ответ на стрессовое воздействие наиболее активно изучается вопрос о воздействии стресса на когнитивную сферу человека, в результате чего сформировалось понятие когнитивной устойчивости, которая была определена как «способность преодолевать негативные последствия неудач» (Staal et al., 2008, с. 260). Таким образом, высокую когнитивную устойчивость можно рассматривать в качестве основного компонента эффективного поведенческого реагирования при возникновении стрессовых условий, что в работах Л. А. Китаева-Смыка укладывается в понятие «конструктивного» типа поведенческого реагирования (Китаев-Смык, 2009).

Изучение психофизиологических механизмов, обеспечивающих различные типы поведенческого реагирования человека в условиях стресса, в основном представлено зарубежными исследованиями. F. M. Al-Shargie и др. в своей работе описали эффективную модель диагностики уровня стрессового воздействия на мозг человека посредством анализа ЭЭГ-сигналов (Al-Shargie et al., 2015). Arnsten (2015) подробно описала корково-подкорковые механизмы обеспечения когнитивной деятельности как в условиях покоя, так и при воздействии стресса. В работе A. Flood и R. J. Keegan рассмотрены перспективные для исследования понятия когнитивной устойчивости и «тактических атлетов» – военнослужащих, чья служба сопряжена с необходимостью эффективно действовать и принимать решения в условиях стрессового воздействия (Flood & Keegan, 2022). S. M. Griffin и S. Howard рассмотрели механизмы эффективных копинг-стратегий в условиях кратковременного стрессового воздействия и указали на перспективность продолжения исследований в данном направлении (Griffin & Howard, 2019). В отечественной науке предпринимаются отдельные попытки теоретического осмысления и эмпирического изучения данной темы. В частности, И. А. Усатов рассмотрел различные теоретические аспекты, связанные с воздействием стресса на поведение человека, и обозначил перспективные направления для исследований по данной теме (Усатов, 2016). А. А. Боякова рассмотрела эмоциональный интеллект как фактор, способствующий стабильному поведению в условиях стресса (Боякова, 2016). Е. П. Станкова рассмотрела связь различных режимов работы мозга и значений фоновой активности организма человека с эффективностью поведения в стрессовых условиях (Станкова, 2018). Яцык и Воробьева (2021) в результате проведенного исследования описали основные электрофизиологические маркеры, связанные с эффективным мышлением в условиях стрессового воздействия.

В течение продолжительного периода доминирующим было представление о деструктивном влиянии стрессогенной обстановки на когнитивную эффективность человека, однако, начиная с 2010 года, начали появляться научные свидетельства, указывающие на стимулирующий характер влияния стресса на когнитивную эффективность. В частности, U. Bindl и S. Parker в своем исследовании показали, что эффективность трудовой деятельности сотрудников компании значительно возрастает при соблюдении двух условий: во-первых, сотрудники должны испытывать такие положительные эмоции, как воодушевление и энтузиазм; во-вторых, они должны быть уверены, что способны справиться с поставленной задачей (Bindl & Parker, 2010). Vasilyev (2013) в ходе исследования также подтвердил наличие положительного и стимулирующего эффекта кратковременного стресса на мыслительные функции человека. K. Rothermund и S. L. Koole в 2018 году провели большое теоретическое исследование, в рамках которого показали развитие представлений о взаимодействии эмоций и мышления за последние 30 лет. Данные, представленные в исследовании, также подтверждают появление после 2010 года большого количества исследований, рассматривающих стрессовое воздействие в качестве положительно воздействующего фактора на эффективность деятельности (Rothermund & Koole, 2018).

Таким образом, актуальными современными направлениями исследований когнитивной устойчивости человека в условиях стресса являются: изучение положений теории конгруэнтности в условиях стрессового воздействия, представления о значении индивидуальных различий фоновой активности организма в условиях стресса, изучение особенностей функционирования различных режимов работы мозга, обеспечивающих стрессоустойчивость, а также изучение интегративных стратегий решения когнитивных задач в условиях стресса. В отечественных исследованиях в настоящее время достаточно активно изучаются различные типы поведенческого реагирования в ответ на стрессовое воздействие. Изучение психофизиологических механизмов обеспечения когнитивной

устойчивости человека в условиях стрессового воздействия в отечественной науке остается малоизученным (Козлов и Козлова, 2014; Яцык и Воробьева, 2019). Исследования индивидуально-психологических предикторов когнитивной устойчивости ограничиваются изучением таких личностных характеристик, как тревожность и стрессоустойчивость (Леонова, Блиникова и Капица, 2019; Немец и Виноградова, 2017).

Целью данной статьи является анализ перспективных направлений исследования психологических и психофизиологических механизмов когнитивной устойчивости в условиях стресса.

Определения основных понятий

Стресс – это неспецифическая системная приспособительная реакция организма на новизну, то есть на отклонение условий существования от привычных (Жуков, 2015). В исследованиях показано, что кратковременный лабораторный стресс также связан с уменьшением вознаграждения за обучение и сниженной нейронной реакцией на вознаграждение (Ethridge, et al., 2020). Стрессоустойчивость определяют как процесс, отражающий позитивную адаптацию к окружающим условиям, несмотря на наличие значительных затруднений или травмы. Трансакционная теория стресса определяет стрессоустойчивость как возможность эффективно и продуктивно осуществлять деятельность в условиях стресса (Flood & Keegan, 2022).

В контексте изучения базовых типов поведенческого реагирования в ответ на стрессовое воздействие наиболее активно изучается вопрос о воздействии стресса на когнитивную сферу человека, в результате чего появилось понятие когнитивной устойчивости. Данная концепция чаще всего встречается в контексте изучения военнослужащих, регулярно выполняющих сложные когнитивные задачи в условиях стресса. Исследование, проведенное Министерством обороны США, показало, что 87 % военнослужащих сообщают, что испытывают определенный стресс в ходе выполнения своих обязанностей. Для обозначения данной категории военнослужащих в научной литературе был использован термин «тактические атлеты» (Kupper, et al., 2021). В военных условиях, подобных тем, в которых работают «тактические атлеты», успешная когнитивная деятельность в условиях стресса имеет большое значение.

Психофизиологические механизмы стрессового реагирования

Вероятно, существует несколько путей, обеспечивающих функционирование префронтальной коры (далее – ПФК) в условиях стресса. Во-первых, это двусторонний путь, соединяющий префронтальную кору и миндалевидное тело (необходимый для обработки эмоций). Во-вторых, нисходящие связи префронтальной коры с ядрами гипоталамуса и ствола мозга, которые опосредуют как нейроэндокринные, так и вегетативные реакции на стресс соответственно. В-третьих, реципрокная связь между префронтальной корой, средним мозгом и стволом мозга, которая при стрессе активирует моноамины, которые являются известными модуляторами исполнительских функций. В-четвертых, реципрокная связь между средней ПФК и гиппокампом, обеспечивающая передачу сложной информации об окружающей среде. В-пятых, ПФК связана с дорсальными и вентральными областями полосатого тела, связанными с вознаграждением и склонностью к употреблению наркотиков (Holmes & Wellman, 2009).

В условиях воздействия острого кратковременного стресса основными системами, регулирующими поведение человека, являются симпатoadреналовая система (САС) и гипоталамо-гипофизарно-адреналовая система (ГГАС). САС отвечает за быстрое стрессовое реагирование, помогая в ситуациях, когда мы неожиданно сталкиваемся с угрозой, обеспечивая реакцию «Бей-Беги» (Plieger & Reuter, 2020). Ее активация приводит к секреции адреналина и норадреналина в кровоток (von Dawans et al., 2020). Кратковременный стресс активирует миндалину, гиппокамп и одновременно подавляет префронтальную мозговую активность (Datta & Arnsten, 2019). Стресс способствует сдвигу в сторону жестких, менее требовательных когнитивных стратегий, которые могут способствовать успешному преодолению трудностей. Переход к менее сложным стратегиям в условиях стресса преимущественно обусловлен активностью кортизола, оказывающего влияние на основные структуры сети регуляции эмоций (von Dawans et al., 2020).

Эффект подавления ПФК модулируется возрастанием секреции кортизола, что особенно заметно после хронического стресса. Эффект воздействия кортизола на мозговую активность начинает проявляться только через несколько минут после стрессового воздействия, что связано с достаточно долгим процессом циркуляции гормонов в крови, после чего кортизол начинает оказывать комплексное влияние как на мозг, так и на все тело (de Kloet, 2014). Кортизол увеличивает чувствительность вкусовых, тактильных, слуховых и обонятельных процессов, что помогает в преодолении опасных и стрессовых ситуаций (Plieger & Reuter, 2020). В головном мозге эффекты кортизола опосредуются связыванием с минералокортикоидными и глюкокортикоидными рецепторами (Plieger & Reuter, 2020). Влияние кортизола на когнитивные функции объясняется связыванием с глюкокортикоидными рецепторами, поскольку минералокортикоидные рецепторы связываются с кортизолом как в спокойных, так и в стрессовых условиях и считаются менее чувствительным к изменениям концентрации уровня кортизола в головном мозге (Vogel et al., 2016).

Одним из направлений исследований воздействия стресса на когнитивную сферу человека является изучение различных режимов работы мозга. Исследователи чаще всего выделяют три основных режима работы мозга. Первый – дефолт-система мозга (ДСМ), участвующая в генерации внутренних концепций. Второй – центральная

исполнительная сеть (ЦИС), осуществляющая нисходящий контроль над генерированием концепций для получения конкретного результата. Третий – сеть выявления значимости, регулирующая управление процессами внимания и познания (Vartanian et al., 2020). Дефолт-система мозга наиболее активна во время мышления, не связанного с конкретной задачей, и чаще активируется во время эпизодов размышлений, мечтаний и воображения (Raffaelli et al., 2020). Центральная исполнительная сеть наиболее активна во время выполнения конкретных задач, требующих когнитивного контроля. Чаще всего активность дефолт-системы мозга и центральной исполнительной сети отрицательно коррелируют друг с другом. Необходимость эффективного взаимодействия этих двух сетей наблюдается при выполнении задач творческого типа (Vartanian et al., 2020).

Достаточно большое количество исследований ЭЭГ-активности обращает внимание на значение электрической активности мозга в дельта-диапазоне. Было показано, что глубокие мозговые структуры, проявляющие подкорковую дельта-активность, тесно связаны с активностью автономной нервной системы. Исследования показали, что решение когнитивных задач, связанных с вербальной памятью и ментальной арифметикой, сопровождается повышенной префронтальной ЭЭГ дельта-активностью (Chalmers et al., 2020). Как предполагается, дельта-активность подавляет прочие когнитивные функции с целью обеспечения повышенного внимания при решении важных задач. Исследования в области электрофизиологии стрессового воздействия на организм человека показали, что базовая чувствительность к вознаграждению в дельта-диапазоне связана со сниженным кортизоловым выбросом в ответ на стресс. В результате исследования было установлено, что возросшая дельта-активность после приложенных усилий была связана со снижением уровня кортизола в стрессовом состоянии, но не в состоянии покоя (Vidal-Ribas et al., 2019). В целом, дельта-активность в области префронтальной коры хорошо описана и возрастает во время различных комплексных когнитивных процессов, которые могут оказывать стрессовое воздействие (Chalmers et al., 2020).

Хорошо изучена и роль тета-активности во время стресса. Совокупная мощность электрической активности мозга положительно связана с фронто-центральной тета-активностью. В некоторых исследованиях предполагается, что преобладание тета-активности во время выполнения мыслительных задач может отражать усталость (Chalmers et al., 2020).

Индивидуально-типологические особенности стрессоустойчивости

Исследования ведутся в сфере изучения воздействия стресса на социальное поведение человека. Сторонники теории конгруэнтности предполагают, что в тех случаях, когда социальные или поведенческие функции активно используются в качестве стратегий совладания со стрессовым воздействием, именно стрессовое воздействие на эти конкретные функции и послужит причиной возникновения значительного эффекта стрессового воздействия (von Dawans et al., 2020). Сторонники этой теории также утверждают, что наиболее значительный эффект от стрессового воздействия возникает в случае соответствия характера стрессора конкретной психической функции (социальной, когнитивной, поведенческой) (Potts et al., 2019). Таким образом, социальный стресс-тест Триера с высокой вероятностью вызовет наибольший деструктивный эффект в психике человека в тех случаях, если, во-первых, человек предпочитает использовать в качестве ведущих стратегий совладания со стрессом именно социальные копинги (поиск социальной поддержки, одобрение и т. д.), а во-вторых, если исследуемый в момент воздействия социального стрессора выполняет социальную задачу. Также было показано, что стресс может приводить к активации социальных стратегий поведения в тех случаях, когда имеется потребность во взаимодействии с партнером (Buchanan & Preston, 2014). Различные личностные и психопатологические характеристики, а также индивидуальные различия в социальных стилях поведения обуславливают высокую вариабельность стрессового реагирования. Указанные индивидуально-типологические различия определенным образом модулируют воздействие кратковременного стресса на социальное поведение (von Dawans et al., 2020).

В России при изучении психологических предикторов когнитивной устойчивости в условиях стресса в значительном количестве исследований ограничивается лишь изучением показателей тревожности и стрессоустойчивости испытуемых (Леонова и др., 2019; Немец и др.). Высокая ситуативная тревожность рассматривается как негативный фактор при влиянии стресса на когнитивную сферу, а состояние тревожности, напротив, рассматривается как опосредующий фактор, приводящий к увеличению эффективности рабочей памяти (Plieger & Reuter, 2020; von Dawans et al., 2020). Этот эффект обеспечивается активностью гипоталамо-гипофизарно-адреналовой оси. Данные результаты позволяют сделать вывод, что личностные особенности, в особенности копинг-стратегии и эмоциональное регулирование, вовлечены во взаимодействие стресса и префронтальной коры головного мозга.

Вопрос об особенностях стрессового реагирования в зависимости от гендерных различий также представляет интерес (Nickels et al., 2017; von Dawans et al., 2020). В исследованиях упоминается, что менструальная фаза и прием гормональных контрацептивов существенно влияют на физиологические особенности реагирования на стрессовое воздействие. Данные также указывают на то, что существуют важные гендерные различия при реагировании на острый стресс и что эти различия могут объяснить резкое изменение настроения после стрессового воздействия у женщин (Ali & Cooperman et al., 2015). Стресс увеличивает вероятность предпочтения копинг-стратегии переключения внимания над переоценкой при подавлении повышенной негативной эмоциональной нагрузки.

Более того, было установлено, что мужчины, участвовавшие в исследовании, более успешно справлялись с подавлением высокой интенсивности эмоций посредством переоценки и переключения внимания, нежели контрольная группа (Langer et al, 2022).

Было установлено, что тревожность оказывает сдерживающее воздействие на мыслительные функции во время стрессового воздействия. Согласно теории контроля внимания, тревожность приводит к изменению ориентированной на достижение цели, контролируемой нисходящей системы внимания на систему внимания, зависимую от стимулов и контролируемую восходящей системой. Это приводит к распределению ресурсов внимания между потенциально опасными стимулами и, следовательно, оказывает разрушающее воздействие на исполнительские и контрольные функции. Согласно теории контроля внимания, когнитивные усилия при высоких уровнях тревоги снижаются даже больше, чем когнитивная результативность. Отрицательные эффекты тревоги выявлены и при решении задач, требующих переключения и торможения нервных процессов (Park & Moghaddam, 2017; Plieger & Reuter, 2020).

В исследованиях показано, что физиологические значения работы организма в состоянии покоя связаны с характером реагирования организма в ответ на стрессовое воздействие. Исходя из этого положения можно предположить высокое значение фоновой активности организма как предиктора типа поведенческого реагирования в условиях стресса. Так, согласно этому предположению, расслабленное, автономное состояние сердечно-сосудистой активности связано с величиной сердечно-сосудистых реакций в ответ на стимул. Было установлено, что достаточно высокий уровень физиологической активности организма в состоянии покоя обратно пропорционален величине реакции организма в ответ на стрессовое воздействие (Kupper et al., 2021).

Обсуждение результатов

Основополагающим вопросом при изучении воздействия стресса на когнитивную устойчивость человека является определение индивидуального базового типа поведенческого реагирования в ответ на стрессовое воздействие, который, как было указано выше, на 70–80 % является генетически детерминированной и устойчивой характеристикой (Жуков, 2004). Одним из наиболее ранних отечественных исследований, посвященных изучению эффективности когнитивной сферы в условиях стресса, была работа Леоновой (1989), где рассмотрено изменение стратегий решения когнитивных задач в ситуации экзамена. В результате проведенного исследования было установлено, что только 30 % студентов демонстрировали когнитивную устойчивость в стрессовых условиях экзамена, что проявлялось в сохранении ими оптимального способа выполнения тестовых заданий. В более поздних исследованиях, посвященных как изучению психологических (Леонова, Капица и Блинникова, 2010), так и психофизиологических (Яцык и Воробьева, 2019) особенностей воздействия стресса на поведение человека было показано, что подобное соотношение когнитивно-устойчивых лиц по отношению к общему числу исследуемых лиц остается неизменным.

В современных отечественных исследованиях была получена информация о том, что стрессоустойчивые испытуемые в стрессовых условиях перераспределяют когнитивные усилия в пользу более сложных задач, а менее стрессоустойчивые заостряют свое внимание на выполнении более простых задач, не оставляя ресурсов для решения более сложных (Леонова и др., 2019).

В свете имеющихся на сегодняшний день результатов психологических исследований воздействия стресса, перспективной представляется теория конгруэнтности, согласно которой наибольший эффект от воздействия стрессора возникает при его соответствии конкретной функции (когнитивной или поведенческой) (Potts et al., 2019). Из этого следует, что социальные когнитивные функции, вероятно, в большей степени нарушаются под воздействием социальных стрессоров, нежели при фармакологическом или физическом стрессовом воздействии. Сторонники данной теории утверждают, что для действительно сильного эффекта стрессового воздействия, независимая переменная (стрессор) и зависимая переменная (социальные или поведенческие функции) должны быть связаны друг с другом. Несмотря на то, что данная теория достаточно редко используется учеными, она способна разрешить многие из имеющихся на сегодняшний день в научной литературе противоречий касательно наиболее характерных психологических качеств стрессоустойчивых людей (von Dawans et al., 2020). Благодаря этой теории становится возможным объяснить, почему в некоторых исследованиях были получены данные о высокой эффективности эмоционально устойчивых, мало общительных и флегматичных интровертов при решении задач на дивергентное мышление и кратковременную память в условиях стрессового воздействия (Яцык и Воробьева, 2019), а в других исследованиях были получены данные о том, что в условиях экзаменационного стресса, наиболее высокую эффективность демонстрировали низко тревожные экстраверты (Кухтинская, 2016; Водопьянова, 2013). Определенные противоречия в исследованиях стрессоустойчивости и когнитивной устойчивости вносит отсутствие общей методологии моделирования стресса, из-за чего в исследованиях, зачастую, не придается большого значения сопоставлению способа стрессового воздействия и оцениваемых результатов.

В качестве наиболее объективных и общепринятых показателей уровня эмоциональной напряженности последнее время чаще используют оценку показателей сердечной деятельности и уровня содержания кортизола (Яцык, 2021). Однако во многих исследованиях не всегда уделяется достаточное внимание обоснованию применения того или иного способа стрессового воздействия, а также полученным в результате стрессирования результатам.

Значения фоновой активности организма человека в спокойном состоянии могут иметь прогностическое значение при его поведении в условиях стрессового воздействия. Так, расслабленное, автономное состояние сердечно-сосудистой активности связано с величиной сердечно-сосудистых реакций в ответ на стимул. Было установлено, что достаточно высокий уровень физиологической активности организма в состоянии покоя обратно пропорционален величине реакции организма в ответ на стрессовое воздействие (Kupper et al., 2021). В исследовании гуморального ответа организма на стрессовое воздействие было показано, что у людей с повышенным содержанием свободного кортизола в организме при выполнении когнитивных задач в спокойном состоянии, при возникновении стрессогенных факторов уровень кортизола либо остается в прежнем диапазоне значений, либо снижается – такая реакция была характерна для группы когнитивно-неустойчивых участников эксперимента. Участники эксперимента, для которых был характерен относительно невысокий уровень содержания кортизола в организме в спокойном состоянии, демонстрировали стабильное увеличение уровня содержания кортизола в организме при возникновении стрессогенных условий (Яцык, 2021). Учет значений фоновой активности организма также был важен и при изучении закономерностей динамики ЭЭГ-процессов участников эксперимента. Для группы когнитивно-неустойчивых участников эксперимента была характерна повышенная электрическая активность в дельта-, тета- и бета-диапазонах в спокойном состоянии, в то время как в условиях стресса указанные параметры оставались неизменными, либо снижались. Для группы когнитивно-устойчивых людей была характерна относительно невысокая активность в дельта-, тета- и бета-диапазонах в спокойном состоянии, в то время как в состоянии стресса электрическая активность в указанных диапазонах достоверно возрастала (Яцык и Воробьева, 2021).

Изучение роли различных сетей головного мозга не получило широкого распространения в исследованиях воздействия стресса на когнитивную устойчивость человека, однако представляется достаточно перспективным направлением. Активность указанных сетей головного мозга изучается как в отечественных исследованиях (Пирамидов и др., 2016; Станкова, 2018), так и в зарубежных работах (Raffaelli et al., 2020). Модуляция активности указанных сетей головного мозга связана с обеспечением когнитивных процессов (Sadaghiani et al., 2012).

В ходе изучения различных режимов работы мозга было показано, что в стрессовых условиях усиливается функциональная связь между сетью выявления значимости и областью сенсорной коры, что можно объяснить обострением внимания на значимые стимулы с целью увеличения адаптивности поведения в стрессогенной обстановке (Vartanian et al., 2020).

Как известно, ЦИС осуществляет нисходящий контроль над генерированием концепций для получения конкретного результата и связана с процессом целенаправленного мышления, а ДСМ связана с социальностью и коммуникабельностью (Vartanian et al., 2020). При выполнении задач на дивергентное мышление и кратковременную память в условиях стрессового воздействия были получены данные о высокой эффективности эмоционально устойчивых, мало общительных и флегматичных интровертов (Яцык и Воробьева, 2019), что дает основание сделать вероятностное предположение о том, что при решении подобного рода задач в стрессовых условиях более востребованной является эффективность ЦИС, нежели ДСМ. Данное предположение представляется любопытным, однако требует научных подтверждений.

Эмоции и когнитивные процессы все чаще рассматриваются как взаимозависимые процессы, что проявляется не только в паттернах обработки информации, но и в паттернах реагирования. Данное предположение подтверждается как среди отечественных (Мачинская, 2015; Мачинская, 2022), так и среди зарубежных исследователей (Сапольски, 2023). Р. И. Мачинская утверждает, что «управляющие системы мозга» следует рассматривать как систему нейрофизиологических механизмов, включающих области префронтальной коры и подкорковых образований. Р. Сапольски функционально подразделяет ПФК на две области: дорсолатеральную (ДлПФК) и вентромедиальную (ВмПФК). Сообщается, что «ВмПФК имеет множество взаимосвязей с лимбической системой и отвечает за эмоциональную составляющую в ходе принятия решений» (Сапольски, 2023, с. 55).

Таким образом, из концепции интегративных стратегий решения когнитивных задач исходит предположение, что когнитивная эффективность человека, вероятно, зависит и от взаимной и согласованной активности ПФК головного мозга (в частности, ВмПФК) и подкорковых структур лимбической системы. В контексте изучаемой темы это означает, что одним из значимых предикторов когнитивной устойчивости в условиях стресса будет являться сила мотивации конкретного человека для достижения поставленной им цели. В данном контексте любопытными представляются исследования стрессоустойчивости животных (Немец и Виноградова, 2017), в которых показано, что активное поведение в условиях стресса обуславливается дофаминергической и серотонинергической системами, связанными с активностью хвостатого ядра, которое влияет на импульсивное и мотивационное поведение, а также на осмысление ситуации, как контролируемой, так и неконтролируемой (в ПФК). В стрессовых условиях активные животные воспринимают ситуацию как контролируемую. У них подавлена активность ПФК, из-за чего они не могут принять взвешенное решение, однако активация хвостатого ядра помогает им быстро и импульсивно отреагировать на стрессор. У неактивных же животных происходит переактивация ПФК, торможение хвостатого ядра и активация миндалевидного тела, отвечающего за реакцию «затаивания» (Cabir & Puglisi-Allegra, 2012). Таким образом, в исследованиях на животных показано, что, подобно аналогичным исследованиям среди людей,

решающее влияние на стрессоустойчивость оказывает осознание животным стрессовой ситуации как субъективно контролируемой, как это описано в классической концепции стрессоустойчивости Lazarus и Folkman (1984).

Вопрос о связи мотивационной сферы и стрессоустойчивости является достаточно актуальным и изучаемым в настоящее время (Бовенко, 2021; Макарова и Мищенко, 2023; Шатайло, 2023), однако в контексте изучаемой нами темы перспективным и малоизученным представляется вопрос об исследовании влияния конкретных психофизиологических механизмов высокой мотивации на когнитивную устойчивость человека в условиях стресса.

Заключение. Таким образом, проанализировав современные отечественные и зарубежные исследования по изучаемой теме, можно прийти к выводу о том, что изучение положений теории конгруэнтности применительно к когнитивной устойчивости в условиях стресса, представления об индивидуальной специфике значений фоновой активности организма в условиях стресса, изучение особенностей функционирования различных режимов работы мозга, обеспечивающих стрессоустойчивость, а также изучение особенностей интегративных стратегии решения когнитивных задач в стрессовых условиях и связанные с указанными направлениями темы, являются перспективными направлениями для будущих исследований и представляют несомненный интерес при изучении различных психологических и психофизиологических механизмов обеспечения когнитивной устойчивости в условиях стрессового воздействия.

Список литературы

- Боякова, А. А. (2016). Эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость. *Научно-практический журнал «Акмеология». Развитие профессионализма*, 1, 189–190.
- Бовенко, А. А. (2021). Теоретические основы соревновательной мотивации. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 4(6), 37–46. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-37-46>
- Водошнянова, Н. Е. (2013). *Психодиагностика стресса*. Издательский дом «Питер».
- Жуков, Д. А. (2004). *Биологические основы поведения. Гуморальные механизмы*. Юридический Центр Пресс.
- Жуков, Д. А. (2015). *Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Альпина-нон-фикшн*.
- Китаев-Смык, Л. А. (2009). *Психология стресса. Психологическая антропология стресса*. Академический Проект.
- Козлов, А. И., и Козлова, М. А. (2014). Кортизол как маркер стресса. *Физиология человека*, 40(2), 123–136.
- Кухтинская, Л. В., Зураев, А. В., Будевич, В. А., и Моссэ И. Б. (2016). Современные представления о генетических детерминантах психоэмоциональной устойчивости человека. *Молекулярная и прикладная генетика. Институт генетики и цитологии НАН Беларуси*, 20, 96–109.
- Леонова, А. Б. (1989). *Психологические средства оценки и регуляции функциональных состояний человека дисс. ... докт. психол. наук.* АН СССР. Институт психологии.
- Леонова, А. Б., Блинникова, И. В., и Капица, М. С. (2019). Трансформация системы когнитивных ресурсов при возрастании эмоциональной напряженности. *Вестник Московского университета. Серия 14: психология*, 1, 69–90.
- Леонова, А. Б., Капица, М. С., и Блинникова, И. В. (2010). Изменение когнитивных стратегий в условиях возрастания эмоциональной напряженности у людей с разной индивидуальной устойчивостью к стрессу. *4-я Международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов*, 2, 385–387.
- Макарова, Е. А., и Мищенко, В. И. (2023). Предэкзаменационный период как стрессовая ситуация, детерминирующая поведение личности обучающихся в образовательном процессе. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(5), 10–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-10-17>
- Мачинская, Р. И. (2015). Управляющие системы мозга. *Журнал высшей нервной деятельности*, 65(1), 33–60.
- Мачинская, Р. И. (2022). Роль регуляторных систем мозга в формировании когнитивных функций и контроля поведения. *Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании. Сборник трудов конференции* (С. 298–302). РАО.
- Немец, В. В., и Виноградова, Е. П. (2017). Стресс и стратегии поведения. *Национальный психологический журнал*, 2(26), 59–72.
- Пирадов, М. А., Супонева, Н. А., и Селиверстов, Ю. А. (2016). Возможности современных методов нейровизуализации в изучении спонтанной активности головного мозга в состоянии покоя. *Неврологический журнал*, 1, 4–12.
- Сапольски, Р. (2023). *Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки*. Альпина нон-фикшн.
- Станкова, Е. П. (2018). Роль фоновой активности в обеспечении когнитивной деятельности. *Вестник ЯрГУ, серия: гуманитарные науки*, 2(44), 116–120.
- Усатов, И. А. (2016). Стрессоустойчивость личности как фактор преодоления стресса. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 2, 21–25.
- Шатайло, С. В. (2023). Взаимосвязь уровня стрессоустойчивости и мотивации достижения. *Тенденции развития науки и образования*, 102–1, 166–171.
- Яцык, Г. Г., и Воробьева, Е. В. (2021). Электрофизиологические маркеры интеллектуальной эффективности мужчин в условиях стрессового воздействия. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(1).

- Яцык, Г. Г., и Воробьева, Е. В. (2019). Индивидуально-психологические особенности мужчин при выполнении интеллектуальных заданий в условиях стресса. *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(4).
- Яцык, Г. Г., Воробьева, Е. В., и Ермаков, П. Н. (2016). Индивидуальные особенности стрессорного реагирования во время психофизиологического исследования с применением полиграфа. *Российский психологический журнал*, 13(2), 156–168.
- Яцык, Г. Г. (2021). О моделировании в лабораторных условиях воздействия стресса на эффективность решения интеллектуальных задач. *Мир университетской науки: культура, образование*, 10, 101–108.
- Al-shargie, F. M., Tang, T. B., Badruddin, N., & Kiguchi, M. (2016). Mental Stress Quantification Using EEG Signals. In: Ibrahim, F., Usman, J., Mohktar, M., Ahmad, M. (eds) *International Conference for Innovation in Biomedical Engineering and Life Sciences. ICIBEL 2015. IFMBE Proceedings*, 56. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0266-3_4
- Ali, N., Cooperman, C., & Pruessner, J. (2015). Sex and gender differences in the suppression of the stress systems: A potential link to anxiety and mood disorders? *Psycho neuro endocrinology*, 61, 61–63. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2015.07.562>
- Arnsten, A. F. T. (2015). Stress weakens prefrontal networks: molecular insults to higher cognition. *Nature Neuroscience*, 18(10), 1376–1385. <https://doi.org/10.1038/nn.4087>
- von Dawans, B., Strojny, J., & Domes, G. (2021). The effects of acute stress and stress hormones on social cognition and behavior: Current state of research and future directions. *Neuroscience and Biobehavioral Review*, 121, 75–88. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2020.11.026>
- Bindl, U., & Parker, S. (2010). Feeling good and performing well? Psychological engagement and positive behaviors at work. In: S. L. Albrecht (ed.) *Handbook of Employee Engagement: Perspectives, Issues, Research and Practice* (pp. 385–398). Elgar. <https://doi.org/10.4337/9781849806374.00043>
- Buchanan, T. W., & Preston, S. D., (2014). Stress leads to prosocial action in immediate need situations. *Frontiers behavioral neuroscience*, 8(5). <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2014.00005>
- Cabip, S., & Puglisi-Allegra, S. (2012) The mesoaccumbens dopamine in coping with stress. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 36(1), 79–89. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2011.04.012>
- Chalmers, T., Maharaj, Sh., Lees, T., Lin, C. T., Newton, Ph., Clifton-Bligh, R., McLachlan, C. S., Gustin, S. M., & Lal, S. (2020). Impact of acute stress on cortical electrical activity and cardiac autonomic coupling. *Journal of Integrative Neuroscience*, 19(2), 239–248. <https://doi.org/10.31083/j.jin.2020.02.74>
- Datta, D., & Arnsten, A., (2019). Loss of prefrontal cortical higher cognition with uncontrollable stress: molecular mechanisms, changes with age, and relevance to treatment. *Brain Science*, 9(113). <https://doi.org/10.3390/brainsci9050113>
- De Kloet, R., (2014). From receptor balance to rational glucocorticoid therapy. *Endocrinology*, 155, 2754–2769. <https://doi.org/10.1210/en.2014-1048>
- Ethridge, P., Ali, N., Racine, S. E., Pruessner, J. C., & Weinberg, A. (2020). Risk and resilience in an acute stress paradigm: evidence from salivary cortisol and time-frequency analysis of the reward positivity. *Clinical Psychological Science*, 8(5), 872–889. <https://doi.org/10.1177/2167702620917463>
- Flood, A., & Keegan, R. J. (2022). Cognitive Resilience to Psychological Stress in Military Personnel. *Frontiers in Psychology*, 13, 809003. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.809003>
- Griffin, S. M., & Howard, S. (2019). Effects of Trait Emotion Regulation on Stress Responsivity. In P. Buchwald, K. Krzysztof, K. A. Moore, & P. Arenas-Landgrave (eds.) *Stress and Anxiety: Contributions of the STAR award winners* (pp. 137–150). Logos Verlag.
- Holmes, A., & Wellman, C. L. (2009). Stress-induced prefrontal reorganization and executive dysfunction in rodents. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 33(6), 773–783. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2008.11.005>
- Kupper, N., Jankovic, M., & Kop, W. J. (2021). Individual differences in cross-system physiological activity at rest and in response to acute social stress. *Psychosomatic Medicine*, 83(2), 138–148. <https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000901>
- Langer, K., Jentsch, V. L., & Wolf O. T. (2022). Acute stress influences strategy preference when dealing with high intensity emotions in men. *Biological Psychology*, 169, 108264. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2022.108264>
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. Springer publishing company.
- Nickels, N., Kubicki, K., & Maestripieri, D., (2017). Sex differences in the effects of psychosocial stress on cooperative and prosocial behavior: evidence for ‘flight or fight’ in males and ‘tend and befriend’ in females. *Adaptive Human Behavior and Physiology*, 3, 171–183. <https://doi.org/10.1007/s40750-017-0062-3>
- Park, J., & Moghaddam, B. (2017). Impact of anxiety on prefrontal cortex encoding of cognitive flexibility. *Neuroscience*, 345, 193–202. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2016.06.013>
- Plieger, T., & Reuter, M. (2020). Stress & executive functioning: A review considering moderating factors. *Neurobiology of Learning and Memory*, 173, 107254. <https://doi.org/10.1016/j.nlm.2020.107254>
- Potts, S. R., McCuddy, W. T., Jayan, D., & Porcelli, A. J. (2019). To trust, or not to trust? Individual differences in physiological reactivity predict trust under acute stress. *Psychoneuroendocrinology*, 100, 75–84. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2018.09.019>
- Raffaelli, Q., Wilcox, R., & Andrews-Hanna, J. R. (2020). The neuroscience of imaginative thought: an integrative framework. In A. Abraham (ed.) *The Cambridge handbook of the imagination* (pp. 332–353). Cambridge University Press.

- Rothermund, K., & Koole, S. L. (2018). Three decades of Cognition & Emotion: A brief review of past highlights and future prospects. *Cognition and Emotion*, 32(1), 1–12. <https://doi.org/10.1080/02699931.2018.1418197>
- Sadaghiani, S., Scheeringa, R., & Lehongre, K. (2012). α -band phase synchrony is related to activity in the fronto-parietal adaptive control network. *Journal of Neuroscience*, 32(41), 14305–14310.
- Staal, M. A., Bolton, A., Yaroush, R., & Bourne, L. (2008). Cognitive performance and resilience to stress. In B. J. Lukey and V. Tepe (eds.) *Biobehavioral Resilience to Stress* (pp. 259–299). CRC Press.
- Vartanian, O., Saint, S. A., Herz, N., & Suedfeld, P. (2020). The Creative Brain Under Stress: Considerations for Performance in Extreme Environments. *Frontiers in Psychology*, 11, 585969. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.585969>
- Vasilyev, I. A. (2013). Intellectual emotions. *Psychology in Russia: State of the Art*, 4, 134–142. <https://doi.org/10.11621/pir.2013.0411>
- Vogel, S., Fernández, G., Joels, M., & Schwabe, L. (2016). Cognitive Adaptation under Stress: A Case for the Mineralocorticoid Receptor. *Trends in Cognitive Sciences*, 20(3), 192–203. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.12.003>
- Vidal-Ribas, P., Benson, B., Vitale, A. D., Keren, H., Harrewijn, A., Fox, N. A., & Stringaris, A. (2019). Bidirectional associations between stress and reward processing in children and adolescents: A longitudinal neuroimaging study. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 4, 893–901. <https://doi.org/10.1016/j.bpsc.2019.05.012>

References

- Al-shargie, F. M., Tang, T. B., Badruddin, N., & Kiguchi, M. (2016). Mental Stress Quantification Using EEG Signals. In: Ibrahim, F., Usman, J., Mohktar, M., Ahmad, M. (eds) *International Conference for Innovation in Biomedical Engineering and Life Sciences. ICIBEL 2015. IFMBE Proceedings*, 56. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0266-3_4
- Ali, N., Cooperman, C., & Pruessner, J. (2015). Sex and gender differences in the suppression of the stress systems: A potential link to anxiety and mood disorders? *Psycho neuro endocrinology*, 61, 61–63. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2015.07.562>
- Arnsten, A. F. T. (2015). Stress weakens prefrontal networks: molecular insults to higher cognition. *Nature Neuroscience*, 18(10), 1376–1385. <https://doi.org/10.1038/nn.4087>
- Boyakova, A. A. (2016). Emotional intelligence and stress resistance. *Scientific and practical journal “Acmeology”. Development of professionalism*, 1, 189–190. (In Russ.)
- Bovenko, A. A. (2021). Theoretical foundations of competitive motivation. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(6), 37–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-6-37-46>
- Bindl, U., & Parker, S. (2010). Feeling good and performing well? Psychological engagement and positive behaviors at work. In: S. L. Albrecht (ed.) *Handbook of Employee Engagement: Perspectives, Issues, Research and Practice* (pp. 385–398). Elgar. <https://doi.org/10.4337/9781849806374.00043>
- Buchanan, T. W., & Preston, S. D., (2014). Stress leads to prosocial action in immediate need situations. *Frontiers behavioral neuroscience*, 8(5). <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2014.00005>
- Cabip, S., & Puglisi-Allegra, S. (2012) The mesoaccumbens dopamine in coping with stress. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 36(1), 79–89. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2011.04.012>
- Chalmers, T., Maharaj, Sh., Lees, T., Lin, C. T., Newton, Ph., Clifton-Bligh, R., McLachlan, C. S., Gustin, S. M., & Lal, S. (2020). Impact of acute stress on cortical electrical activity and cardiac autonomic coupling. *Journal of Integrative Neuroscience*, 19(2), 239–248. <https://doi.org/10.31083/j.jin.2020.02.74>
- von Dawans, B., Strojny, J., & Domes, G. (2021). The effects of acute stress and stress hormones on social cognition and behavior: Current state of research and future directions. *Neuroscience and Biobehavioral Revue*, 121, 75–88. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2020.11.026>
- Datta, D., & Arnsten, A., (2019). Loss of prefrontal cortical higher cognition with uncontrollable stress: molecular mechanisms, changes with age, and relevance to treatment. *Brain Science*, 9(113). <https://doi.org/10.3390/brainsci9050113>
- De Kloet, R., (2014). From receptor balance to rational glucocorticoid therapy. *Endocrinology*, 155, 2754–2769. <https://doi.org/10.1210/en.2014-1048>
- Ethridge, P., Ali, N., Racine, S. E., Pruessner, J. C., & Weinberg, A. (2020). Risk and resilience in an acute stress paradigm: evidence from salivary cortisol and time-frequency analysis of the reward positivity. *Clinical Psychological Science*, 8(5), 872–889. <https://doi.org/10.1177/2167702620917463>
- Flood, A., & Keegan, R. J. (2022). Cognitive Resilience to Psychological Stress in Military Personnel. *Frontiers in Psychology*, 13, 809003. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.809003>
- Griffin, S. M., & Howard, S. (2019). Effects of Trait Emotion Regulation on Stress Responsivity. In P. Buchwald, K. Krzysztof, K. A. Moore, & P. Arenas-Landgrave (eds.) *Stress and Anxiety: Contributions of the STAR award winners* (pp. 137–150). Logos Verlag.
- Holmes, A., & Wellman, C. L. (2009). Stress-induced prefrontal reorganization and executive dysfunction in rodents. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 33(6), 773–783. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2008.11.005>
- Kitaev-Smyk, L. A. (2009). *Psychology of stress. Psychological anthropology of stress*. Academic Project. (In Russ.)
- Kozlov, A. I., & Kozlova, M. A. (2014). Cortisol as a marker of stress. *Human Physiology*, 40(2), 123–136. (In Russ.)

- Kukhtinskaya, L. V., Zuraev, A. V., Budevich, V. A., & Mosset, I. B. (2016). Current views on genetic determinants of human psychoemotional resilience. Molecular and applied genetics. *Institute of Genetics and Cytology, National Academy of Sciences of Belarus*, 20, 96–109. (In Russ.)
- Kupper, N., Jankovic, M., & Kop, W. J. (2021). Individual differences in cross-system physiological activity at rest and in response to acute social stress. *Psychosomatic Medicine*, 83(2), 138–148. <https://doi.org/10.1097/PSY.0000000000000901>
- Langer, K., Jentsch, V. L., & Wolf O. T. (2022). Acute stress influences strategy preference when dealing with high intensity emotions in men. *Biological Psychology*, 169, 108264. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2022.108264>
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. Springer publishing company.
- Leonova, A. B. (1989). *Psychological means of assessment and regulation of human functional states diss. D. Psychol. sciences*). ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR. Institute of Psychology. (In Russ.)
- Leonova, A. B., Blinnikova, I. V., & Kapitsa, M. S. (2019). Transformation of the system of cognitive resources during increasing emotional tension. *Bulletin of Moscow University. Series 14: psychology*, 1, 69–90. (In Russ.)
- Leonova, A. B., Kapitsa, M. S., & Blinnikova, I. V. (2010). Changes in cognitive strategies under conditions of increasing emotional tension in people with different individual resistance to stress. *4th International Conference on Cognitive Science: Abstracts*, 2, 385–387. (In Russ.)
- Makarova, E. A., & Mishchenko, V. I. (2023). Pre-examination period as a stressful situation determining the behavior of students' personality in the educational process. *Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology*, 6(5), 10–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-10-17>
- Machinskaya, R. I. (2015). Control systems of the brain. *Journal of Higher Nervous Activity*, 65(1), 33–60.
- Machinskaya, R. I. (2022). The role of brain regulatory systems in the formation of cognitive functions and behavioral control. *Prospects for the development of research in the field of educational sciences. Proceedings of the conference* (pp. 298–302). (In Russ.) RAO.
- Nickels, N., Kubicki, K., & Maestripieri, D., (2017). Sex differences in the effects of psychosocial stress on cooperative and prosocial behavior: evidence for 'flight or fight' in males and 'tend and befriend' in females. *Adaptive Human Behavior and Physiology*, 3, 171–183. <https://doi.org/10.1007/s40750-017-0062-3>
- Nemets, V. V., & Vinogradova, E. P. (2017). Stress and behavioral strategies. *National Psychological Journal*, 2(26), 59–72. (In Russ.)
- Piradov, M. A., Suponeva, N. A., & Seliverstov, Y. A. (2016). Possibilities of modern neuroimaging methods in the study of spontaneous resting brain activity. *Neurological Journal*, 1, 4–12. (In Russ.)
- Park, J., & Moghaddam, B. (2017). Impact of anxiety on prefrontal cortex encoding of cognitive flexibility. *Neuroscience*, 345, 193–202. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2016.06.013>
- Plieger, T., & Reuter, M. (2020). Stress & executive functioning: A review considering moderating factors. *Neurobiology of Learning and Memory*, 173, 107254. <https://doi.org/10.1016/j.nlm.2020.107254>
- Potts, S. R., McCuddy, W. T., Jayan, D., & Porcelli, A. J. (2019). To trust, or not to trust? Individual differences in physiological reactivity predict trust under acute stress. *Psychoneuroendocrinology*, 100, 75–84. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2018.09.019>
- Raffaelli, Q., Wilcox, R., & Andrews-Hanna, J. R. (2020). The neuroscience of imaginative thought: an integrative framework. In A. Abraham (ed.) *The Cambridge handbook of the imagination* (pp. 332–353). Cambridge University Press.
- Rothermund, K., & Koole, S. L. (2018). Three decades of Cognition & Emotion: A brief review of past highlights and future prospects. *Cognition and Emotion*, 32(1), 1–12. <https://doi.org/10.1080/02699931.2018.1418197>
- Sadaghiani, S., Scheeringa, R., & Lehongre, K. (2012). α -band phase synchrony is related to activity in the fronto-parietal adaptive control network. *Journal of Neuroscience*, 32(41), 14305–14310.
- Sapolsky, R. (2023). *The Biology of Good and Evil: How Science Explains Our Actions*. Alpina Non-Fiction. (In Russ.)
- Stankova, E. P. (2018). The role of background activity in ensuring cognitive activity. *Vestnik YarGU, Series: Humanities*, 2(44), 116–120. (In Russ.)
- Staal, M. A., Bolton, A., Yaroush, R., & Bourne, L. (2008). Cognitive performance and resilience to stress. In B. J. Lukey and V. Tepe (eds.) *Biobehavioral Resilience to Stress* (pp. 259–299). CRC Press.
- Shataylo, S. V. (2023). The relationship between the level of stress tolerance and achievement motivation. *Trends in the development of science and education*, 102–I, 166–171. (In Russ.)
- Usatov, I. A. (2016). Stress resistance of personality as a factor of overcoming stress. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 2, 21–25. (In Russ.)
- Vartanian, O., Saint, S. A., Herz, N., & Suedfeld, P. (2020). The Creative Brain Under Stress: Considerations for Performance in Extreme Environments. *Frontiers in Psychology*, 11, 585969. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.585969>
- Vasilyev, I. A. (2013). Intellectual emotions. *Psychology in Russia: State of the Art*, 4, 134–142. <https://doi.org/10.11621/pir.2013.0411>
- Vogel, S., Fernández, G., Joels, M., & Schwabe, L. (2016). Cognitive Adaptation under Stress: A Case for the Mineralocorticoid Receptor. *Trends in Cognitive Sciences*, 20(3), 192–203. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.12.003>

- Vidal-Ribas, P., Benson, B., Vitale, A. D., Keren, H., Harrewijn, A., Fox, N. A., & Stringaris, A. (2019). Bidirectional associations between stress and reward processing in children and adolescents: A longitudinal neuroimaging study. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 4, 893–901. <https://doi.org/10.1016/j.bpsc.2019.05.012>
- Vodopyanova, N. E. (2013). *Psychodiagnostics of stress*. Peter Publishing House. (In Russ.)
- Yatsyk, G. G., & Vorobyeva, E. V. (2021). Electrophysiologic markers of men's intellectual efficiency under conditions of stress exposure. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 9(1). (In Russ.)
- Yatsyk, G. G., & Vorobyeva, E. V. (2019). Individual-psychological features of men when performing intellectual tasks under stress. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 7(4). (In Russ.)
- Yatsyk, G. G., Vorobyeva, E. V., & Ermakov, P. N. (2016). Individual features of stressor response during psychophysiological research with the use of polygraph. *Russian Psychological Journal*, 13(2), 156–168. (In Russ.)
- Yatsyk, G. G. (2021). On modeling in laboratory conditions the impact of stress on the efficiency of solving intellectual tasks. *The world of university science: culture, education*, 10, 101–108. (In Russ.)
- Zhukov, D. A. (2004). *Biological bases of behavior. Humoral mechanisms*. Law Center Press. (In Russ.)
- Zhukov, D. A. (2015). *Wait, who is leading? The biology of behavior of man and other animals: in 2 vols*. Alpina non-fiction. (In Russ.)

Об авторе:

Геннадий Геннадьевич Яцык, военнослужащий, соискатель Академии психологии и педагогики ЮФУ, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), oxiefree@mail.ru

Поступила в редакцию 30.03.2024

Поступила после рецензирования 21.04.2024

Принята к публикации 22.04.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Gennady Gennadievich Yatsyk, serviceman, postgraduate of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), oxiefree@mail.ru

Received 30.03.2024

Revised 21.04.2024

Accepted 22.04.2024

Conflict of interest

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 159.91

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-50-63>

Распознавание эмоций молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья

Вадим Ю. Горелов^{1,2}

¹Новочеркасский технологический техникум-интернат, Российская Федерация, г. Новочеркасск, пр. Платовский 116

²Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ ygorelov@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Данная статья представляет результаты сравнительного исследования по изучению показателей поиска и распознавания базовых эмоций по фотографиям юношами и девушками с ограниченными возможностями здоровья, среди которых представлены группы с соматическими заболеваниями, болезнями нервной системы, психическими расстройствами и расстройствами поведения, и болезнями уха.

Цель. Выявить особенности распознавания эмоций лицами с ограниченными возможностями здоровья.

Материалы и методы. Основная выборка состояла из 99 юношей и девушек, с ограниченными возможностями здоровья в возрасте от 18 до 26 лет. Средний возраст респондентов – 20,6 лет. В рамках эмпирического исследования использовалась программа для ЭВМ «Программа для оценки уровня распознавания эмоций (тестирование эмоционального интеллекта)» и АПК «Активациометр АЦ-6». В рамках статистической обработки данных для исследования достоверности различий был использован U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Вилкоксона и H-критерий Краскела-Уолисса.

Результаты исследования. В ходе исследования было выявлено, что существуют различия в специфике прохождения теста на поиск и распознавание базовых эмоций на фотографиях в зависимости от функциональной асимметрии полушарий мозга. Все исследуемые группы с ограниченными возможностями здоровья быстрее и правильнее распознавали эмоцию «радости» на фотографиях, в то время как эмоция «гнева» распознавалась хуже и на это требовалось больше времени. Представители исследуемых групп, имеющие левополушарное смещение показателей функциональной асимметрии полушарий демонстрировали значимо более высокие показатели скорости поиска целевых базовых эмоций и правильности их распознавания. Новизна исследования заключается в использовании нового подхода к форме тестирования по поиску и распознаванию целевых базовых эмоций по фотографиям и оценки активации полушарий мозга у лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Обсуждение результатов. Респонденты с левополушарным смещением быстрее и точнее идентифицировали целевые эмоции, что может быть связано с высокой активацией и энергозатратами левого полушария и указывать на весомый вклад левого полушария в распознавание и поиске эмоций. Эмоция «радости» распознавалась быстрее и точнее, чем «гнева» у всех испытуемых, что может быть связано с частотой встречаемости эмоций при коммуникации, мимической активностью лица и спецификой проявления эмоций в отношении исследуемым лиц.

Ключевые слова: базовые эмоции, время поиска эмоций, распознавание эмоций, активация полушарий, функциональная асимметрия полушарий

Для цитирования. Горелов, В. Ю. (2024). Распознавание эмоций молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 50–63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-50-63>

Recognition of Emotions by Young People with Disabilities

Vadim Y. Gorelov^{1,2}

¹Novocherkassk Technological Boarding School, 116, Platovsky Ave., Novocherkassk, Russian Federation

²Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ ygorelov@sfedu.ru

Abstract

Introduction. This paper presents the results of a comparative study on the retrieval and recognition of basic emotions from photographs by young men and women with disabilities, including groups with somatic diseases, nervous system diseases, mental and behavioral disorders, and ear diseases.

Objective. Identify the peculiarities of emotion recognition by people with disabilities.

Materials and Methods. The main sample consisted of 99 men and females, with disabilities, aged 18 to 26 years. The average age of the respondents was 20.6 years. Within the framework of the empirical study, we used the computer programme “Programme for assessing the level of emotion recognition (emotional intelligence testing)” and APC “Activationometer AC-6”. Within the framework of statistical data processing, the Mann-Whitney U-criterion, the Wilcoxon T-criterion and the Kraskell-Woliss H-criterion were used to investigate the reliability of differences.

Results. The study revealed that there are differences in the specifics of passing the test to find and recognizing basic emotions in photographs depending on the functional asymmetry of the brain hemispheres. All the studied groups with disabilities recognized the emotion “joy” on the photos faster and more correctly, while the emotion “anger” was recognized worse and took more time. Representatives of the studied groups having left-hemispheric shift of the indicators of functional asymmetry of hemispheres demonstrated significantly higher indicators of the speed of search for target basic emotions and correctness of their recognition. The novelty of the study lies in the use of a new approach to the form of tests to search and recognize basic emotions of the target from photographs and to assess the activation of brain hemispheres in people with disabilities.

Discussion. Respondents with a left-hemispheric bias identified target emotions faster and more accurately, which may be related to the high activation and energy expenditure of the left hemisphere and indicate a significant contribution of the left hemisphere in the recognition and retrieval of emotions. The emotion “joy” was recognized faster and more accurately than “anger” in all subjects, which may be related to the frequency of occurrence of the emotion during communication, facial mimic activity and specificity of emotion manifestation in relation to the persons under study.

Keywords: basic emotions, emotion retrieval time, emotion recognition, hemispheric activation, hemispheric functional asymmetry

For citation. Gorelov, V. Y. (2024). Recognition of emotions by young people with disabilities. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(2), 50–63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-50-63>

Введение

Лицо человека является важным источником информации, которая определяет ход социального взаимодействия. Оно играет одну из важнейших ролей в распознавании эмоций и эмоциональных состояний других людей и в выражении собственных, может демонстрировать чувства людей, их потребности и намерения. Улыбка на лице может указывать на расположенность и доброжелательность, а угрожающий вид – на враждебность. Распознавание намерений и эмоциональных состояний других людей необходимо для предвидения благоприятных или опасных ситуаций. Для этого полезно смещение внимания на распознавания выражений лица. Поэтому идентификация выражения лица очень адаптивна и указывает, на кого нужно обратить особое внимание и какие действия следует инициировать. В условиях группы или толпы выявление эмоциональных лиц особенно полезно, учитывая множество стимулов. В таких условиях необходимы когнитивные механизмы для обнаружения соответствующих лиц на фоне конкурирующих отвлекающих факторов. Зрительный поиск участвует в этом избирательном поиске стимулов.

Немаловажный интерес в исследованиях эмоций вызывают работы, направленные на изучение межполушарной организации эмоций. Однако, различные авторы предлагают противоречивые выводы о специализации полушарий правого полушария относительно отрицательных эмоций. Так Sedda et al. (2013) в своем исследовании пациентов с височной эпилепсией наблюдали дефицит распознавания эмоций, особенно отрицательных, в зависимости от латерализации эпилептического фокуса, что поддерживает модель правого полушария, но также указывает на значимость валентной модели. Kumar & Srinivasan (2011) в своем исследовании об опосредованности восприятия эмоций пространственно-частотным содержанием также указывают на роль правого полушария в распознавании грустных выражений лиц, что указывает на валентную специализацию. Другие работы, в част-

ности Yuvaraj et al. (2013), показали, что у пациентов, перенесших инсульт, чаще встречается дефицит восприятия эмоций при повреждении правого полушария мозга, что подтверждает важную роль правого полушария в обработке эмоций и указывает на преимущество правого полушария в восприятии как отрицательных, так и положительных эмоций. Исследование Najt et al. (2013) подчеркивает необходимость переоценки существующих моделей и предлагает модель, которая поддерживает идею о специализации правого полушария только для определенных отрицательных эмоций, что предполагает новую «модель отрицательной валентности». В исследовании Irish et al. (2013) у пациентов с правосторонней семантической деменцией были выявлены большие трудности в распознавании эмоций и эмпатии, по сравнению с пациентами с левосторонней семантической деменцией, что, по мнению авторов, подчеркивает важную роль правых передних височных долей в социально-эмоциональных процессах. Результаты работы Bourne (2010), полученные с помощью теста химерных лиц для шести основных эмоций, поддерживает гипотезу правого полушария, но также указывает на различия в силе латерализации внутри правого полушария, особенно для положительных эмоций и эмоций высокой интенсивности. Zhang et al. (2011) в своём исследовании влияния валентности и возбуждения на эмоциональную асимметрию полушарий мозга показали, что возбуждение играет ключевую роль в асимметрии, частично подтверждая интегративную гипотезу и не находя подтверждения для гипотезы правого полушария или валентной гипотезы. Smith & Bulman-Fleming (2005) в рамках исследования не обнаружили асимметрии полушарий при восприятии положительной информации и утверждают, что правое полушарие имеет преимущество в сознательном восприятии негативной информации, однако, это преимущество сопровождается недостатком в бессознательном восприятии такой информации.

Другие авторы указывают на равную степень участия обоих полушарий в процессах обработки эмоционально-значимой информации. Так, в проведенном мета-анализе Abbott et al. (2013), направленном на изучение влияния одностороннего повреждения мозга на восприятие эмоций, обнаружено, что повреждение как левого, так и правого полушария влияет на идентификацию и маркировку эмоций. К похожим выводам в своем исследовании приходит Shobe (2014), предложившая модель, в которой правое полушарие мозга отвечает за непосредственное определение и понимание эмоциональных стимулов, в то время как левое полушарие способствует более глубокой обработке эмоциональной информации, требующей взаимодействия обоих полушарий для полной обработки эмоций. Среди отечественных исследователей к таким же выводам пришла Русалова (1988), которая утверждает, что разные типы эмоциональных реакций связаны с активностью и левого и правого полушарий мозга. Потенциальная активация левого полушария чаще преобладает, делая его ведущим в новых и сложных ситуациях, что вносит вклад в понимание модели асимметрии мозга и разделения функций между полушариями. Таким образом можно утверждать, что точка в решении вопроса о роли полушарий мозга в восприятии эмоций окончательно не поставлена и данный вопрос требует дальнейшего исследования.

Значительное количество исследований в области эмоциональных состояний сосредоточены на использовании различных электрофизиологических методов анализа. Один из таких методов – измерение электрической активности кожи (ЭАК), которое является показателем эмоциональной активации. Исследователи рассматривают ЭАК как показатель внутреннего возбуждения. Механизмы ЭАК связаны с вегетативной нервной системой (ВНС), особенно с гипоталамусом, стимуляция которого сужает кровеносные сосуды кожи, усиливает потоотделение, повышает кровяное давление и вызывает пилоэрекцию, сопровождаясь психической активацией (Кудашова и др., 2018). Также имеются данные, свидетельствующие о связи активации симпатической нервной системы с позицией функциональной латерализации в головном мозге (Critchley & Nagai, 2016). В ряде исследований отмечаются определенные различия в проявлении ЭАК на левой и правой кистях рук, что рассматривается как показатель функциональной асимметрии полушарий (Нестерова, 1978; Lacroix & Comper, 1979). Коновалов и Сериков (1985) в своем исследовании указывают, что динамика асимметрий полушарий головного мозга соответствует динамике проявления асимметрий ЭАК. Исследование Picard et al. (2016) приводит данные, подтверждающие наличие различных эмоциональных субстратов в мозге, вызывающих иннервацию на разных сторонах тела и объясняющих асимметричные результаты ЭАК. Кроме того, исследование Коробова и др. (2021) показывает связь между электрической активностью кожи, регистрируемой с двух сторон тела, и спектральной мощностью и симметрией каналов электроэнцефалограммы (ЭЭГ).

В ряде исследований также отмечается использование показателей электрической активности кожи для распознавания различных эмоций. Так, в исследовании Костычева и др. (2019) подтверждена связь между эмоциональным состоянием и изменениями в электродермальной активности, а также указано существование различий в этой активности, обусловленных возрастом и полом. В исследовании, проведенном Звягиной и др. (2016), анализировалось влияние просмотра лиц с различными эмоциональными выражениями на функциональные показатели организма. Особенно чувствительными к визуальному восприятию эмоций, таких как печаль, гнев, отвращение и страх, оказался показатель кожно-гальванической реакции (КГР).

В своем исследовании Goshvarpour et al. (2017) показали, что нелинейные характеристики кожно-гальванических реакций у студентов, слушающих эмоциональные музыкальные клипы, могут эффективно использоваться для распознавания различных эмоций.

Исследование Wang et al. (2018) показало, что существует положительная корреляция между показателями вегетативной нервной системы, такими как кожно-гальваническая реакция (КГР), что указывает на возможность использования размера зрачка в качестве индикатора уровня возбуждения. Эти результаты подтверждают идею о том, что размер зрачка может быть произвольно регулируемым показателем вегетативного возбуждения, модулируемым в ответ на эмоциональные стимулы. Таким образом, использование показателей электрической активности кожи в контексте асимметрии полушарий головного мозга при исследовании распознавания эмоций являются актуальным направлением.

В настоящем исследовании показатель ЭАК был использован в качестве косвенного индикатора активации полушарий мозга при поиске и распознавании базовых эмоций на фотографиях респондентами с ограниченными возможностями здоровья.

Исходя из выше сказанного целью данного исследования является выявление особенностей распознавания эмоций лицами с ограниченными возможностями здоровья.

Материалы и методы

В исследовании представлена выборка из 99 студентов Новочеркасского технологического техникума-интерната в возрасте от 18 до 26 лет с ограниченными возможностями здоровья. Средний возраст исследуемых составил 20,6 лет. Из них 37 человек были представителями женского пола, а 62 человека – мужского. Участники исследования были разделены на группы в соответствии с их заболеваниями: 1) группа с соматическими заболеваниями – 14 человек; 2) группа с болезнями нервной системы – 19 человек; 3) группа с психическими расстройствами и расстройствами поведения – 15 человек; 4) группа с болезнями уха – 51 человек.

Для оценки способности распознавать базовые эмоции, в рамках исследования была использована программа для ЭВМ «Программа для оценки уровня распознавания эмоций (тестирование эмоционального интеллекта)» (Горелов и др., 2023), которая позволяет оценить время поиска фотографий с заданной базовой эмоцией из серии фотографий, представленных на экране компьютера. На экране монитора участнику исследования на основном рабочем поле программы одновременно предъявляется серия фотографий с лицами людей изображающие какую-либо эмоцию (нейтральное, гнев, радость, отвращение, печаль, страх, удивление), далее предлагается выбрать те фотографии, которые соответствуют целевой эмоции (например, гнев) и нажатием курсора мыши выбрать данные фотографии максимально быстро. На каждую эмоцию в программе предъявляется 3 страницы с 28 фотографиями по 7 фотографий в одном ряду. Целевых фотографий на одной странице 4, фотографии с нецелевыми эмоциями выбираются программой случайным образом. Время прохождения теста не ограничивалось. После завершения теста программа выдает результат, в котором подсчитывается среднее время поиска фотографий с целевой эмоцией по каждой базовой эмоции отдельно и в целом по тесту, а также производится расчет правильно и ошибочно выбранных фотографий. Результаты, полученные по каждому респонденту отдельно, могут быть извлечены в файле формата Excel для дальнейшей обработки.

Дальнейшая обработка данных предполагает расчет правильности и темпа выполнения задания. Правильность выполнения теста рассчитывается по формуле (1):

$$ПТ = \frac{\left(P_{\phi} - O_{вф} \right)}{\left(P_{\phi} + O_{пф} \right)}, \quad (1)$$

где ПТ – коэффициент правильности теста;

P_{ϕ} – количество правильно выбранных фотографий (целевых);

$O_{вф}$ – количество ошибочно выбранных фотографий (нецелевых);

$O_{пф}$ – количество ошибочно пропущенных фотографий (целевых).

Темп поиска фотографий рассчитывается по формуле (2):

$$ТП = \frac{P_{рф}}{t}, \quad (2)$$

где $P_{рф}$ – количество просмотренных фотографий;

t – среднее время поиска, с.

Для оценки активации полушарий мозга на основе электрической активности кожи использовался аппаратно-программный комплекс «Активациометр АЦ-6». Аппаратная часть состоит из 2 индикаторов и двух пар симметрично расположенных металлических пластинчатых электродов, при помощи которых фиксировалась ЭАК с обеих рук испытуемых. Данные фиксировались и вносились в программу, где дальше автоматически обрабатывались. В рамках исследования данные с «Активациометра» фиксировались до проведения теста поиска и распознавания эмоций по фотографиям лиц и после завершения теста.

После этого все переменные были проверены на нормальность распределения при помощи критерия Колмогорова-Смирнова. Большинство переменных имели распределение, соответствующее нормальному, однако, распре-

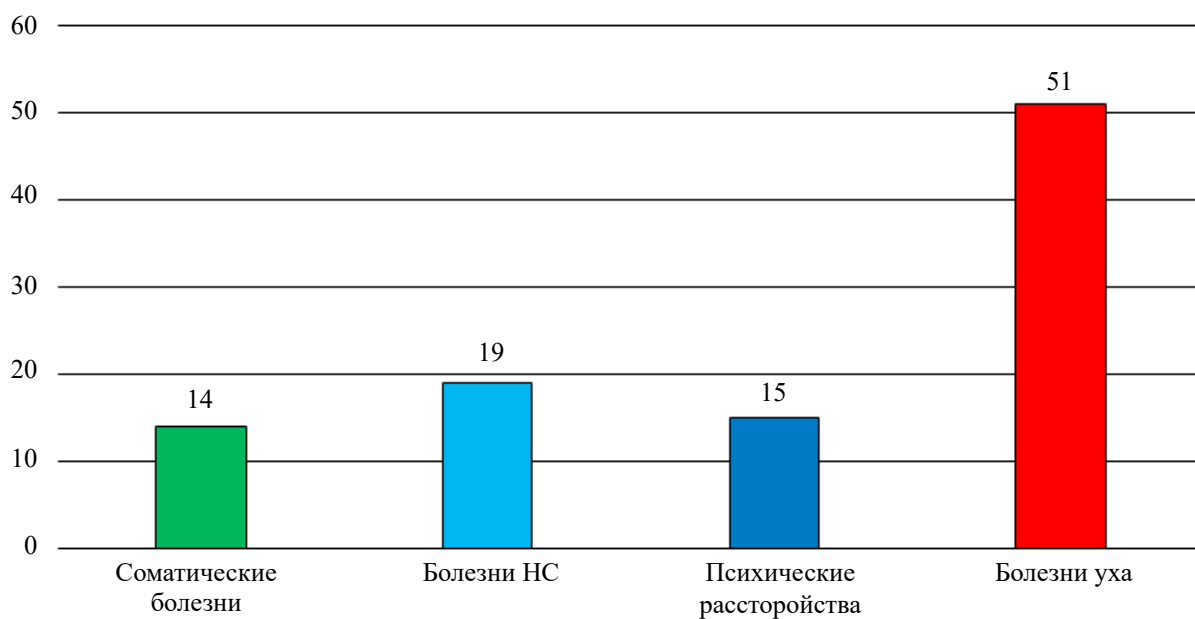
деление некоторых не соответствовало таковому. По этой причине в настоящем исследовании были использованы непараметрические статистические критерии. В качестве сравнительного анализа были применены Т-критерий Уилкоксона, критерий Краскела-Уоллиса и U-критерий Манна-Уитни. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ «IBM SPSS Statistics 23».

Результаты исследования

В ходе исследования все респонденты были разделены на четыре группы в соответствии с нозологией, как представлено рисунке 1.

Рисунок 1

Распределение выборки респондентов по нозологическим группам

По итогам тестирования в каждой нозологической группе были получены результаты, указанные в графиках на рисунке 2. Из графиков, представленных на рисунке 2а, 2б, 2в и 2г видно, что для всех исследуемых нозологических групп целевая эмоция «гнев» распознавалась хуже (средний ПТ = 0,44) и на поиск этой эмоции среди представленных фотографий в среднем требовалось больше времени (среднее $t = 13,6$ с). Быстрее и правильнее среди представленных фотографий распознавалась и находилась целевая эмоция «радости» (среднее ПТ = 0,85) у всех нозологических групп, при этом в среднем на поиск этой эмоции затрачивалось меньше времени (среднее $t = 7,57$ с).

Рисунок 2а

Сравнительный анализ показателей прохождения теста «распознавания эмоций» различными нозологическими группами респондентов по количеству верных фото

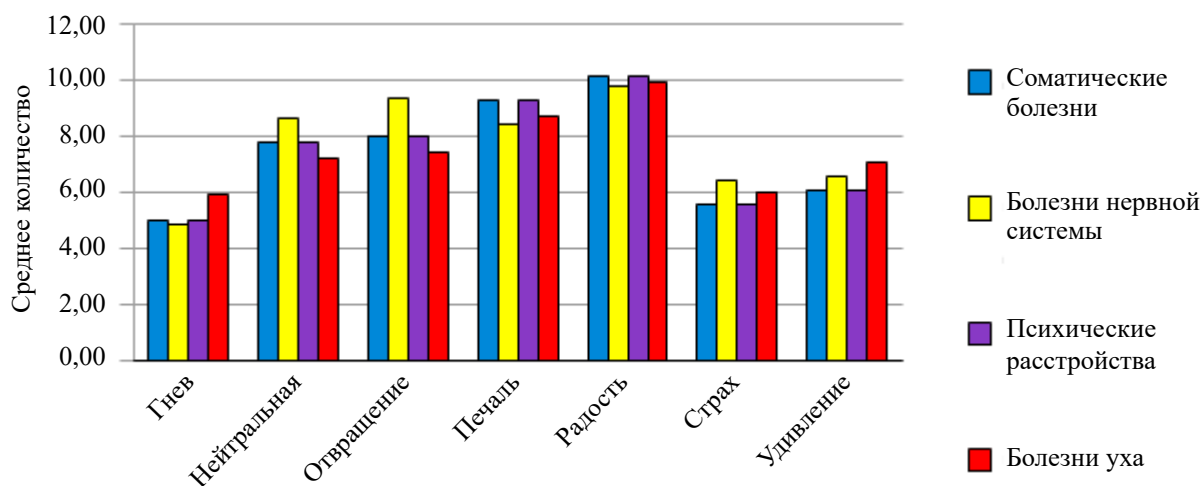

Рисунок 2б

Сравнительный анализ показателей прохождения теста «распознавания эмоций» различными нозологическими группами респондентов по количеству неверных фото

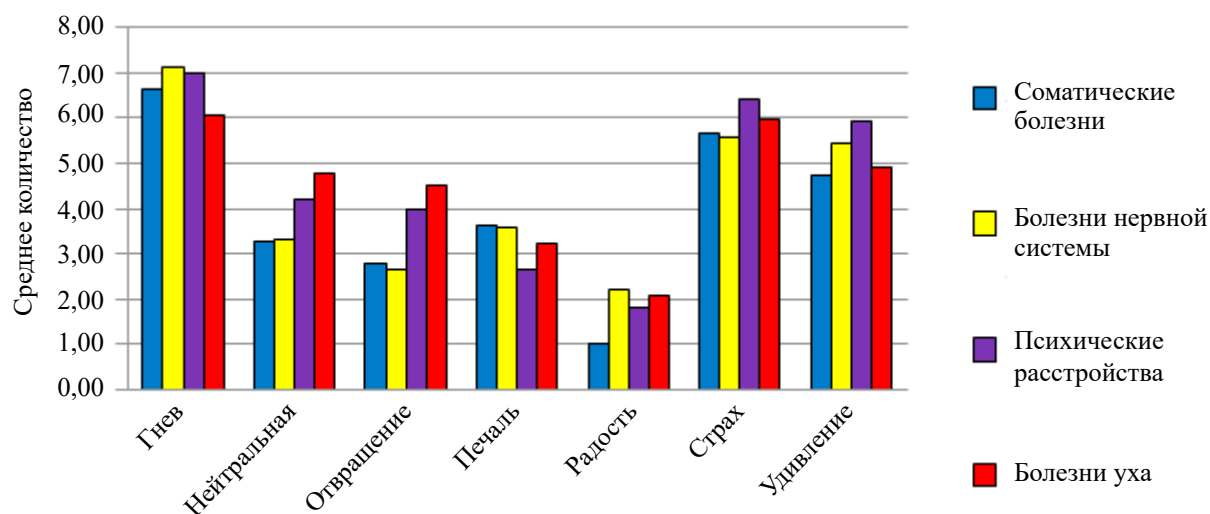

Рисунок 2в

Сравнительный анализ показателей прохождения теста «распознавания эмоций» различными нозологическими группами респондентов по среднему времени поиска фото

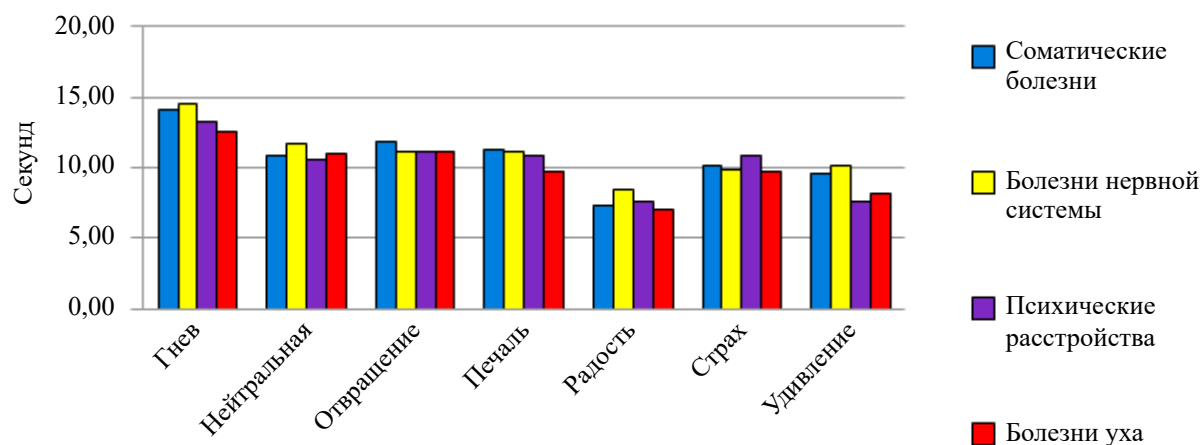
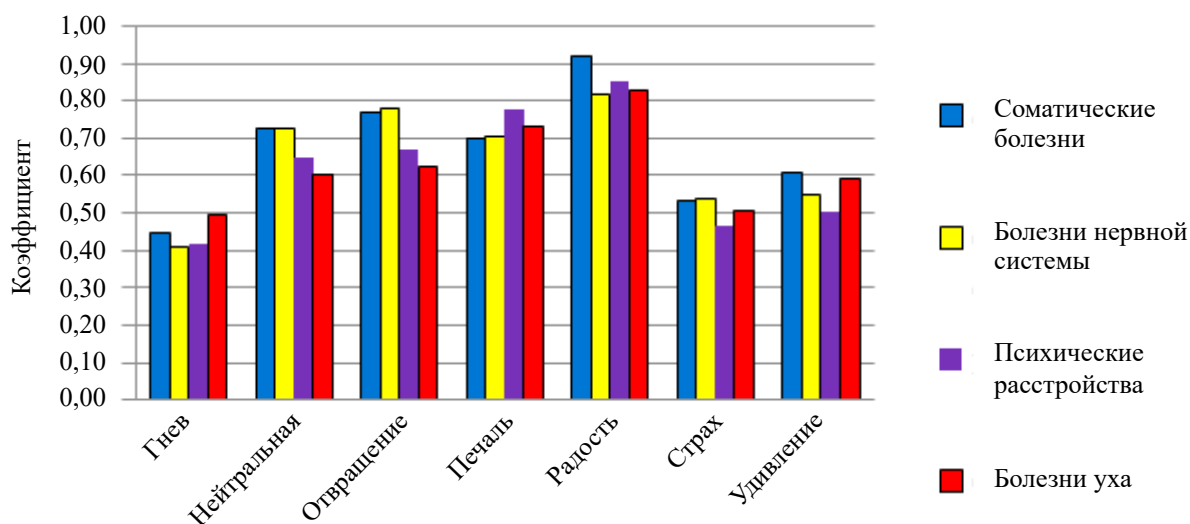

Рисунок 2г

Сравнительный анализ показателей прохождения теста «распознавания эмоций» различными нозологическими группами респондентов по правильности выбора

Для сравнения уровня активации полушарий до и после тестирования использовался Т-критерий Вилкоксона. Этот критерий позволяет определить не только направление, но и степень изменения показателей. То есть, он помогает установить, является ли изменение показателей в одном направлении более выраженным, чем в другом.

Анализ показал, как выполнение теста на распознавание целевых базовых эмоций по фотографиям влияет на изменение показателей активации полушарий. Были сформулированы две гипотезы: H_0 – после выполнения теста уровень активации полушарий увеличился (положительный сдвиг); H_1 – после выполнения теста уровень активации полушарий уменьшился (отрицательный сдвиг). Изменения в показателях принимается за сдвиг. Результаты статистической обработки результатов по Т-критерию Вилкоксона представлена в таблице 1.

Таблица 1

Расчет Т-критерия Вилкоксона при сопоставлении замеров активации полушарий

	Средний ранг		Т-критерий Вилкоксона	
	Отрицательные ранги	Положительные ранги	Z	p
Активация полушария левого АПЛ	43,52	44,98	-2,897	<u>0,004</u>
Активация полушария правого АПП	42,54	48,16	-2,393	<u>0,017</u>
Функциональная асимметрия полушарий ФАП	45,81	50,68	-1,308	0,191

В таблице 1 можно наблюдать, что статистически значимые различия между показателями активации полушарий до проведения теста на поиск и распознавание фотографий с целевой эмоцией и после него существуют. Таким образом принимается гипотеза H_0 – интенсивность сдвигов в типичном направлении превышает интенсивность в нетипичном направлении, т. е. происходит активация обоих полушарий.

В ходе прохождения данного теста были проведены измерения ситуативных показателей функциональной асимметрии полушарий (ФАП) до и после тестирования. В таблице 2 представлены данные о количестве респондентов по выраженности показателя ФАП до и после проведения тестирования.

Таблица 2

Количество респондентов по выраженности показателя функциональной асимметрии полушарий (ФАП) до проведения тестирования и после

Группы респондентов	До теста (кол-во чел.)	После теста (кол-во чел.)
Левополушарная асимм.	40	59
Правополушарное асимм.	51	40
Межполушарная симметрия	8	0

Анализ количественных показателей свидетельствует тому, что соотношение лиц с левополушарной и правополушарной асимметрией и межполушарной симметрией изменилось в пользу группы респондентов с левополушарной асимметрией. Данное распределение позволило сравнить выраженность параметров прохождения теста распознавания и поиска фотографий с целевой эмоцией у респондентов с различным уровнем выраженности ФАП, что позволило разделить исследуемых на две группы: с левополушарной и правополушарной асимметрией. Результаты сравнительного анализа данных групп с левополушарной и правополушарной асимметрией представлены в таблице 3.

Таблица 3

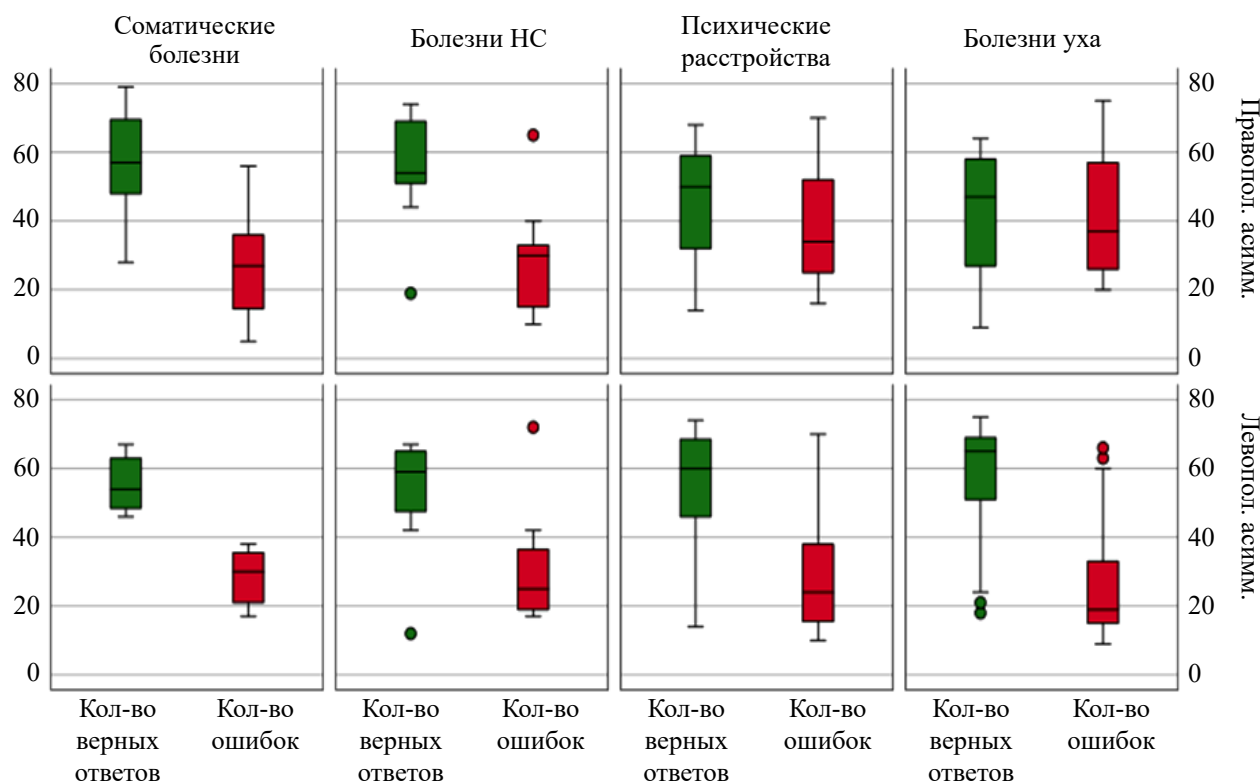
Параметры прохождения теста респондентами с различной выраженностью показателя функциональной асимметрии полушарий

	Правопол. асимм.	Левопол. асимм.	Критерий Манна-Уитни	
	N = 40	N = 59	U	p
Кол-во верных ответов	42,28	55,24	871,00	0,027
Кол-во ошибок	57,73	44,76	871,00	0,027
Среднее время поиска, с	57,86	44,67	865,50	0,025
Правильность (ПТ)	42,28	55,24	871,00	0,027
Темп поиска фотографий (ТП)	42,55	55,05	882,00	0,034
Время теста, с	56,16	45,82	933,50	0,079

Результаты, представленные в таблице 3, указывают на то, что респонденты, у которых наблюдалось левополушарное смещение показателя функциональной асимметрии полушарий, демонстрировали статистически более высокие показатели правильности выполнения теста – количество правильно выбранных фотографий с целевыми эмоциями было значимо выше чем у респондентов с правополушарным смещением показателя ФАП, а также они достоверно меньше ошибались при выборе целевых эмоций. При этом среднее время поиска фотографий с целевыми эмоциями у респондентов с левополушарным смещением показателя ФАП было меньше, чем у респондентов с правополушарным смещением.

Рисунок 3

Сравнительный анализ выбора целевых эмоций у респондентов различных нозологических групп с выраженным смещением показателя ФАП

Из графиков на рисунке 3 видно, что респонденты с левополушарным смещением ФАП у всех нозологических групп при решении теста на распознавание и поиска целевых эмоций давали в среднем больше правильных ответов и, в свою очередь, респонденты с правополушарным смещением ФАП делали больше ошибок при распознавании и поиске фотографий лиц с целевыми эмоциями.

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ показателя «среднее время поиска» фотографий с целевой эмоцией с учетом нозологической группы и показателя смещения ФАП, представленный на рисунке 4.

Как видно из графиков, представленных на рисунке 4, в среднем для респондентов с левополушарным смещением ФАП исследуемых нозологических групп (кроме группы с психическими расстройствами) требовалось меньше времени для поиска фотографий с целевыми эмоциями нежели для групп респондентов с правополушарным смещением ФАП.

Результаты коэффициента правильности выполнения теста (ПТ) респондентами исследуемых нозологических групп с учетом смещения показателя ФАП представлены на рисунке 5.

График, представленный на рисунке 5, указывает, что наиболее высокие показатели правильности выполнения теста демонстрировали представители групп, имеющих левополушарное смещение показателя ФАП в исследуемых нозологических группах.

Анализ показателей темпа поиска фотографий с целевыми эмоциями (рисунок 6) и времени выполнения всего теста (рисунок 7) указывает на то, что наиболее высокий темп поиска и наиболее короткий промежуток времени для прохождения всего теста были характерны для лиц с левополушарным смещением показателя ФАП в исследуемых нозологических группах.

Рисунок 4

Среднее время поиска целевых эмоций у респондентов различных нозологических групп с учетом показателя ФАП

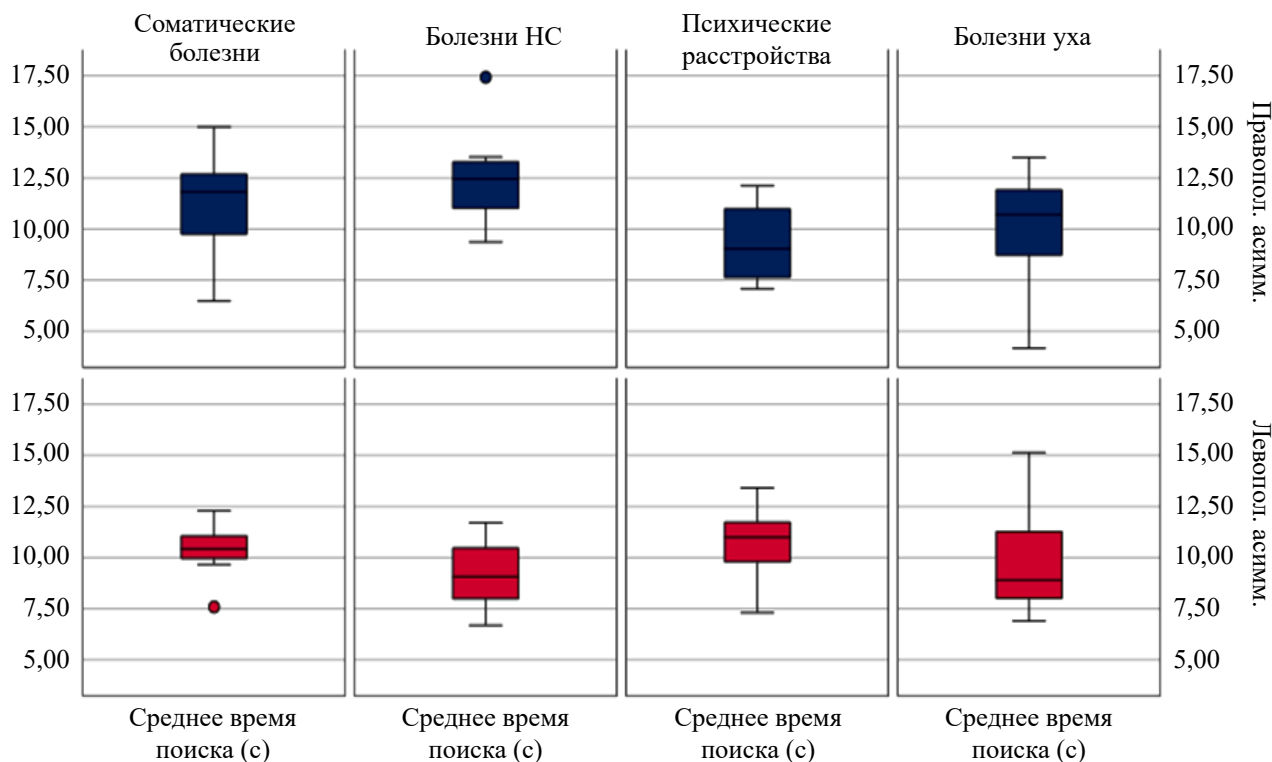

Рисунок 5

Правильность выполнения теста у респондентов различных нозологических групп с учетом показателя ФАП

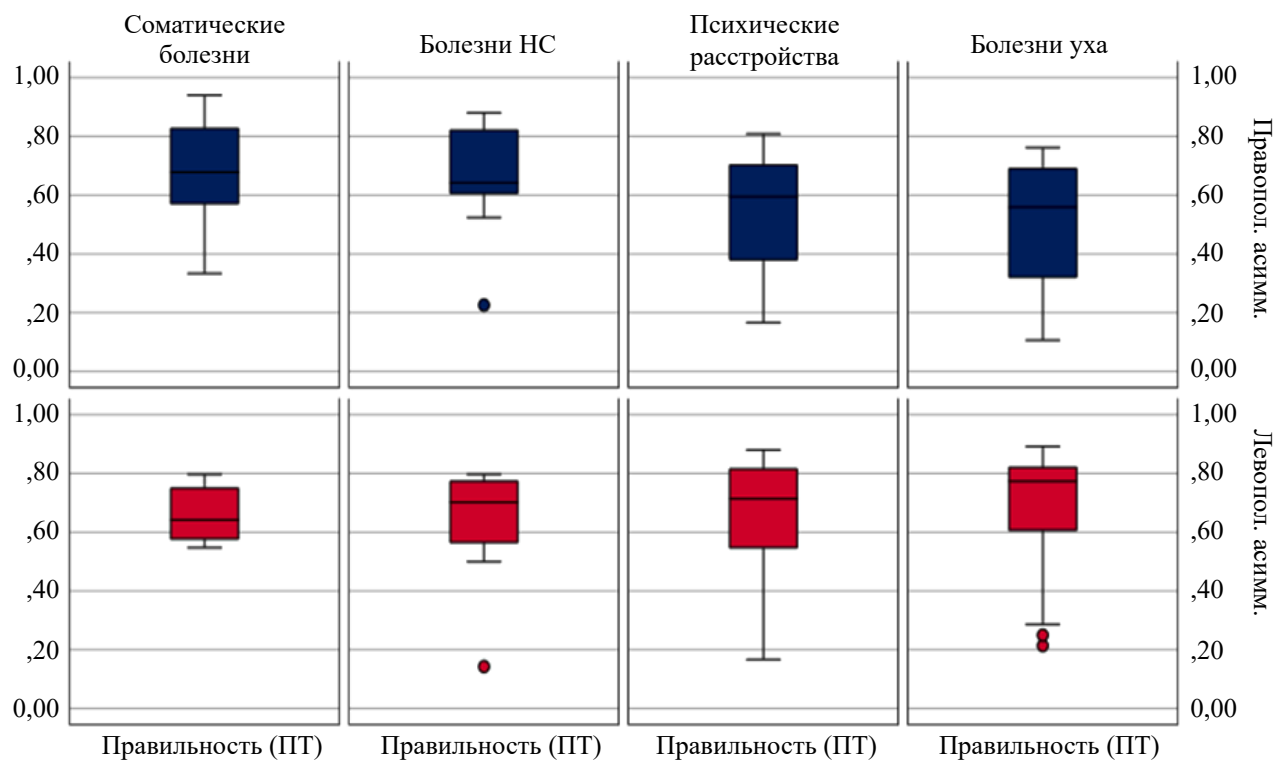

Рисунок 6

Темп выполнения теста у респондентов различных нозологических групп с учетом показателя ФАП

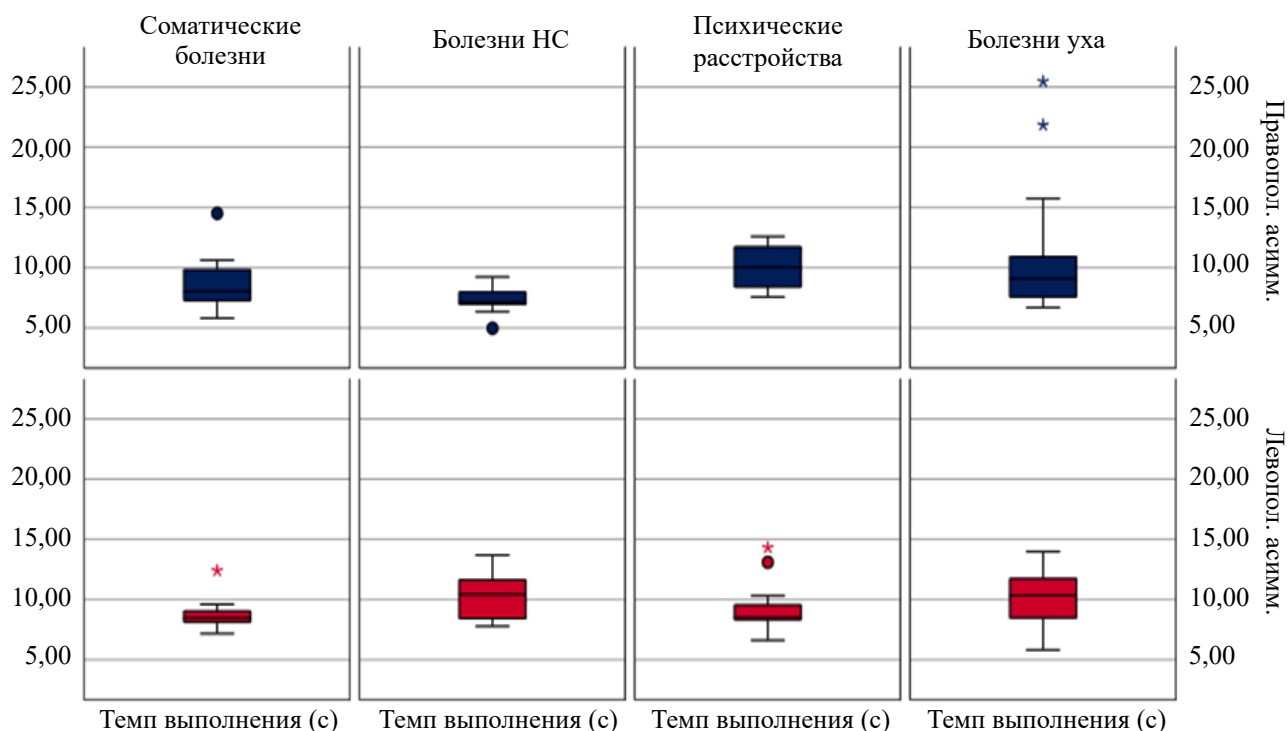
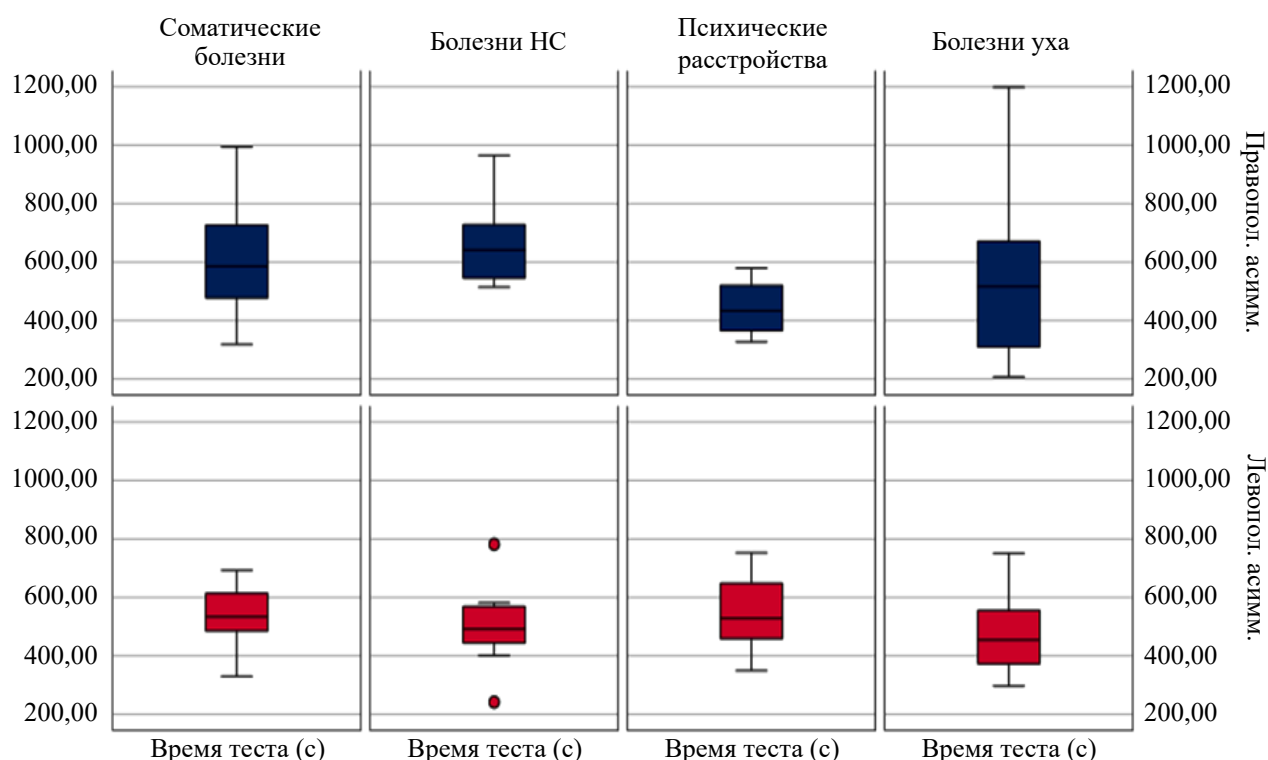

Рисунок 7

Общее время выполнения теста у респондентов различных нозологических групп с учетом показателя ФАП

Обсуждение результатов

В результате исследования было выявлено, что имеются статистически значимые различия в выраженности показателей прохождения теста между группами респондентов с левополушарным и правополушарным смещением показателя функциональной асимметрии полушарий (ФАП). Наиболее высокий темп поиска фотографий с целевой эмоцией и время поиска демонстрировали респонденты с левополушарным смещением ФАП, также для них характерен более высокий уровень правильности выполнения теста (ПТ) относительно группы респон-

дентов с правополушарным смещением ФАП. Из этого можно сделать вывод, что активация левого полушария мозга в ходе прохождения теста может указывать на большую его вовлеченность в процессы распознавания и поиск лиц с целевыми эмоциями независимо от их валентности, так как в рамках данного теста респондентам предлагались фотографии с различными эмоциями. Данное предположение согласуется с мнением Русаловой и Русалова (2020) о высокой энергоёмкости левого полушария, как требующего больших активационных затрат, в то время как правое полушарие берет на себя функции, требующие меньших энергетических затрат. Также стоит отметить, что разные полушария контролируют произвольный и непроизвольный компоненты эмоциональных реакций: так, активация левой височной доли соотносится с произвольной составляющей эмоциональной реакции, а правая доля контролирует непроизвольную реакцию (Симонов, 1996). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях поиска целевых эмоций из представленных фотографий лиц весомый вклад в правильность распознавания и скорость поиска делает левое полушарие мозга, требующее для этого больших энергетических затрат, что отражается в большей его активации.

Учитывая особенности исследуемых респондентов, стоит отметить, что при сравнительном анализе показателей различных нозологических групп между собой не было выявлено статистически значимых различий, что может указывать на то, что патологии респондентов не оказывают значимого влияния на процесс поиска и распознавания целевых эмоций среди лиц с ограниченными возможностями здоровья. Однако, стоит отметить, что в ряде исследований влияние патологии на процессы распознавания эмоций представлены. Так, в исследовании Ермакова и Горелова (2022), посвящённом оценке способности людей с депривацией слуха к пониманию ментального состояния других посредством невербального общения было установлено, что у лиц с нарушениями слуха наблюдаются затруднения в распознавании эмоций, особенно у тех, кто столкнулся с депривацией речевого общения на ранних этапах развития. В исследовании Горелова (2023) было выявлено, что степень нарушения слуха и тип функциональной асимметрии мозга влияют на уровень внутриличностного эмоционального интеллекта и коммуникативные способности, и подчеркивается важная роль слуха в развитии эмоционального интеллекта и личностных характеристик. Также в исследовании Горелова и Круподеровой (2022) у лиц с болезнями нервной системы были выявлены специфические особенности в проявлении эмоциональности и индивидуальных особенностей в зависимости от вида заболевания. Таким образом, можно предположить, что патология респондентов может оказывать существенное влияние на уровень активации полушарий и их вовлеченности в процесс поиска и распознавания эмоций, но для вывода о влиянии патологии требуется дополнительное сравнение указанных групп с группой лиц, не имеющих отклонений в здоровье.

В ходе исследования было выявлено, что целевая эмоция «гнев» хуже распознавалась и поиск этой эмоции среди представленных серий фотографий в среднем требовал больше времени. При этом быстрее и точнее распознавалась целевая эмоция «радости» среди представленных фотографий у всех исследуемых нозологических групп. Из полученных результатов можно сделать предположение, что эмоция радости быстрее и правильнее распознается в силу вовлеченности большего числа мимических зон лица при проявлении этой эмоции. Также, в силу специфики исследуемого контингента, можно предположить, что в отношении респондентов данная эмоция чаще проявляется со стороны их окружения и потому она точнее и быстрее ими распознается. Можно также предположить, что респонденты реже сталкивались с проявлением гнева в отношении них и потому данная эмоция распознается менее точно и требует большего времени для поиска среди представленных фотографий.

Заключение. Проведенное исследование распознавания фотографий с целевыми эмоциями и оценки функциональной асимметрии полушарий (ФАП) среди респондентов с ограниченными возможностями здоровья позволяет сделать следующие выводы:

1. Респонденты всех исследуемых нозологических групп (болезней нервной системы, соматических болезней, психических расстройств и болезни уха) правильно распознавали эмоцию «радости» при этом затрачивали в среднем меньше времени на ее поиск. Поиск фотографий с целевой эмоцией «гнева» вызывал у всех респондентов затруднение и требовал больших затрат времени.

2. Респонденты всех нозологических групп, представленных в исследовании, у кого наблюдалось левополушарное смещение показателя ФАП после прохождения теста, давали больше правильных ответов при поиске фотографий с целевой эмоцией и общий коэффициент правильности прохождения теста (ПТ) у них был статистически значимо выше лиц с правополушарным смещением ФАП. Среднее время поиска фотографий с целевыми эмоциями у лиц с левополушарным смещением ФАП было статистически значимо меньше, чем у лиц с правополушарным смещением ФАП. Таким образом можно сделать вывод, что активация левого полушария мозга указывает на весомый его вклад в уровень скорости поиска и правильности распознавания базовых эмоций по фотографиям.

Список литературы

Горелов, В. Ю. (2023). Взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностных характеристик с функциональной асимметрией мозга у лиц с нарушением слуха. *Мир науки. Педагогика и психология*, 11(2), 22. <https://doi.org/10.15862/22PSMN223>

- Горелов, В. Ю., и Круподёрова, И. А. (2022). Особенности эмоционального интеллекта и личностных особенностей у лиц с болезнями нервной системы. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(3), 12.
- Горелов, В. Ю., Арапова, Е. А., Ермаков, П. Н. (2023). Программа для оценки уровня распознавания эмоций (тестирование эмоционального интеллекта) (RU Свидетельство № 2023663675).
- Ермаков, П. Н., и Горелов, В. Ю. (2022). Модель психического у лиц со стойкими нарушениями слуха. *Российский психологический журнал*, 19(4), 137–147. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.9>
- Звягина, Н. В., Старцева, И. В., Гурьева, М. Н., и Мохамед-Сохиб, К. (2016). Эффекты воздействия изображений лиц с разными эмоциями на функциональное состояние организма. *Естественные и математические науки в современном мире*, 7, 7–13.
- Коновалов, В. Ф., и Сериков, И. С. (1985). Изучение межполушарных взаимоотношений у детей в процессе мнестической деятельности. *Вопросы психологии*, 6, 137–145.
- Коробова, С. Ю., Грязева-Добшинская, В. Г., и Чипеева, Н. А. (2021). Особенности взаимосвязи двусторонней электродермальной активности с показателями спектральной мощности ЭЭГ. *Психология. Психофизиология*, 14(3), 108–118. <https://doi.org/10.14529/jpps210311>
- Костычев, Н. А., Баторова, Е. Ю., Макушкин, А. В., и Перепелов, А. В. (2019). Зависимость кожно-гальванической реакции от эмоционального состояния у юношей и девушек. *Тенденции развития науки и образования*, 51–6, 34–36. <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-130>
- Кудашова, А. А., Аполлонова, И. А., Николаев, А. П., Калюкина, А. Ю., и Кудашов, И. А. (2018). Участие вегетативной нервной системы в организации эмоциональных состояний. *Биологические науки. Молодежный научный вестник*, 2(27), 7–15.
- Нестерова, Н. А. (1978). *Интеллектуальная активность и электродермальные показатели*. Исследования по проблемам социальной и общественной психологии и дифференциальной психофизиологии (С. 110–113). Научно-исследовательский институт общей педагогики АПН СССР.
- Русалова, М. Н. (1988). Влияние эмоций на активацию левого и правого полушарий головного мозга. *Физиология человека*, 14(5), 754–761.
- Русалова, М. Н., и Русалов, В. М. (2020). Функциональная асимметрия мозга и эмоции. *Руководство по функциональной асимметрии* (С. 521–551). Научный мир.
- Симонов, П. В. (1996). Адаптивные функции эмоций. *Физиология человека*, 22(2), 5–9.
- Abbott, J. D., Cumming, G., Fidler, F., & Lindell, A. K. (2013). The perception of positive and negative facial expressions in unilateral brain-damaged patients: A meta-analysis. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, 18(4), 437–459. <https://doi.org/10.1080/1357650X.2012.703206>
- Bourne, V. J. (2010). How are emotions lateralised in the brain? Contrasting existing hypotheses using the chimeric faces test. *Cognition and Emotion*, 24(5), 903–911. <https://doi.org/10.1080/02699930903007714>
- Cheng, Y., Lee, S. Y., Chen, H. Y., Wang, P. Y., & Decety, J. (2012). Voice and emotion processing in the human neonatal brain. *Journal of cognitive neuroscience*, 24(6), 1411–1419. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00214
- Critchley, H. D., & Nagai, Y. (2016). Comment: What does left–right autonomic asymmetry signify? *Emotion Review*, 8(1), 76–77. <https://doi.org/10.1177/1754073914565520>
- Goshvarpour, A., Abbasi, A., Goshvarpour, A., & Daneshvar, S. (2017). Discrimination between different emotional states based on the chaotic behavior of galvanic skin responses. *Signal, Image and Video Processing*, 11, 1347–1355. <https://doi.org/10.1007/S11760-017-1092-9>
- Irish, M., Kumfor, F., Hodges, J. R., & Piguet, O. (2013). A tale of two hemispheres: contrasting socioemotional dysfunction in right-versus left-lateralised semantic dementia. *Dementia & neuropsychologia*, 7, 88–95. <https://doi.org/10.1590/S1980-57642013DN70100014>
- Kumar, D., & Srinivasan, N. (2011). Emotion perception is mediated by spatial frequency content. *Emotion*, 11(5), 1144. <https://doi.org/10.1037/a0025453>
- Lacroix, J. M., & Comper, P. (1979). Lateralization in the electrodermal system as a function of cognitive/hemispheric manipulations. *Psychophysiology*, 16(2), 116–129. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1979.tb01454.x>
- Najt, P., Bayer, U., & Hausmann, M. (2013). Models of hemispheric specialization in facial emotion perception – a reevaluation. *Emotion*, 13(1), 159. <https://doi.org/10.1037/a0029723>
- Önal-Hartmann, C., Pauli, P., Ocklenburg, S., & Güntürkün, O. (2012). The motor side of emotions: investigating the relationship between hemispheres, motor reactions and emotional stimuli. *Psychological research*, 76, 311–316. <https://doi.org/10.1007/s00426-011-0337-4>
- Picard, R. W., Fedor, S., & Ayzenberg, Y. (2016). Multiple arousal theory and daily-life electrodermal activity asymmetry. *Emotion review*, 8(1), 62–75. <https://doi.org/10.1177/1754073914565517>
- Sedda, A., Rivolta, D., Scarpa, P., Burt, M., Frigerio, E., Zanardi, G., Piazzini, A., Turner, K., Canevini, M. P., Francione, S., Lo Russo, G., & Bottini, G. (2013). Ambiguous emotion recognition in temporal lobe epilepsy: the role of expression intensity. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 13, 452–463. <https://doi.org/10.3758/s13415-013-0153-y>

- Shobe, E. R. (2014). Independent and collaborative contributions of the cerebral hemispheres to emotional processing. *Frontiers in human neuroscience*, 8, 230. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00230>
- Smith, S. D., & Bulman-Fleming, M. B. (2005). An examination of the right-hemisphere hypothesis of the lateralization of emotion. *Brain and cognition*, 57(2), 210–213. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2004.08.046>
- Varni, J. G. (1975). Learned asymmetry of localized electrodermal responses. *Psychophysiology*, 12(1), 41–45. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1975.tb03057.x>
- Wang, C. A., Baird, T., Huang, J., Coutinho, J. D., Brien, D. C., & Munoz, D. P. (2018). Arousal effects on pupil size, heart rate, and skin conductance in an emotional face task. *Frontiers in neurology*, 9, 1029. <https://doi.org/10.3389/fneur.2018.01029>
- Yuvaraj, R., Murugappan, M., Norlinah, M. I., Sundaraj, K., & Khairiyah, M. (2013). Review of emotion recognition in stroke patients. *Dementia and geriatric cognitive disorders*, 36(3–4), 179–196. <https://doi.org/10.1159/000353440>
- Zhang, J., Zhou, R., & Oei, T. P. (2011). The effects of valence and arousal on hemispheric asymmetry of emotion. *Journal of Psychophysiology*, 25(2), 95–103. <https://doi.org/10.1027/0269-8803/a000045>

References

- Abbott, J. D., Cumming, G., Fidler, F., & Lindell, A. K. (2013). The perception of positive and negative facial expressions in unilateral brain-damaged patients: A meta-analysis. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, 18(4), 437–459. <https://doi.org/10.1080/1357650X.2012.703206>
- Bourne, V. J. (2010). How are emotions lateralised in the brain? Contrasting existing hypotheses using the chimeric faces test. *Cognition and Emotion*, 24(5), 903–911. <https://doi.org/10.1080/02699930903007714>
- Cheng, Y., Lee, S. Y., Chen, H. Y., Wang, P. Y., & Decety, J. (2012). Voice and emotion processing in the human neonatal brain. *Journal of cognitive neuroscience*, 24(6), 1411–1419. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00214
- Critchley, H. D., & Nagai, Y. (2016). Comment: What does left-right autonomic asymmetry signify? *Emotion Review*, 8(1), 76–77. <https://doi.org/10.1177/1754073914565520>
- Ermakov, P. N., & Gorelov, V. Y. (2022). Theory of mind in persons with permanent hearing disorders. *Russian Psychological Journal*, 19(4), 137–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.9>
- Goshvarpour, A., Abbasi, A., Goshvarpour, A., & Daneshvar, S. (2017). Discrimination between different emotional states based on the chaotic behaviour of galvanic skin responses. *Signal, Image and Video Processing*, 11, 1347–1355. <https://doi.org/10.1007/S11760-017-1092-9>
- Gorelov, V. Y. (2023). The relationship of emotional intelligence and personality characteristics with functional brain asymmetry in persons with hearing impairment. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11(2), 22. (In Russ.) <https://doi.org/10.15862/22PSMN223>
- Gorelov, V. Y., & Krupodyorova, I. A. (2022). Features of emotional intelligence and personality traits in individuals with disease of the nervous system. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 10(3), 12. (In Russ.)
- Gorelov, V. Yu., Arapova, E. A., Ermakov, P. N. (2023). A programme for assessing the level of emotion recognition (emotional intelligence testing) (RU Certificate No.2023663675). (In Russ.)
- Irish, M., Kumfor, F., Hodges, J. R., & Piguet, O. (2013). A tale of two hemispheres: contrasting socioemotional dysfunction in right-versus left-lateralised semantic dementia. *Dementia & neuropsychologia*, 7, 88–95. <https://doi.org/10.1590/S1980-57642013DN70100014>
- Konovalov, V. F., & Serikov, I. S. (1985). A study of the hemispheric interaction in children engaged in mnestic activity. *Voprosy psichologii*, 6, 137–145. (In Russ.)
- Korobova, S. Y., Gryazeva-Dobshinskaya, V. G., & Chipeeva, N. A. (2021). Features of the correlation between two-sided electrodermal activity and eeg spectrum power. *Psychology. Psychophysiology*, 14(3), 108–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/jpps210311>
- Kostychev, N. A., Batorova, E. Y., Makushkin, A. V., & Perepelov, A. V. (2019). Dependence of skin-galvanic response on emotional state in young boys and girls. *Trends in the Development of Science and Education*, 51–6, 34–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/lj-06-2019-130>
- Kudashova, A. A., Apollonova, I. A., Nikolaev, A. P., Kalyukina, A. Y., & Kudashov, I. A. (2018). Part of the autonomic nervous system in the organization of emotional states. *Biological Sciences. Youth scientific bulletin*, 2(27), 7–15. (In Russ.)
- Kumar, D., & Srinivasan, N. (2011). Emotion perception is mediated by spatial frequency content. *Emotion*, 11(5), 1144. <https://doi.org/10.1037/a0025453>
- Lacroix, J. M., & Comper, P. (1979). Lateralisation in the electrodermal system as a function of cognitive/hemispheric manipulations. *Psychophysiology*, 16(2), 116–129. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1979.tb01454.x>
- Najt, P., Bayer, U., & Hausmann, M. (2013). Models of hemispheric specialisation in facial emotion perception – a reevaluation. *Emotion*, 13(1), 159. <https://doi.org/10.1037/a0029723>
- Nesterova, N. A. (1978). *Intellectual activity and electrodermal indices*. Studies on problems of social and community psychology and differential psychophysiology (P. 110–113). Research Institute of General Pedagogy of the APN USSR. (In Russ.)

- Önal-Hartmann, C., Pauli, P., Ocklenburg, S., & Güntürkün, O. (2012). The motor side of emotions: investigating the relationship between hemispheres, motor reactions and emotional stimuli. *Psychological research*, 76, 311–316. <https://doi.org/10.1007/s00426-011-0337-4>
- Picard, R. W., Fedor, S., & Ayzenberg, Y. (2016). Multiple arousal theory and daily-life electrodermal activity asymmetry. *Emotion review*, 8(1), 62–75. <https://doi.org/10.1177/1754073914565517>
- Rusalova, M. N. (1988). “Influence of emotions on activation of the left and right cerebral hemispheres of the person. *Journal Human Physiology*, 14(5), 754–761. (In Russ.)
- Rusalova, M. N., & Rusalov, V. M. (2020). Functional brain asymmetry and emotion. *Handbook of functional asymmetry* (pp. 521–551). Scientific World.
- Simonov, P. V. (1996). Adaptive functions of the emotions. *Human Physiology*, 22(2), 5–9. (In Russ.)
- Sedda, A., Rivolta, D., Scarpa, P., Burt, M., Frigerio, E., Zanardi, G., Piazzini, A., Turner, K., Canevini, M. P., Francione, S., Lo Russo, G., & Bottini, G. (2013). Ambiguous emotion recognition in temporal lobe epilepsy: the role of expression intensity. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 13, 452–463. <https://doi.org/10.3758/s13415-013-0153-y>
- Shobe, E. R. (2014). Independent and collaborative contributions of the cerebral hemispheres to emotional processing. *Frontiers in human neuroscience*, 8, 230. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00230>
- Smith, S. D., & Bulman-Fleming, M. B. (2005). An examination of the right-hemisphere hypothesis of the lateralisation of emotion. *Brain and cognition*, 57(2), 210–213. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2004.08.046>
- Varni, J. G. (1975). Learned asymmetry of localised electrodermal responses. *Psychophysiology*, 12(1), 41–45. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8986.1975.tb03057.x>
- Wang, C. A., Baird, T., Huang, J., Coutinho, J. D., Brien, D. C., & Munoz, D. P. (2018). Arousal effects on pupil size, heart rate, and skin conductance in an emotional face task. *Frontiers in neurology*, 9, 1029. <https://doi.org/10.3389/fneur.2018.01029>
- Yuvaraj, R., Murugappan, M., Norlinah, M. I., Sundaraj, K., & Khairiyah, M. (2013). Review of emotion recognition in stroke patients. *Dementia and geriatric cognitive disorders*, 36(3–4), 179–196. <https://doi.org/10.1159/000353440>
- Zhang, J., Zhou, R., & Oei, T. P. (2011). The effects of valence and arousal on hemispheric asymmetry of emotion. *Journal of Psychophysiology*, 25(2), 95–103. <https://doi.org/10.1027/0269-8803/a000045>
- Zvyagina, N. V., Startseva, I. V., Gurieva, M. N., & Mohamad-Sohib, K. (2016). Effects of images of faces with different emotions on the functional state organism. *Natural and Mathematical Sciences in the Modern World*, 7, 7–13. (In Russ.)

Об авторе:

Вадим Юрьевич Горелов, преподаватель, ФКПОУ «Новочеркасский технологический техникум интернат» Минтруда России (Российская Федерация, 346400, г. Новочеркасск, пр. Платовский, 116); соискатель кафедры психофизиологии и клинической психологии, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](#), [AutorID](#), vgorelov@sfedu.ru

Поступила в редакцию 29.11.2023

Поступила после рецензирования 09.04.2024

Принята к публикации 12.04.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Vadim Yuryevich Gorelov, Lecturer, Novocherkassk special boarding school No. 1»; Ministry of Labor (116, Platovsky Ave., Novocherkassk, 346400, Russian Federation); Postgraduate of the Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](#), [AutorID](#), vgorelov@sfedu.ru

Received 29.11.2023

Revised 09.04.2024

Accepted 12.04.2024

Conflict of interest

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.422

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-64-74>

Гармонизация семейных коммуникаций матери и ребенка младшего дошкольного возраста в коррекционных онлайн занятиях по развитию речи

Яна И. Омеляненко

АНО ВО «Московский международный университет», Российская Федерация, г. Москва, пр. Ленинградский, 17

✉ om.yana@mail.ru

Аннотация

Введение. Гармонизация семейной коммуникации между матерью и ребенком младшего дошкольного возраста является важным звеном в эффективной коррекции речевого развития детей. Часто, ввиду удаленности проживания (село, зарубежье), родители обращаются к частным логопедическим центрам онлайн. Исследования по вопросу эффективности дистанционной работы частных центров с семьями в психологическом и логопедическом направлении не получило распространения, так как такие услуги, как правило, не предполагают предоставление комплексных программ, включающих психологическое просвещение и детско-родительские тренинги. Данное упущение делает значимым разработку и апробацию дистанционной комплексной программы психологической поддержки матерей и психоречевой коррекции детей младшего дошкольного возраста при проведении логопедических онлайн занятий в частном психолого-логопедическом центре.

Цель. Разработать и реализовать онлайн программу речевого развития детей младшего дошкольного возраста с учетом коррекции детско-родительских взаимоотношений и определить ее эффективность.

Материалы и методы. Для оценки родительских эмоциональных отношений использовался «Опросник родительского отношения» (А. Я. Варга, В. В. Столин). Для выявления выраженности 11 параметров эмоционального взаимодействия матери и ребенка был применен «Опросник детско-родительского взаимодействия» (методика ОДРЭВ) Е. И. Захаровой. Оценка состояния речевого развития ребенка до и после реализации программы проводилась с применением логопедической диагностики. Полученные результаты были подвергнуты статистическому анализу с помощью Т-критерия Стьюдента и Т-критерия Вилкоксона.

Результаты исследования. Как показало исследование, психологическая поддержка и коррекционная работа в дистанционном формате эффективна при скоординированной работе психолога и логопеда. Внедрение техник, направленных на и расширение эмоционально-смыслового пространства с ребенком и развитие принятия себя как родителя и способности воздействовать на эмоциональное состояние ребенка, значительно повышают эффективность психоречевой коррекционной работы с ребенком.

Обсуждение результатов. Полученные в результате исследования данные могут быть использованы в разработке и реализации комплексных программ дистанционной психокоррекционной работы психологами и логопедами.

Ключевые слова: диада мать-ребенок, младший дошкольный возраст, речевое развитие, комплексная программа, гармонизация семейных коммуникаций, психологическое просвещение

Для цитирования. Омеляненко, Я. И. (2024). Гармонизация семейных коммуникаций матери и ребенка младшего дошкольного возраста в коррекционных онлайн занятиях по развитию речи. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 64–74. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-64-74>

Harmonisation of Family Communications Between Mother and Child of Younger Preschool Age in Corrective Online Classes on Speech Development

Yana I. Omelianenko

Moscow International University, 17, Leningradsky Ave., Moscow, Russian Federation

✉ om.yana@mail.ru

Abstract

Introduction. Harmonisation of family communication between mother and child of early preschool age is an important link in effective correction of children's speech development. Often, due to the remoteness of residence (village, abroad), parents turn to private speech therapy centres online. Research on the effectiveness in remote work of private centres with families in psychological and speech therapy has not been widespread, as such services, as a rule, do not involve the provision of comprehensive programmes, including psychological education and child-parent training. This omission makes it significant to develop and test a remote comprehensive programme of psychological support for mothers and psycho-speech correction of young preschool children during online speech therapy sessions in a private psychological and speech therapy centre.

Objective. To develop and implement an online programme for the speech development of young preschool children, taking into account the correction of child-parent relationships, and to determine its effectiveness.

Materials and Methods. The Parental Attitude Questionnaire (A. Y. Varga, V. V. Stolin) was used to assess parental emotional relations. E. I. Zakharova's "Child-Parent Interaction Questionnaire" was used to identify the expression of 11 parameters of emotional interaction between mother and child. The state of the child's speech development before and after the programme was assessed using speech therapy diagnostics. The results were statistically analysed using Student's t-test and Wilcoxon's t-test.

Results. As the study has shown, distance psychological support and correctional work are effective in the coordinated work of a psychologist and a speech therapist. The introduction of techniques aimed at expanding the emotional and semantic space with the child and the development of self-acceptance as a parent and the ability to influence the emotional state of the child significantly increase the effectiveness of psycho-speech correction work with the child.

Discussion. Data obtained as a result of the study can be used in the development and implementation of complex remote psychocorrectional work programmes by psychologists and speech therapists.

Keywords: mother-child dyad, early preschool age, speech development, complex programme, harmonisation of family communications, psychological education

For citation. Omelianenko, Y. I. (2024). Harmonisation of family communications between mother and child of the younger preschool age in corrective online classes on speech development. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(2), 64–74. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-64-74>

Введение

Взаимодействие психолога и логопеда является важной составляющей коррекционной работы с ребенком младшего дошкольного возраста (Усова и Омельяненко, 2024). Также по мнению ученых важным элементом данного процесса является проведение целенаправленной комплексной психолого-педагогической деятельности (Глузман и др., 2020). Такая комплексная поддержка оказывается во многих детских садах и коррекционных центрах в крупных городах России, однако в частных логопедических центрах комплексные программы коррекционной работы с возможностью психологического просвещения и консультирования родителей пока не получили широкого распространения.

Среди причин оказания неполноценной помощи семьям с ребенком с речевыми нарушениями можно выделить два фактора. Первым является проживание семей в селах и поселках городского типа, а также за пределами страны, где работа коррекционных служб перегружена либо отсутствует вовсе. В данной ситуации родитель обращается за дистанционной поддержкой к логопеду, который не всегда согласует свою работу с психологом из другого региона для работы с конкретной семьей. Отсутствие согласованной работы этих специалистов может существенно снизить эффективность помощи ребенку и сделать ее несвоевременной. Вторым фактором является роль эмоциональной вовлеченности родителя в коррекционную работу с ребенком: она является одной из определяющих в преодолении речевых нарушений и требует активного участия «родителя в терапевтической работе, в которой психолог сопровождает родителя в обучении ребенка расширять знания и способствовать развитию коммуникаций» (Millard & Nicholas, 2008, с. 218). Также отмечается, что повышение качества взаимодействия родителя и ребенка приводит к тому, что «возможности для языкового развития ребенка также возрастают» (Allen & Marshall, 2011, с. 399).

По результатам первого этапа эмпирического исследования Усовой и Омеляненко (2024), развитие эмоциональных коммуникаций, а именно принятия себя как родителя, умения идентифицировать эмоциональное состояние ребенка и оказывать вербальное и невербальное психолого-педагогическое воздействие на него, а также снижение симбиотических отношений напрямую оказывают положительное влияние на речевое развитие ребенка. В связи с этим *целью* данного исследования стало создание, реализация и оценка эффективности комплексной дистанционной программы по оказанию психолого-логопедической помощи родителю и ребенку с речевыми нарушениями, которая будет учитывать указанные мишени эмоциональных коммуникаций. Данная программа реализуется психологом и логопедом совместно или психологом с практическими знаниями основ логопедии.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 55 матерей и их дети младшего дошкольного возраста, психолог и логопед. В экспериментальной группе для апробации программы задействовано 15 пар мать-ребенок. Матери проходили психодиагностику до и после реализации программы, в результате которой выявлена динамика и качественные изменения взаимодействия матери и ребенка. Логопед представил экспертное заключение об изменении уровня речевого развития детей с использованием логопедических речевых карт по О. Б. Иншаковой и Н. В. Нищевой (для возраста 3–4 лет). До начала апробации программы, 60 % детей (9 человек) в экспериментальной группе имели незначительные темповые задержки в развитии речи, 27 % – дислалию (4 ребенка) и 13 % – ОНР (2 ребенка). Методический инструментарий для диагностики матерей включает:

- «Опросник родительского отношения» А. Я. Варга и В. В. Столина;
- «Опросник детско-родительского взаимодействия» (методика ОДРЭВ) Е. И. Захаровой.

Для математической обработки данных были использованы Т-критерий Стьюдента и Т-критерий Вилкоксона.

Разработанная программа имеет теоретическую, практическую и логопедическую направленность. Временной период реализации программы рассчитан на 4 месяца (Приложение 1). В часовом выражении потребовалось: 17 теоретических часов (онлайн лекции и мини-семинары для родителя), 22 практических и 31 логопедических часа (работа с ребенком), в общем 80 академических часов индивидуальной и парной работы по следующим блокам:

1. Логопедический блок (работа с ребенком).

Цель – диагностирование уровня речевого развития, логопедические занятия, развитие навыков коммуникации.

2. Психолого-информационный блок (работа с родителем).

Цель – психологическое консультирование по запросу родителя, а также просветительская беседа, включающая информирование родителей об этапах психологического развития ребенка, особенностях когнитивного и психо-волевого компонента, организация предметно-развивающего пространства для ребенка в семье, и др. в рамках 16 тематических мини-лекций и практических онлайн занятий в режиме реального времени с психологом.

3. Тренинговый блок (для совместной работы в паре «мать – ребенок»).

Цель – развитие эмоционального взаимодействия между матерью и ребенком.

Условия проведения занятий:

- 1) Занятия проводятся дистанционно в режиме реального времени (посредством подключения к вебинарным комнатам на веб-платформе, доступ к которым организует психолог).

- 2) Каждое занятие кроме вводных начинается со встречи с ребенком и заканчивается работой с родителем. Вводное занятие предполагает знакомство и диагностику, на котором одновременно присутствуют оба – родитель и ребенок.

Методы и техники, используемые в программе:

- 1) Работа с образом «Я» (слияние, дифференциация).
- 2) Телесные и психогимнастические упражнения для снятия напряжения и снижения уровня тревоги ребенка, подобранные под дистанционный формат.
- 3) Упражнения для развития умения идентифицировать свои эмоции и эмоции ребенка с использованием презентаций в вебинарной комнате.
- 4) Упражнения для изучения особенностей взаимодействия в паре «родитель – ребенок», которые дают возможность отследить способность мамы и ребенка к взаимопониманию в совместной деятельности.

В рамках логопедической работы, оценивается формирование навыков произношения, лексико-грамматического словаря, связной речи, а также эмоциональное состояние ребенка. Оценка результатов формируется на этапе завершения программы во время подведения итогов и обратной связи. Психолог оценивает уровень эмоционального состояния матери и ребенка и динамику их отношений методом наблюдения и применения методов статистической обработки результатов эксперимента.

В таблице 1 представлена тематика и цели занятий третьего месяца программы для логопедического и психолого-информационного блоков, а полный список тем четырех месяцев программы и количество требуемых академических часов изложен в Приложении 1.

Таблица 1

Тематика и цели занятий третьего месяца программы

№ недели	Тема и номер занятия	Цель занятий логопедического (Л) и психолого-информационного (П) блоков
9	Занятие № 19 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Лекция «Навыки активного слушания»	(Л) Освоение лексического материала по теме «Эмоции», продолжение работы над звукопроизношением и грамматическим строем
	Занятие № 20 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Мини-лекция «Я-сообщения», «Ты-сообщения», упражнения на их активацию и проработку	(П) Научиться понимать эмоциональное состояние ребенка и реагировать на него, освоить «я-» и «ты-сообщения»
10	Занятие № 21 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Упражнение «Слушаю и слышу»	(Л) Освоение лексического материала по теме «путешествия», практика фраз «нравится/не нравится»
	Занятие № 22 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Беседа по теме эмоции и их безопасное выражение. Упражнение «Как я выражаю эмоции», упражнение «Разобрать по косточкам»	(П) Научиться идентифицировать свои ощущения в теле, осознавать эмоции, познакомиться со способами их выражения безопасно для себя и окружения
11	Занятия № 23–24 А) Логопедическое занятие с ребенком.	(Л) Освоение лексического материала по теме «Радость и грусть», работа над сонорными звуками, «р»
	Б) Лекция и упражнения «Способы идентифицировать эмоциональное состояние ребенка». Упражнение «Контакт с собой»	(П) Развитие навыков понимания своих эмоций, инструментов распознавания эмоций ребенка
12	Занятия № 25–26 А) Логопедическое занятие с ребенком.	(Л) Освоение лексического материала по теме «Эмоции печаль», работа над сонорными звуками, «л»
	Б) Мини-семинар «Инструменты формирования адекватной оценки эмоционального состояния детей»	(П) Информирование родителя о способах формирования оценки эмоционального состояния ребенка, закрепление в упражнениях

Занятия тренингового блока третьего месяца программы направлены на развитие эмоциональной сферы. Занятие № 27 включает следующие упражнения: «Волшебный коробок», упражнение-игра «Смешинки и злючки» (Бабаева, 2012), в процессе которых родитель учится осознавать свои ощущения и чувства, распознавать и называть их. На занятии № 28 упражнение «Контакт с собой» и «Разноцветный человек» дают возможность формировать новые навыки общения, научиться слушать себя и ребенка, уметь удовлетворять потребности ребенка конструктивно. В результате работы в паре родитель развивает навык распознавания различных эмоций и их телесного проявления.

Выбор упражнений для программы обусловлен тем, что они позволяют создать условия для совместной игровой и познавательной деятельности родителя и ребенка в дистанционном формате. Ребенок демонстрирует навыки и умения в течение тренинга, что дает возможность родителю осознать сильные стороны ребенка и не акцентировать внимание на его необходимости в гиперопеке. На занятиях родитель проходит практику выстраивания границ, развивает сотрудничество с ребенком, снижение уровня симбиоза, налаживание доверительных отношений, распознавание чувств и эмоций.

Оценка эффективности программы проведена двумя этапами. Первый этап включает оценку эффективности деятельности в ходе логопедического заключения о динамике речевых показателей, беседы с родителем по основным мишеням программы, и в процессе наблюдения психологом за эмоциональными коммуникациями между родителем и ребенком в ходе занятий. Второй этап включает математический анализ проверки эффективности работы программы.

Результаты исследования

Эмпирическое исследование проводилось на выборке из 55 матерей в возрастной категории 25–35 лет, из которых 15 матерей и их детей с темповыми нарушениями речи и дислалией были включены в этап исследования, предполагающий апробацию психологической и коррекционной программы.

В результате реализации программы с 15 семьями, вошедшими в экспериментальную группу, были отмечены следующие изменения. На первом этапе реализации данной программы психологом отмечена положительная динамика у матерей экспериментальной группы уже после второго месяца занятий. С одной стороны, замечено улучшение психоэмоционального состояния детей: они активнее идут на контакт, не боясь, что их остановят или поправят. С другой стороны, в паре «мать – ребенок» происходит положительная динамика в понимании друг друга, установлении границ матерью по отношению к ребенку и предоставлению ему больших свобод, а также снижение контроля в ходе выполнения упражнений программы. Также отмечено снижение уровня напряжения и выраженной тревоги во время занятий среди некоторых матерей экспериментальной группы.

Для математической проверки эффективности программы был применен Т-критерий Стьюдента. Как видно из таблицы 2, симбиотические отношения приобрели тенденцию к нормализации и снижению уровня слияния родителя и ребенка. Также матери отмечают более ясное понимание своей роли в речевом развитии ребенка, своей функции как родителя.

Таблица 2

Изменение результатов исследования по методике Тест родительского отношения В. В. Столина и А. Я. Варга

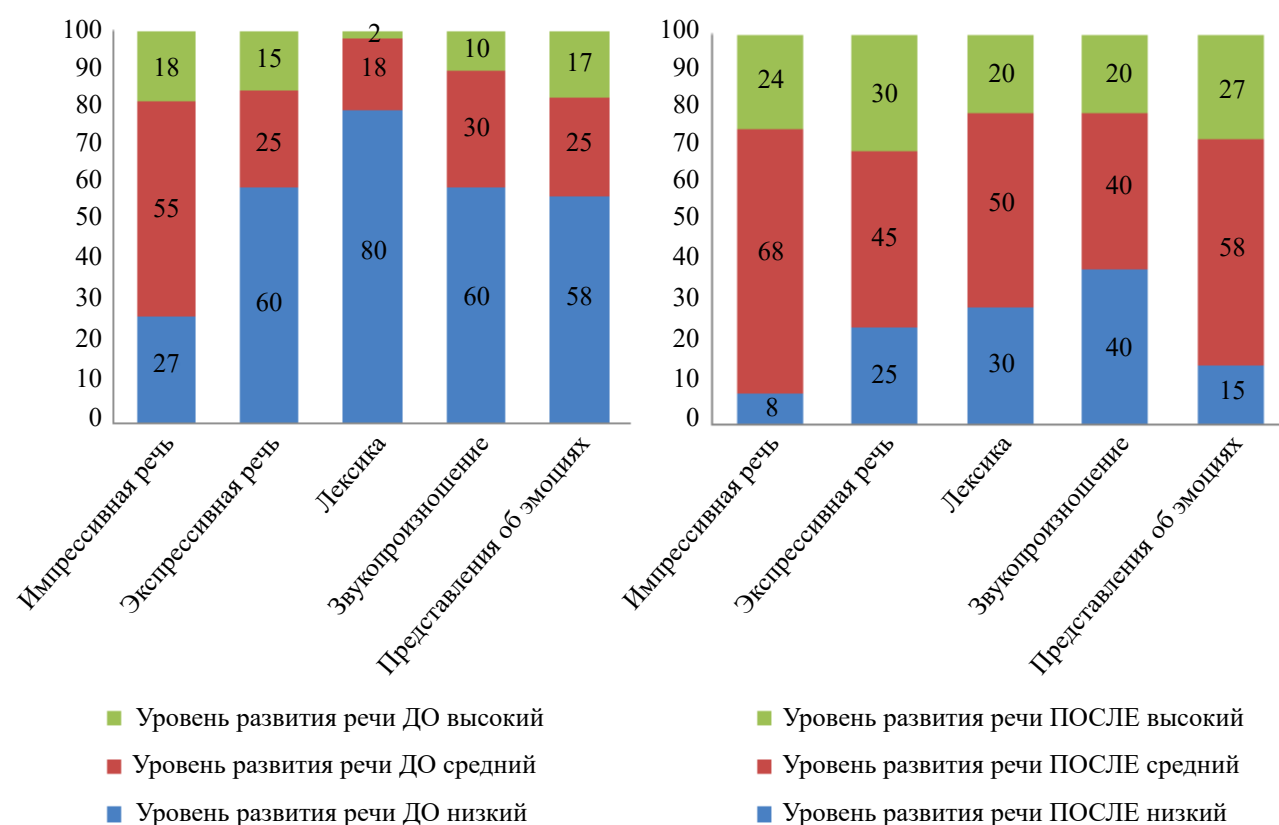
Показатели шкал	Группа 1 (до эксперимента)		Группа 2 (после эксперимента)		Т Стьюдента
	М	D	М	D	
Принятие / отвержение	8,0	4,5	7,5	4,0	0,7
Кооперация	28,6	5,5	27,4	5	0,9
Симбиоз	5,1	1,0	4,3	1,1	2,2*
Контроль	3,7	1,5	3,3	1,3	1,0
Отношение к неудачам ребенка	2,3	1,7	2,1	1,4	0,6

Примечание: * – уровень значимости при $p \leq 0,05$.

Логопедическое заключение констатирует положительную динамику развития основных сторон речи детей (рис. 1). Логопед предоставил анализ речевых карт до и после проведения программы, при сравнении которых был выведен средний арифметический диапазон изменений по пяти категориям: импрессивная речь, экспрессивная речь, лексика, звукопроизношений и представления об эмоциях, представленный на рисунке 1.

Рисунок 1

График уровня речевого развития до и после реализации программы исследования, в %

Далее, с помощью Т-критерия Вилкоксона определены статистически значимые различия в уровне психоречевого развития дошкольников до и после эксперимента, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Расчет Т-критерия Вилкоксона об изменении уровня психоречевого развития дошкольников

№	«До»	«После»	Сдвиг ($t_{\text{после}} - t_{\text{до}}$)	Абсолютное значение сдвига	Ранговый номер сдвига
1	2	1	-1	1	11,0
2	3	2	-1	1	11,0
3	4	4	0	0	3,5
4	2	2	0	0	3,5
5	3	1	-2	2	16,0
6	2	3	1	1	11,0
7	2	2	0	0	3,5
8	3	2	-1	1	11,0
9	3	2	-1	1	11,0
10	4	4	0	0	3,5
11	3	2	-1	1	11,0
12	4	4	0	0	3,5
13	3	3	0	0	3,5
14	4	3	-1	1	11,0
15	3	2	-1	1	11,0
Сумма рангов нетипичных сдвигов:					11,0

Согласно полученным критическим значениям Т-критерия Вилкоксона, при $n = 15$ (родители) и $n = 15$ (дети), сдвиг можно считать существенным при $p \leq 0,05$. Сумма рангов нетипичных сдвигов составила 11. Полученное эмпирическое значение Тэмп находится в зоне значимости (рис. 2), что свидетельствует о положительной динамике коррекции психоречевого развития детей дошкольного возраста по результату реализации комплексной программы.

Таблица 4

Результат вычисления зоны значимости в расчетах Т-критерия Вилкоксона

n	$T_{\text{кр}}$
	0,01 0,05
15	23 35

Примечание: результат: $T_{\text{эмп}} = 11$.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что психолого-педагогическая коррекционно-диагностическая онлайн программа, направленная на развитие эмоциональных коммуникаций между ребенком с речевыми трудностями и матерью оказывается эффективной при скоординированной и слаженной работе логопеда и психолога. Так, в ряде исследований подчеркнуто, что постковидный опыт показал необходимость оказывать профессиональную психологическую и коррекционную работу онлайн при скоординированном обеспечении и эффективной поддержке семьи. При этом для достижения положительных результатов важна комплексная программа, обеспечивающая согласованность и координацию данной деятельности (Birch et al., 2023). На начальном этапе коррекционной работы особенно важно сотрудничество логопеда и психолога, «так как основной целью на этом этапе является изучение и уточнение эмоциональных состояний и формирование интонационной стороны речи» (Бочкарева и Вертей, 2019, с. 128). В связи с этим разработку дальнейших дистанционных программ с целью коррекции речевого развития ребенка стоит рассматривать через призму совместной работы и согласованности двух специалистов.

Также установлено, что высокий уровень принятия себя как родителя и способность воздействовать на эмоциональное состояние ребенка оказывает положительное влияние на коррекцию речевых нарушений, а психологический симбиоз в отношениях «мать – ребенок» является сдерживающим фактором в речевом развитии детей. Важность снижения психологического симбиоза в отношениях матери и ребенка младшего дошкольного возраста отмечена и другими исследователями (Ткачева, 2021).

Комплексная работа по коррекции эмоциональных семейных коммуникаций привела к тому, что симбиотические отношения приобрели тенденцию к нормализации и снижению уровня слияния родителя и ребенка. Вероятно, тематические просветительские лекции и совместная работа в паре «ребенок – мать» позволили родителю наметить шаги к выстраиванию дистанции в эмоционально-смысловом пространстве с ребенком, дали возможность видеть в нем способную личность, которая может стать ответственной за свои действия, выражать эмоции и стать более уверенной на пути преодоления речевых трудностей. При этом стоит подчеркнуть, что в кругах специалистов коррекционной педагогики существуют неоднозначные взгляды на участие родителя в логопедической работе с ребенком. Некоторые коррекционные центры, как «Логопед и я» выступают против частого присутствия родителя на занятии, ссылаясь на родительское влияние, ведущее к ухудшению дисциплины ребенка, а также важность соблюдать «учебный процесс между логопедом и логопатом» (Присутствие родителей на занятии – во благо или во вред?! <https://logoped-ya.ru/присутствие-родителей-на-занятии-во/>). Однако в разработанной в данном исследовании программе сделан акцент на активном участии родителя и его присутствии в логопедической части работы, что поддерживается выводами многих исследователей. Так, «от включения родителей в процесс логопедической коррекции зависит динамика в речевом развитии их детей: чем выше уровень включённости, тем лучше динамика в коррекции нарушений речи» (Самойлюк и др., 2022, с. 229). Также вовлеченность родителя в коррекционную работу способствует формированию мотивированного отношения самого родителя и залогом эффективности в преодолении речевых нарушений у детей (Бородина и Васильева, 2018). Однако Sell с коллегами указывают на пробелы в литературе относительно роли родителей в коррекционной работе и рекомендуют, чтобы логопеды поощряли родителей участвовать в интервенциях под наблюдением и с поддержкой специалистов (Sell et al., 2023). Данные выводы ученых оправдывают то, что исследуемая программа содержит ряд упражнений, направленных на активное вовлечение родителя в психоречевое развитие ребенка, которые возможно реализовать в онлайн формате. При создании специальных условий коррекции и включения родителей в реализацию поставленных коррекционных целей доказана эффективность онлайн-формата обучения детей с разными речевыми нарушениями (Андреева, 2021).

Также в исследовании подчеркнута «зависимость влияния стиля семейного воспитания на особенности развития ребенка» (Смолярчук, 2018, с. 152), психоэмоционального фона и семейных коммуникаций на речевое развитие ребенка (Ткачева, 2021; Токарская и др., 2019). Исследования Е. М. Мастюковой подтверждают тот факт, что семьи, имеющие слабые границы между подсистемами, являются сильно переплетенными и обычно характеризуются гипертвовлеченностью членов семьи в жизнь друг друга (Мастюкова, 2001). В связи с этим соответствующие меры по обеспечению психологического просвещения родителей и развития психоэмоциональных взаимоотношений в паре «родитель – ребенок» способствуют гармонизации семейных коммуникаций (Narasimman et al., 2023). Данные меры отражены в ряде комплексных программ, реализуемых ДОО с логопедами, психологами и родителями (Ларина, 2020; Карпушина и др., 2020), однако они не нашли широкого применения в психолого-педагогических и коррекционных программах частных центров России.

Заключение. Исследуемая дистанционная комплексная программа по гармонизации семейных коммуникаций матери и ребенка младшего дошкольного возраста в онлайн занятиях по развитию речи позволила матерям экспериментальной группы обзавестись различными способами коммуникации со своим ребенком. Результаты психоречевого развития детей подтверждают идею о важности родительского просвещения, прорисовывания образа родителя в их глазах. Матери осознают реальные возможности своего влияния на ребенка, необходимость создания эмоционально-смыслового пространства с ребенком, здоровой сепарации от него и дифференциации образа «Я».

Ограничениями проведенного эксперимента является количество участников. Для более точной проверки эффективности программы рекомендована ее реализация на более многочисленной экспериментальной группе. Дальнейшая реализация программы даст возможность семьям из регионов и за пределами России, где нет доступа к комплексным услугам по работе с семьей на русском языке, воспользоваться дистанционной помощью, направленной на развитие психоэмоциональных коммуникаций между матерью и ребенком и коррекцию речевого развития ребенка. Данная программа дала положительную динамику в работе с экспериментальной группой в рамках психолого-логопедического кабинета, демонстрируя эффективность в работе с точками коррекции детско-родительских отношений, влияющими на речевое развитие ребенка.

Список литературы

- Андреева, С. В. (2021). Дистанционная логопедическая работа с младшими школьниками с расстройствами аутистического спектра и интеллектуальными нарушениями. *Специальное образование*, 2(62), 6–19. https://www.doi.org/10.26170/1999-6993_2021_02_01
- Бабаева, Т. И. (2012). *Как развивать взаимоотношения и сотрудничество дошкольников в детском саду. Игровые ситуации, игры, этюды: учеб.-метод. пособие*. Издательство «Детство-пресс».

- Бородина, В. А., и Васильева, К. С. (2018). Особенности коррекционно-педагогической компетентности родителей, воспитывающих детей с тяжелыми нарушениями речи. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 7, 9–22. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2019.14..7..001>
- Бочкарева, Е. Ю., и Вертей, Ю. А. (2019). Взаимодействие учителя - логопеда с педагогом психологом в ДОО в комплексной работе с детьми ОВЗ. *Инновационная наука*, 3, 127–129.
- Глузман, Ю. В., Городилова, С. А., Шешукова Н. Н., Андрусёва, И. В., и Гутерман, Л. А. (2020). Логопедическая помощь детям группы риска в раннем возрасте. *Перспективы науки и образования*, 4(46), 383–397. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.27>
- Карпушкина, Н. В., Золотова, И. С., и Шустова, Э. Л. (2020). Психолого-педагогические условия развития восприятия дошкольников с общим недоразвитием речи. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 9 (2(31)), 111–114. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0024>
- Ларина, И. П. (2020). Психолого-педагогическое просвещение родителей по профилактике нарушений в развитии детей раннего возраста. *Проблемы современного педагогического образования*, 67–3, 81–85.
- Мастюкова, Е. М. (2001). *Комплексная психолого-педагогическая работа по предупреждению и коррекции школьной дезадаптации. Пособие для практических работников образования*. Академия.
- Самойлюк, Л. А., Логонова, К. Г., и Соломенникова, А. А. (2022). Включённость родителей в процесс логопедической работы как одно из условий её эффективности (на примере реабилитационного центра). *Педагогический ИМИДЖ*, 16(2(55)), 229–242. <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2022-16-2-229-242>
- Смолярчук, И. В. (2018). Психолого-педагогическое сопровождение семьи как условие социального развития детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовании. *Гуманитарные науки*, 2(42), 152–156.
- Ткачёва, В. В. (2021). *Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование*. Национальный книжный центр.
- Токарская, Л. В., Лаврова, М. А., Бакушкина, Н. И., Галасюк, И. Н., Коряков, Я. И., Пасечник, О. Н., Пермякова, М. Е., Хлыстова, Е. В., Чегодаев, Д. А., и Шинина, Т. В. (2019). *Детско-родительское взаимодействие и развитие ребенка раннего возраста*. Издательство УМЦ УПИ.
- Усова, Н. В., и Омельяненко, Я. И. (2024). Семейные коммуникации как ресурс в коррекции речевого развития дошкольников. *Вестник Московского международного университета*, 1, 314–318.
- Allen, J., & Marshall, C. (2011) Parent-Child Interaction Therapy (PCIT) in school-aged children with specific language impairment. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 46, 397–410.
- Birch, S., Bow, S., Lang, J., & Dunsmuir, S. (2023). Interprofessional collaboration between educational psychologists and speech and language therapists in the UK: Facilitators and barriers. *European Journal of Special Needs Education*, 38(6), 735–750. <https://doi.org/10.1080/08856257.2023.2172890>
- Millard, S. K., & Nicholas, K. (2008). Is parent-child interaction therapy effective in reducing stuttering? *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 51(3), 636–650. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2008/046\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2008/046))
- Narasimman, A., Vagha, S., & Kashyap, A. K. (2023). Guiding mothers about early detection and addressing speech delay and disorders among children in a rural setup. *Cureus*, 15(11), e48822. <https://doi.org/10.7759/cureus.48822>
- Sell, D., O'Rourke, C., & Sweeney, T. (2023). Parent experiences of undertaking therapy for cleft palate speech disorders following in-depth training. *Perspectives of the ASHA Special Interest Groups*, 8(5), 969–985. https://doi.org/10.1044/2023_PERSP-22-00253

References

- Andreeva, S. V. (2021). Online logopedic support for junior schoolchildren with autism spectrum disorder and intellectual disabilities. *Special Education*, 2(62), 6–19. (In Russ.) https://www.doi.org/10.26170/1999-6993_2021_02_01
- Allen, J., & Marshall, C. (2011) Parent-Child Interaction Therapy (PCIT) in school-aged children with specific language impairment. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 46, 397–410.
- Birch, S., Bow, S., Lang, J., & Dunsmuir, S. (2023). Interprofessional collaboration between educational psychologists and speech and language therapists in the UK: Facilitators and barriers. *European Journal of Special Needs Education*, 38(6), 735–750. <https://doi.org/10.1080/08856257.2023.2172890>
- Babaeva, T. I. (2012). *How to develop relationships and cooperation of preschoolers in kindergarten. Game situations, games, etudes: textbook*. Detstvo-press Publishing House. (In Russ.)
- Borodina, V. A., & Vasilieva, K. S. (2018). Features of correctional and pedagogical competence of parents raising children with severe speech disorders. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 7, 9–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.25588/CSPU.2019.14..7..001>
- Bochkareva, E. Y., & Verthey, Y. A. (2019). Interaction of teacher - speech therapist with pedagogical psychologist in DОО in complex work with children with disabilities. *Innovative science*, 3, 127–129. (In Russ.)

Gluzman, Y. V., Gorodilova, S. A., Sheshukova, N. N., Andrusyova, I. V., & Guterman, L. A. (2020). Logopaedic assistance to children at risk in early childhood. *Perspectives of Science and Education*, 4(46), 383–397. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.27>

Karpushkina, N. V., Zolotova, I. S., & Shustova, E. L. (2020). Psychological and pedagogical conditions of development of perception of preschool children with general underdevelopment of speech. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 9(2(31)), 111–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0024>

Larina, I. P. (2020). Psychological and pedagogical education of parents on the prevention of developmental disorders in young children. *Problems of modern pedagogical education*, (67–3), 81–85. (In Russ.)

Millard, S. K., & Nicholas, K. (2008). Is parent-child interaction therapy effective in reducing stuttering? *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 51(3), 636–650. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2008/046\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2008/046))

Narasimman, A., Vagha, S., & Kashyap, A. K. (2023). Guiding mothers about early detection and addressing speech delay and disorders among children in a rural setup. *Cureus*, 15(11), e48822. <https://doi.org/10.7759/cureus.48822>

Mastiukova, E. M. (2001). *Complex psychological and pedagogical work on prevention and correction of school maladaptation. Manual for practitioners of education*. Academy. (In Russ.)

Samoylyuk, L. A., Logunova, K. G., & Solomennikova, A. A. (2022). The Involvement of Parents in the Speech Therapy Process as a Condition for Its Effectiveness (on the Example of a Rehabilitation Center). *Pedagogical IMAGE*, 16(2(55)), 229–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2022-16-2-229-242>

Sell, D., O'Rourke, C., & Sweeney, T. (2023). Parental experiences of undertaking therapy for cleft palate speech disorders following in-depth training. *Perspectives of the ASHA Special Interest Groups*, 8(5), 969–985. https://doi.org/10.1044/2023_PERSP-22-00253

Smolyarchuk, I. V. (2018). Psychological and pedagogical support of the family as a condition of social development of children with disabilities in inclusive education. *Humanities*, (2 (42)), 152–156. (In Russ.)

Tkacheva, V. V. (2021). *Family of a child with disabilities: diagnosis and counselling*. National Book Centre. (In Russ.)

Tokarskaya, L. V., Lavrova, M. A., Bakushkina, N. I., Galasyuk, I. N., Koryakov, Y. I., Pasechnik, O. N., Permyakova, M. E., Khlystova, E. V., Chegodaev, D. A., & Shinina, T. V. (2019). *Detsko-roditel'skoe vzaimodeistvie i razvitie rebenka rannego vozrasta [Child-parent interaction and early childhood development]*. kollektivnaya monografiya. (In Russ.)

Usova, N. V., & Omelyanenko, Y. I. (2024). Family communications as a resource in the correction of preschoolers' speech development. *Bulletin of Moscow International University*, 1, 314–318. (In Russ.)

Об авторе:

Яна Игоревна Омеляненко, выпускница кафедры «Общегуманитарных наук и массовых коммуникаций» по направлению «Психология», Московский международный университет (Российская Федерация, 125040, г. Москва, Ленинградский пр., 17), [ORCID, om.yana@mail.ru](https://orcid.org/om.yana@mail.ru)

Поступила в редакцию 18.01.2024

Поступила после рецензирования 10.04.2024

Принята к публикации 11.04.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Yana Igorevna Omelyanenko, graduate “General Humanities and Mass Communications” Department in the direction of “Psychology”, Moscow International University (17, Leningradsky ave., Moscow, 125040, Russian Federation), [ORCID, om.yana@mail.ru](https://orcid.org/om.yana@mail.ru)

Received 18.01.2024

Revised 10.04.2024

Accepted 11.04.2024

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Приложение 1

Тематика занятий и количество академических часов в «Комплексной психолого-педагогической коррекционно-диагностической программе»

№ недели	Тематика занятий	Количество ак. часов		
		теоретических	практических	логопедических
1	Диагностическое вводное занятие		1	1
2	1 часть: развитие ВПФ у ребенка с ОНР Занятие № 1 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Лекция «Как ваш ребенок запоминает?» Занятие № 2 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Вопросы-ответы по лекции «Как ваш ребенок запоминает?» (практика)	1	1	2
3	Занятие № 3 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Лекция «Как ваш ребенок мыслит?» Занятие № 4 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Беседа формата вопрос-ответ «Как ваш ребенок мыслит?» (практика)	1	1	2
4	Занятие № 5 и 6 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Консультация по теме «Особенности обучения ребенка с ОНР» ТРЕНИНГОВЫЙ БЛОК Занятие № 7 Занятие № 8	1	1 2	2
5	Месяц 2 Занятие № 9 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Экспресс- семинар Занятие №10 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Анализ отношений в семье	1	1	2
6	Занятие № 11 и 12 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Семинар «Способы воздействия родителей на мотивацию ребенка с ОНР к познавательной и учебной деятельности в семье»	1	1	2
7	Занятие № 13 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Лекция «Способы коммуникации с ребенком с ОНР». Занятие № 14 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Практика на развитие коммуникации с ребенком с ОНР посредством игр	1	1	2
8	Занятие №15 и № 16 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Консультация по теме «Особенности воспитания ребенка с ОНР» ТРЕНИНГОВЫЙ БЛОК: Занятие № 17 и 18	1	1 2	2

Окончание Приложения 1

№ недели	Тематика занятий	Количество ак. часов		
		теоретических	практических	логопедических
9	Месяц 3: Эмоциональное развитие ребенка и родителя Занятие № 19 А) Логопедическое занятие с ребенком Б) Лекция «Навыки активного слушания», Занятие № 20 А) Логопедическое занятие с ребенком Б) Мини-лекция «Ты-сообщения»	1	1	2
10	Занятие № 21 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Упражнение «Слушаю и слышу». Занятие № 22 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Беседа по теме эмоции и их безопасное выражение		2	2
11	Занятие № 23–24 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Лекция и упражнения «Способы идентифицировать эмоциональное состояние ребенка»	1	1	2
12	Занятие № 25–26 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Мини-семинар «Инструменты формирования адекватной оценки эмоционального состояния детей» ТРЕНИНГОВЫЙ БЛОК Занятие № 27 Занятие № 28	1 2	1	2
13	Месяц 4 – Я – родитель ребенка с ОНР Занятие № 29–30 А) Логопедическое занятие с ребенком Б) Беседа + Упражнения	1	1	2
14	Занятие № 31–32 А) Логопедическое занятие с ребенком Б) Мини-лекция «что значит принимать себя как родителя?», упражнения	1	1	2
15	Занятие № 33–34 А) Логопедическое занятие с ребенком Б) «Я – отдельно, ребенок – отдельно, но мы вместе». Лекция по навыкам выстраивания здоровых границ с ребенком. Упражнение «Море»	1	1	2
16	Занятие № 35–36 А) Логопедическое занятие с ребенком. Б) Заключительная беседа в формате вопрос-ответ, или психологическое консультирование по запросу ТРЕНИНГОВЫЙ БЛОК: Занятие № 37–38 Итого: 80 ак. часов	 2	2	2
		17	22	31

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИЯ

УДК 8141:37.018.4

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-75-83>

Дисграфия в речи старшекласников: опыт анализа и систематизации ошибок

Ольга П. Фесенко

Омский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация, г. Омск, пр. Маркса, 35

✉ olga.fesenko2015@yandex.ru

Аннотация

Введение. На сегодняшний день наблюдается рост числа обучающихся старших классов с различными проблемами речевого развития, при этом практически отсутствуют методические работы в данном направлении, адресованные педагогам среднего и старшего школьного звеньев. В связи с этим, автор поднимает проблему организации работы с такими детьми в средней общеобразовательной школе.

Цель. Систематизация ошибок в текстах сочинений старшекласников средней общеобразовательной школы на предмет наличия в них признаков дисграфии. Материалы и методы. В качестве материала исследования были использованы тексты письменных работ учащихся 10–11 классов, посещающих вузовские курсы подготовки к ЕГЭ (всего 61 сочинение). При анализе текстов и выявлении ошибок применялась система общенаучных методов (обобщение, сопоставление, сравнение, анализ, синтез), метод статистического подсчета (при подсчете количества ошибок, связанных с различными видами дисграфии) и метод лингвистического эксперимента.

Результаты исследования. При анализе текстов сочинений в 22 из них обнаружены ошибки, свидетельствующие о недостаточном речевом развитии подростков. Ошибки допускали шесть обучающихся из группы. В процессе анализа были выявлены три типа дисграфии: акустическая, аграмматическая и дисграфия на почве нарушения языкового анализа и синтеза. Всего обнаружено 64 ошибки.

Обсуждение результатов. При обсуждении результатов описаны позиции педагогов и ученых, связанных с коррекцией и профилактикой дисграфии в дошкольном и младшем школьном возрасте, поскольку работ, объектом которых стали старшекласники обычных общеобразовательных школ, в современной педагогической науке крайне мало. Автор констатирует сложность проведения работы по устранению подобного рода ошибок в рамках современного школьного образования, но возлагает надежды на отдельных учителей, способных такую работу осуществить с учетом наличия уже разработанных рекомендаций.

Ключевые слова: речевое развитие старшекласников, дисграфия у старшекласников, типы дисграфии, акустическая дисграфия, аграмматическая дисграфия

Для цитирования. Фесенко, О. П. (2024). Дисграфия в речи старшекласников: опыт анализа и систематизации ошибок. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(2), 75–83. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-75-83>

Original Empirical Research

Dysgraphia in the Speech of High School Students: Experience of Analysis and Systematisation of Errors

Olga P. Fesenko

Omsk State University of Railway Transport, 35, Marxa Ave., Omsk, Russian Federation

✉ olga.fesenko2015@yandex.ru

Abstract

Introduction. There is an increase in the number of high school students with various problems of speech development. At the same time, there are practically no methodological works in this direction, addressed to teachers of middle

and high school levels. In this connection, the author raises the problem of organising work with such children in secondary schools.

Objective. Systematisation of errors in the texts of essays by high school students of secondary general education school for the presence of signs of dysgraphia in them. Materials and methods. The texts of written works of students attending university courses of preparation for USE (61 essays in total) were used as the study material. The system of general scientific methods (generalisation, comparison, contrast, analysis, synthesis), the method of statistical counting (when counting the number of errors associated with different types of dysgraphia) and the method of linguistic experiment were used in analysing the texts and identifying errors.

Results. When analysing the texts of essays, errors indicating insufficient speech development of teenagers were found in 22 of them. Six students in the group made mistakes. In the process of analysis, three types of dysgraphia were identified: acoustic, agrammatical, and dysgraphia based on a violation of linguistic analysis and synthesis. A total of 64 errors were detected.

Discussion. When discussing the results, the positions of teachers and scientists related to the correction and prevention of dysgraphia in preschool and primary school age are described, as there are very few works in modern pedagogical science that have focused on high school students of regular secondary schools. The author states that it is difficult to eliminate such errors within the framework of modern school education, but hopes that individual teachers will be able to carry out such work, taking into account the availability of already developed recommendations.

Keywords: speech development of high school students, dysgraphia in high school students, types of dysgraphia, acoustic dysgraphia, agrammatical dysgraphia

For citation. Fesenko, O. P. (2024). Dysgraphia in the speech of high school students: experience of analysis and systematisation of errors. *Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology*, 7(2), 75–83. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-75-83>

Введение

В рамках современной лингводидактики все чаще поднимаются вопросы обучения русскому языку детей, которые имеют отклонения в речевом развитии. Проблемы школьников с различными отклонениями от нормы речевого развития (в т. ч. с общим недоразвитием речи (далее – ОНР)) являются предметом обсуждения продолжительное время. Внимание к данной проблеме в наши дни подтверждается тем, что в последнее время в школах растёт число классов для обучающихся с тяжёлыми нарушениями речи. Искажение речевой функциональной системы возможно на фоне относительно сохранных темпов формирования высших психических функций (Веренич, 2020), а значит, такие дети способны обучаться по обычной школьной программе. Однако она, безусловно, не рассчитана на тех, кто имеет сложности в речевом развитии. Поэтому педагоги, особенно учителя начальной школы, в один голос заговорили о необходимости особенного подхода к обучению детей с ОНР и другими речевыми проблемами. Кроме того, количество школьников, которые имеют различные отклонения от нормы речевого развития, катастрофически увеличивается в последние годы. Это отмечают многие учителя-руссисты. Так, Ю. М. Каракозян утверждает, что в современной России наметилась «тенденция к увеличению числа детей с тяжёлыми нарушениями речи» (Каракозян, 2021, с. 11).

Детям с тяжёлыми нарушениями речи весьма проблематично обучаться в школе по многим причинам. Во-первых, педагог просто не в состоянии уделить внимание каждому ученику в классе. При ориентации учителя на среднестатистического школьника дети с ОНР остаются «за бортом», утрачивая возможность продуктивно развивать речевые навыки. Во-вторых, общее недоразвитие речи часто сопровождается некоторыми проблемами с концентрацией внимания и объемом памяти. Следовательно, такой ребенок испытывает сложности не только при освоении русского языка, но и в целом в процессе обучения. Все это снижает темпы продвижения школьников при освоении школьной программы. Чем дольше такие дети остаются вне зоны внимания учителей, тем сложнее им двигаться из класса в класс. Как отмечает И. В. Прищепова, уже в начальной школе при общей положительной динамке наблюдается *полное отсутствие* высокой результативности детей с ОНР при выполнении заданий по русскому языку (исследование проводилось в группах учащихся вторых, третьих, и четвертых классов на примере упражнений, связанных с освоением лексического фонда языка) (Прищепова, 2011). Это значит, что при всех приложенных усилиях такому школьнику крайне сложно быть успешным, что влечет снижение мотивации к обучению и, в конечном итоге, снижение самооценки ребенка, о чем в своих работах писала В. В. Нейман (Нейман, 2019).

Сохранение речевых ошибок, свойственных детям с ОНР (а это *специфические* ошибки, отличающиеся от нарушений норм языка, рассматриваемых в школьной программе), в средней и даже в старшей школе приводит к двум важнейшим негативным последствиям. Во-первых, к невозможности написать на положительную оценку практически любой самостоятельно создаваемый текст (изложение или сочинение). Во-вторых, отклонения в речевом развитии вызывают сложности в построении грамотной связной речи и при устных ответах. Такие

обучающиеся предпочитают не отвечать на уроках устно, боясь сделать ошибки, которые вызывают недоумение у учителей и смех у одноклассников.

Это понижает успешность учеников при сдаче выпускных экзаменов. О типах ошибок старшеклассников с проблемами в речевом развитии в современной коррекционной педагогике и лингводидактике практически нет исследований, хотя надо отметить, что, например, в работах Елецкой и Китиковой (2018), а также Шукиной (2019) рассмотрены особенности коррекции дизорфографии школьников (акцент при этом делается на учащихся начальных классов и 5-6 классов; реже – на учащихся основной школы в целом (Елецкая, 2018) и на работу с ними школьных логопедов и учителей коррекционных школ). Однако сформулированные авторами рекомендации можно использовать и в старшем звене общеобразовательных школ. Кроме того, среди исследователей, в частности – в работах Елецкой и Литвинцевой (2021), поднимается вопрос коррекции дисграфии среди пятиклассников (на примере обучающихся Нахимовского военно-морского училища). Выводы, сделанные авторами статьи, также применимы при организации коррекционной работы в среднем и старшем школьном звене.

При этом педагогами признается проблема сложности коррекционной работы с обучающимися старшей школы (Елецкая и Литвинцева, 2021), поскольку возраст для помощи со стороны логопеда и дефектолога уже достаточно поздний, а школьные учителя озабочены в основном общей успеваемостью и подготовкой к ОГЭ и ЕГЭ. Это ни в коей мере не говорит о существовании негласного запрета для занятий логопеда со старшими школьниками. Ряд логопедов занимается и с учениками основной школы. Однако это не массовое явление. Понимание сущности ошибок и знание их разновидностей позволило бы педагогам организовать продуктивную индивидуальную работу с учениками, имеющими сложности в речевом развитии, а также эффективно проводить обучение на курсах подготовки к выпускным экзаменам.

Мы придерживаемся позиции Цейтлин (1982), согласно которой под речевой ошибкой понимается любое отклонение от языковой нормы, любое речевое нарушение безотносительно к его типу. К наиболее распространенным ошибкам, остающимся в школьном возрасте, относятся:

- 1) неоправданный пропуск слов во фразе;
- 2) неадекватные лексические замены, нарушающие смысловое наполнение фразы;
- 3) нарушение звуковой оболочки слова, искажение структуры слова, связанные с перестановкой и пропуском букв (Четверикова, 2017).

Но наиболее частотными оказываются ошибки грамматические. Грамматическая структура речи формируется более медленными темпами, характеризуясь наличием дисгармонии в выборе синтаксических структур и грамматических форм, использующихся для выражения мысли (Бигеева, 2014). Грамматические нарушения приводят к ряду сложностей в дальнейшем речевом развитии. Они обуславливают трудности в построении связной речи, в понимании смысла текстов и в расширении лексикона (как пассивного, так и активного).

К числу наиболее часто встречающихся отклонений, так называемых «аграмматизмов», относятся неверное употребление предлогов и предложно-падежных форм, ошибки в образовании форм рода и числа у прилагательных, неверное определение рода существительных, сложности в согласовании существительного и числительного, в построении словосочетаний в родительном падеже множественного числа, ошибки в образовании относительных прилагательных, сравнительной степени прилагательных, ряд словообразовательных отклонений (неверный выбор производящей основы, отсутствие дифференциации приставок, смешение значений суффиксов и пр.) (Туманова, 2005) и т. д. Эти ошибки сегодня вошли в перечень обязательных при диагностике уровня общего недоразвития речи и включены в специальные методики, в частности, в методику Грибовой (2012). Все это приводит к достаточно стойким ошибкам как в устной, так и в письменной речи, что понижает учебные возможности таких обучающихся в общеобразовательной школе. Но нарушение именно письма является самой распространенной и устойчивой речевой патологией (Каракозян, 2021).

Дисграфия, как отмечают исследователи, – это частичное специфическое расстройство письменной речи, которое связано с несформированностью высших психических функций, участвующих в процессе письма. Чаще всего оно проявляется в стойких повторяющихся ошибках при письме (Лалаева, 2004). Подчеркнем, что причиной дисграфии не является незнание правил русского языка и неумение их применять: дисграфия развивается на основе несформированности некоторых высших психических функций при сохранности интеллекта ребенка.

Таким образом, чем старше школьник, тем меньше у него остается шансов поработать над устранением подобных ошибок. Но задача школы все-таки помнить, что индивидуальный подход часто является залогом успеха как учащегося, так и учителя. Поэтому понимание того, что происходит с речью старшеклассника, имеющего проблемы с речевым развитием, и стремление помочь ему могут спрогнозировать глобальный неуспех таких ребят и помочь им преодолеть речевые сложности, возникающие в процессе обучения. Все это определяет актуальность нашего исследования, которое призвано систематизировать ошибки в речи старшеклассников, обучающихся в обычных общеобразовательных школах, но имеющих отклонения от нормы речевого развития. Подчеркнем, что предметом описания стали не все ошибки, а только те, которые обусловлены проблемами с речевым развитием,

являются несистемными (аномальными) и в речи обычных детей не появляются, то есть мы не рассматриваем обычные отклонения от языковой нормы, связанные, например, с неумением проверить написание безударной гласной, поскольку эта ошибка может быть весьма частотной в текстах любых обучающихся. Не является предметом нашего анализа однотипность синтаксических структур и тавтология, встречающиеся в письменных работах многих школьников, поскольку это касается во многом объема словарного запаса, который не всегда зависит от уровня развития речи ребенка, и т. д.

Цель нашего исследования – описать и систематизировать наиболее частотные ошибки, связанные с проявлением дисграфии, регулярно появляющиеся в письменных текстах старшеклассников. Это промежуточная цель, которая в дальнейшем позволит разработать рекомендации для педагогов по коррекции данной проблемы.

Объектом нашего анализа стали тексты письменных работ (сочинений) учащихся 10–11 классов, посещающих курсы подготовки к ЕГЭ при Омском государственном университете путей сообщения с 2021 по настоящее время. Всего было проанализировано 61 сочинение.

Предметом нашего исследования являются речевые ошибки, квалифицирующиеся как формы проявления дисграфии разных типов.

Новизну исследования определяют полученные результаты (представленная классификация выявленных типов ошибок в письменной речи старших школьников, имеющих проблемы в речевом развитии) и объект исследования (школьники, посещающие подготовительные курсы в вузе).

Материалы и методы

В качестве методов при проведении исследования использовались следующие:

- 1) при описании теоретической базы работы и подведении итогов – система общенаучных методов: обобщение, сопоставление, сравнение, анализ, синтез и т. д.;
- 2) при анализе и систематизации типов ошибок в работах школьников – метод статистического подсчета;
- 3) при написании с обучающимися текстов сочинений в рамках курсов подготовки к ЕГЭ и ОГЭ – метод лингвистического эксперимента.

Результаты исследования

В процессе анализа текстов сочинений было обнаружено, что в 34 % работ (22 сочинения, авторами которых являются 6 человек из группы) отмечаются ошибки, связанные с нарушением речевого развития обучающихся.

В нашем материале обнаруживаются следующие виды дисграфии (классификация Лалаевой (2004)):

1. **Аграмматическая дисграфия** (25 примеров в нашем материале) проявляется на уровне словосочетания, предложения и текста: нарушена последовательность предложений, неверна морфологическая структура слова, замена префиксов и суффиксов, пропуск членов предложения (даже главных) и т. д. Именно этот тип дисграфии является наиболее часто встречающимся в работах обучающихся, что вполне объяснимо, поскольку именно аграмматическая дисграфия наиболее трудно поддается исправлению. В работах старшеклассников она заметна на уровне синтаксиса: в структуре словосочетаний и предложений, а также в тексте в целом. Чаще всего (12 примеров) обучающиеся допускают ошибки в глагольном управлении (орфография авторов сохранена во всех словах приведенных контекстов):

- Множество читателей знают этот роман, *благодаря его особенностей* (сюжетом, фабулой, героем).
- *Восторг вызван с помощью* его анализа.
- Как было показано в (...) *примеров* (ошибка связана с тем, что краткое причастие «показано» требует в данном контексте зависимого компонента в форме предложного падежа – показано В ЧЕМ? В примерАХ).
- Охотился на *бриллианты*.
- Легенда о ночных *стражей*.
- Столкновение между *разных поколений*.
- Рассказывается о *разных взглядов*.
- О взглядах Раневской и *Лопахиным*.
- *Чацкий остался один, отвергнутым и непонятым*.
- Нуждается в своих *врагов*.
- Недруги могут стать смыслом (...) *жизнью* (ошибка связана с тем, что существительное «смыслом» требует в данном контексте зависимого компонента в форме родительного падежа – смыслом ЧЕГО? жизни).
- Одно из (...) *произведения* является «Преступление и наказание».

Также часто встречаются ошибки, связанные с согласованием в числе подлежащего и сказуемого (5 примеров). Причем это вообще не касается сложных случаев согласования в числе с глаголом собирательных существительных:

- *Чувство восторга передаются* через слова.
- Есть люди, *которые относится* к искусству равнодушно.
- *Эпитеты* в стихотворении А. Блока *играет* немалую роль.
- Такие случаи, *которые доказывает* мою точку зрения, есть и произведениях отечественной литературы.

– Примеры этого существует во множестве книг.

Трижды в сочинениях обнаружилось отклонения при определении рода у существительных (1 – Стихотворение *проникнута* настроением... 2 – Он понял, что заблуждался, что *подтолкнула* его сознаться в содеянном. 3 – Это мгновение первой любви *смогла* помочь героине не совершить страшнейшую ошибку). Род в случае этих контекстов передается с помощью окончаний зависимых прилагательных или в форме сказуемого. Проблема связана со словами исключительно с категорией среднего рода, что обусловлено последовательностью освоения ребенком особенностей этой грамматической категории: сначала усваиваются слова мужского и женского родов, а только потом осознается наличие слов среднего рода в языке.

Единично представлены ошибки, связанные с пропуском предлога (1 – Он скучный, утратил любовь к жизни, *и этой* жизни он больше берет, чем отдает. 2 – Показал себя *не самой* искренней стороны) и его неоправданным появлением в словосочетании (Автор хотел этим показать, что общество может превратить *из нормального человека* в безразличного, равнодушного сухаря). А также ошибки в построении однородного ряда (*Печорин был показан в романе как не положительный герой, но и не отрицательный*).

К этой группе примеров мы отнесем недостаточность второстепенных членов предложения. В данном случае речь идет о лексической недостаточности, которая проявляется на синтаксическом уровне: *из-за это мы можем наблюдать контраст между Григорием* (имеется в виду – между образом Григория в молодости и в зрелости).

2. Чуть менее часто (24 примера) встречается в текстах сочинений **дисграфия на фоне нарушения языкового анализа и синтеза**, что приводит к пропуску букв и слогов, их перестановке, добавлению слогов и букв, недописыванию слов, раздельному написанию приставок и слитному написанию предлогов. Обратимся к примерам. Пропуск букв встречается в 10 словах. Причем дети пропускают как гласные (*девушка – пвунья, свим* (вместо своим), **первначальная** (вместо первоначальная), так и согласные буквы (*матер* (вместо мастер)), *вкладываю* (вместо вкладываю), *ели* (вместо если), *отхебывал* (вместо отхлёбывал), *жизь* (вместо жизнь). В обнаруженных ошибочно наспанных словах есть даже такие примеры, в которых пропущена ударная гласная: *подчинялся свой матери, собеседник*. Кроме того, встречаются ошибки (5 примеров), связанные с пропуском слогов: для начала, *дайте* (вместо давайте) вспомним главного героя; Сонечка *Мармелова* (вместо Мармеладова); *встреть* (вместо встретить), *донца* (до конца), *покать* (показать), *мирой* (вместо мировой).

С шестью словами обучающиеся написали слитно предлоги: *внём, сним, dokonца, вданном, вжизни, спомощью*. Последнее слово трижды встретилось в сочинениях разных школьников. Как видно из приведенных примеров, предлог присоединяется и к местоимениям, и к существительным, и к прилагательным.

В трех контекстах выявлены случаи отсутствия концовки слова: *из-за это мы можем наблюдать контраст между Григорием; из-за это главный герой был верен этим злодеям; но не все авторы согласятся с моим мне*.

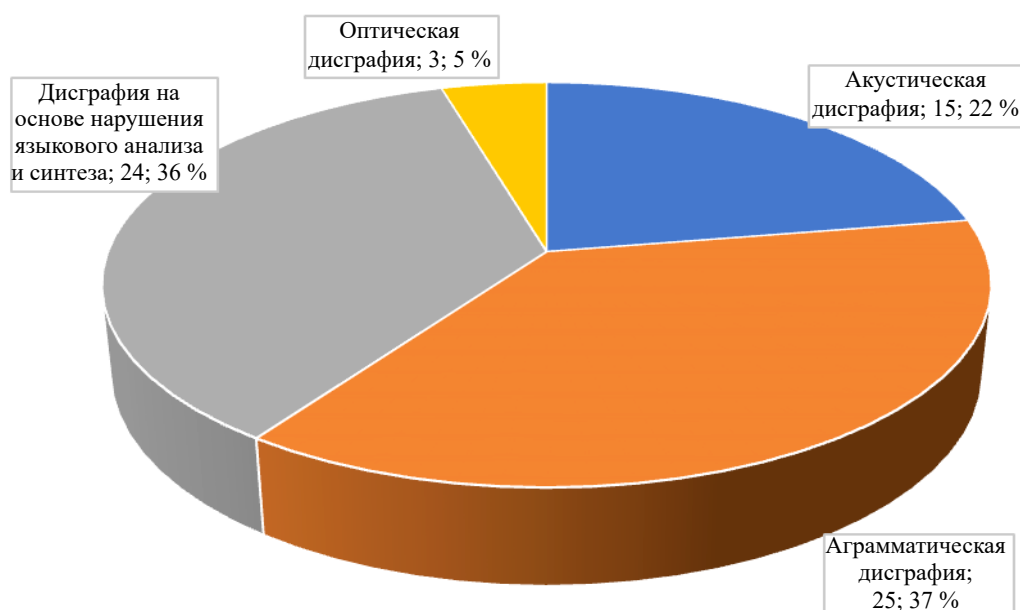
Примеры перестановки и добавления слогов и букв в нашем материале не выявлены.

3. **Акустическая дисграфия** связана с проблемами отражения звучащей речи на письме, то есть, ошибки связаны с нарушением фонемного распознавания, приводящего к смешению твёрдых и мягких, глухих и звонких согласных. При этом виде дисграфии ребенок может ошибаться даже в написании гласных, находящихся в ударном положении (но произносит он эти гласные верно). Таких примеров тоже достаточно много – 15. Пять из них связаны со смешением твердых и мягких согласных в сочетании с мягким знаком (который отсутствует на письме в работах обучающихся) как в середине, так и в конце слова: *малчик, людми, сильные, толко, визить* (вместо визит). Еще три примера демонстрируют проблемы в дифференциации твердых и мягких согласных в сочетании с гласными переднего или первого ряда, йотированными гласными: *музики, исключение, ребонек*. В этих случаях срабатывает закон языковой аналогии: музыки (окончание -и влияет на появление гласной -и в корне и т. д.).

В сочинениях обнаруживаются примеры смешения гласных звуков (2 слова): *странныстями; он понял, что заблуждалсю*. Такие асистемные ошибки вообще трудно объяснить, даже если обратиться к редукции гласных в речи. Также трудно поддается интерпретации тип ошибок, связанных с подменой ударной гласной в слове (5 примеров): *держатъ всех в узди, литератыры* (пример уподобления последней гласной).

4. **Оптическая дисграфия:** *герой ношего времени, герой попол в дом, с помощью анолиз* (возможно, ошибки связаны с несформированностью оптико-пространственных функций, что характерно для оптической дисграфии).

Примеров артикуляционно-акустической дисграфии в нашем материале не выявлено. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

Рисунок 1*Виды дисграфии в текстах старших школьников***Обсуждение результатов**

Полученные результаты свидетельствуют о наличии серьезной проблемы в старшей школе. К сожалению, в данный момент в сфере лингводидактики и логопедии не ведется активных обсуждений на этот счет. Так, в научной электронной библиотеке «Elibrary» по запросу «дисграфия» обнаруживается 689 исследований, ни одно из которых не отражает проблематику работы с дисграфией в старшей школе (10–11 классы) (https://elibrary.ru/query_results.asp).

Если обратиться к анализу уже существующих методик, связанных с профилактикой и устранением дисграфии, то их можно разделить на три группы. Первая посвящена работе, которую эффективно проводить на этапе дошкольного обучения, поскольку это позволяет снять некоторые проблемы при обучении таких детей в начальной школе. Вторая – обучению младших школьников с речевыми отклонениями. К третьей мы отнесли исследования, посвященные обучению языку в специализированных школах для детей с тяжелыми нарушениями речи. Эти исследования пока находятся за пределами нашего анализа, поскольку мы обращаем внимание прежде всего на тех обучающихся, которые попадают в общеобразовательные школы. Крайне скупо представлены работы по профилактике дисграфии в среднем школьном звене. Исследования, посвященные речевым отклонениям у старших школьников единичны.

Обзор работ, относящихся к первой группе, показал, что коррекционные педагоги, логопеды и дефектологи, занимающиеся обучением маленьких детей с ОНР в специальных логопедических детских садах и неврологических отделениях детских больниц, активно совершенствуют и популяризируют свой опыт. Основная часть таких исследований посвящена вопросам обогащения словарного запаса дошкольников, диагностике отклонений и приемам активизации пассивного словаря, что вполне закономерно, поскольку, как отмечает В. В. Нейман, от количества слов в словаре ребенка зависит его дальнейшее успешное освоение грамматической системы языка (Нейман, 2019). Достаточное количество исследований посвящено практическому опыту обучения детей с ОНР и вопросам профилактики дальнейших проблем при освоении языка. Так, Абрамова и Дедюкина (2020) разработали методику развития лексико-грамматического строя речи у старших дошкольников, предлагая для этого использовать наглядное моделирование, игровую технологию, создание схем и запоминание ключевых слов. Тарасенко и Макарова (2020) систематизировали ошибки в использовании способов словообразования и выявили специфику таких ошибок у детей с ОНР (в сравнении с обычными детьми), что позволило точно проводить работу по профилактике таких ошибок в подготовительных группах детских садов. Зарубежные исследователи также разрабатывают траектории развития детей с проблемами речевого развития (Yao, 2023). Иными словами, работа в данном направлении активно ведется, и мы можем брать на вооружение общие подходы для работы с обучающимися, имеющие проблемы в речевом развитии.

Среди исследований второй группы также существует большое количество статей по расширению словарного запаса. Но основной акцент делается на формирование орфографической зоркости и самоконтроля при записи слов и устранению орфографических ошибок в письменной речи младших школьников с ОНР. Особое внимание

расширению лексикона уделено в работах Прищеповой (2011). Как отмечает исследовательница, достаточный словарный запас младшеклассника обеспечивает возможность подбора однокоренных слов, близкородственных слов, составление словообразовательных цепочек и т. д. Вопросами расширения словаря занимаются и зарубежные педагоги, разрабатывая специальные тексты для чтения, направленные на работу с лексическим фондом языка (Jou, 2023), предлагая технологии преобразования устной речи в письменную (Kambouri, 2023). Чаще всего методисты и логопеды предлагают комплексные методики логопедической коррекции дисграфии у младших школьников, а также – отдельные упражнения, направленные на формирование развернутой речи обучающихся с последующей фиксацией результата в графической форме.

Что касается анализа речевых проблем учащихся старшей школы, то мы смогли обнаружить только отдельную отрывочную информацию о количестве детей с речевыми отклонениями в 8-х классах. Согласно исследованиям Паромоновой (2006), среди восьмиклассников у 39 % детей отмечаются признаки дисграфии. Это гигантская цифра, приводящая к колоссальным трудностям в освоении учебного материала в средней и старшей школе. Что может учитель сделать в этом случае? Прежде всего, следует обратиться к индивидуализированной коррекционной помощи, предполагающей работу с каждым обучающимся персонально через систему специальных упражнений, направленных на устранения конкретного вида дисграфии и конкретного вида ошибок. К такого рода заданиям, безусловно, необходимо добавить упражнения, связанные с расширением словаря, с дальнейшим формированием самоконтроля при написании текста, с работой над орфографической зоркостью. При организации коррекционной работы, безусловно, необходимо учитывать ее основные направления, поскольку они зависят не от возраста обучающегося, а от механизма нарушения письменной речи.

Учитывая, что преобладающими являются три типа дисграфии (акустическая, аграмматическая и дисграфия на почве нарушения языкового анализа и синтеза – с преобладанием двух последних), вполне эффективной после такого активного обучения может оказаться работа по исправлению текстов с ошибками, заданий с различными языковыми трансформациями. Все это требует дополнительного времени и усилий и со стороны учителя, и со стороны ученика. Для оптимизации коррекционной работы ученику необходимо сократить учебную нагрузку, хорошо спать и питаться, побольше бывать на свежем воздухе, заниматься телесными практиками (самомассажем, дыхательной гимнастикой) т. д. И только в этом случае подросток может рассчитывать на успех (Никитина, 2022).

Возможно ли реализовать подобные рекомендации в системе современного школьного образования? Этот вопрос остается открытым, однако опускать руки нельзя. Даже небольшие, но регулярные занятия с такими детьми принесут свои результаты. Главное – вовремя начать работу, знать, как ее вести и делать это систематически.

Заключение. Итак, вопросы обучения родному языку старшеклассников, имеющих проблемы в речевом развитии и при этом обучающихся в обычных общеобразовательных школах, поднимаются в рамках современной лингводидактики редко, несмотря на то что число таких детей постоянно увеличивается. Ученые единогласно признают сложность коррекционной работы в старших классах и указывают на то, что организовать ее в рамках общеобразовательной школы крайне сложно. Тем не менее понимание сути и видов различных языковых и речевых ошибок, которые допускают дети с ОНР, дало бы возможность проводить индивидуальную работу с такими старшеклассниками и прогнозировать появление ошибок при выполнении заданий не только в рамках школьных уроков, но и во время работы на подготовительных курсах к ЕГЭ и ОГЭ.

Нарушение письма оказывается самой распространенной патологией речи у старшеклассников с ОНР. Она отмечается в 34 % письменных работ тех, кто посещает курсы подготовки к государственным выпускным экзаменам. Среди видов дисграфии в текстах сочинений обучающихся преобладает аграмматическая дисграфия (нарушение порядка предложений, ошибки в структуре слова, в глагольном управлении, в согласовании подлежащего и сказуемого, в определении рода существительного и т. д.). Также обнаруживаются примеры дисграфии на фоне нарушения языкового анализа и синтеза (пропуск букв, слогов, перестановка слогов, появление лишних слогов и букв т. д.). Имеет место и акустическая дисграфия (смещение твердых и мягких согласных в различных сочетаниях и позициях в слове, смещение гласных звуков). Названные три вида дисграфии являются преобладающими. Единично представлены примеры оптической дисграфии. Не выявлено ошибок, связанных с артикуляционно-акустической дисграфией.

Большое количество письменных работ старшеклассников, содержащих примеры дисграфии, свидетельствует о том, что есть необходимость сделать акцент на индивидуальной работе с обучающимися, допускающими подобные ошибки. Нужна система коррекционной работы, комплекс специальных упражнений, адресованных старшеклассникам, что не отменяет необходимости расширения лексикона, формирования навыков самоконтроля при выполнении письменных заданий в сочетании с сокращением учебной нагрузки и соблюдением режима дня.

Список литературы

Абрамова, Н. А., и Дедюкина, М. И. (2020). Развитие лексико-грамматического строя речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи. *Проблемы современного педагогического образования*, 67–4, 4–7.

- Бигеева, О. А. (2014). Особенности грамматического строя речи детей с ОНР. В *Специальное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: традиции и новации: сб. научно-методических трудов* (С. 7–11). РИО АГПУ.
- Веренич, С. В. (2020). Микроаномальное развитие детей с общим недоразвитием речи. *Forcipe*, 3(2), 27–30.
- Грибова, О. Е. (2012). О методах исследования и методах обследования речи. *Непрерывное педагогическое образование*, 1, 99.
- Елецкая, О. В. (2018). Логопедическая работа по коррекции дизорфографии у учащихся основной школы. В *Нарушение письма и чтения у детей: изучение и коррекция* (С. 348–369). Логомаг.
- Елецкая, О. В., и Китикова, А. В. (2018). *Коррекция регуляторной дизорфографии у школьников*. Редкая птица.
- Елецкая, О. В., и Литвинцева, А. В. (2021). Состояние учебной деятельности у школьников Нахимовского военно-морского училища с нарушением формирования орфографической компетенции. В *Особый ребенок: Обучение, воспитание, развитие* (С. 362–369). Изд-во Ярославского государственного педагогического университета.
- Каракозян, Ю. М. (2021). Коррекция письменной речи у младших школьников с дисграфией. *Энигма*, 34–2, 9–15.
- Лалаева, Р. И., и Бенедиктова, Л. В. (2004). *Нарушение чтения и письма у младших школьников. Диагностика и коррекция*. Феникс, Союз.
- Нейман, В. В. (2019). Оценка умений дошкольников с патологией речи использовать лексику с количественным значением. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 7. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-12029>
- Никитина, И. А., и Фисенко, А. А. (2022). Обзор современных методов коррекции дисграфии в отечественных исследованиях. *Вопросы педагогики*, 1–2, 247–250.
- Парамонова, Л. Г. (2006). *Дисграфия: диагностика, профилактика, коррекция*. Детство-Пресс.
- Прищепова, И. В. (2011). Особенности лексикона младших школьников с общим недоразвитием речи. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 142, 144–153.
- Тарасенко, Е. В., и Макарова, Н. В. (2020). Словообразовательные ошибки у детей с нормальным речевым развитием и общим недоразвитием речи. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(145), 49–54.
- Туманова, Т. В. (2005). Экспериментальное исследование состояния словообразовательной компетенции у детей с общим недоразвитием речи (дошкольного и младшего школьного возраста). *Логопедия*, 1, 34–39.
- Цейтлин, С. Н. (1982). *Речевые ошибки и их предупреждение. На материале ошибок школьника*. Просвещение.
- Четверикова, Т. Ю. (2017). О психологической готовности детей с ограниченными возможностями здоровья к обучению в условиях инклюзии. *The Newman in Foreign Policy*, 37(81), 18–20.
- Щукина, Д. А. (2019). *Коррекция диспрактической дисграфии: формирование и коррекция навыков каллиграфии на логопедических занятиях*. Редкая птица.
- Jou, Y.-T., & Mariñas, K. A. A. (2023). Developing inclusive lateral layouts for students with dyslexia – Chinese reading materials as an example. *Research in Developmental Disabilities*, 132, 2–12.
- Kambouri, M., Simon, H., & Brooks, G. (2023). Using speech-to-text technology to empower young writers with special educational needs. *Research in Developmental Disabilities*, 135, 67–79.
- Yao, P.-Y., Iao, L.-S., & Wu, C.-C. (2023). Language development trajectories in young children with developmental disabilities in Taiwan. *Research in Developmental Disabilities*, 136, 26–31.

References

- Abramova, N. A., & Dedyukina, M. I. (2020). Development of lexico-grammatical structure of speech in older preschoolers with general underdevelopment of speech. *Problems of modern pedagogical education*, 67–4, 4–7. (In Russ.)
- Bigeeva, O. A. (2014). Features of the grammatical structure of speech of children with disabilities. In *Special education of children with disabilities: traditions and innovations: a collection of scientific and methodological works* (P. 7–11). RIO AGPU. (In Russ.)
- Chetverikova, T. Y. (2017). On the psychological readiness of children with disabilities for learning in inclusion. *The Newman in Foreign Policy*, 37(81), 18–20.
- Eletskaia, O. V., & Kitikova, A. V. (2018). *Correction of regulatory dysmorphography in schoolchildren*. Rare bird. (In Russ.)
- Gribova, O. E. (2012). On research methods and methods of speech survey. *Continuous Pedagogical Education*, 1, 99. (In Russ.)
- Jou, Y.-T., & Mariñas K. A. A. (2023). Developing inclusive lateral layouts for students with dyslexia - Chinese reading materials as an example. *Research in Developmental Disabilities*, 132, 2–12.
- Karakozian, Y. M. (2021). Correction of writing in elementary school children with dysgraphia. *Enigma*, 34–2, 9–15. (In Russ.)
- Kambouri M., Simon H., & Brooks G. (2023). Using speech-to-text technology to empower young writers with special educational needs. *Research in Developmental Disabilities*, 135, 67–79.

- Lalaeva, R. I., & Benediktova, L. V. (2004). *Reading and writing disorders in junior schoolchildren. Diagnostics and correction*. Phoenix, Union. (In Russ.)
- Neumann, V. V. (2019). Assessment of skills of preschoolers with speech pathology to use vocabulary with quantitative meaning. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 7. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-12029>
- Nikitina, I. A., & Fisenko, A. A. (2022). Review of modern methods of dysgraphia correction in domestic research. *Voprosy pedagogiki*, 1–2, 247–250. (In Russ.)
- Paramonova, L. G. (2006). *Dysgraphia: diagnostics, prevention, correction*. Detstvo-Press. (In Russ.)
- Prischepova, I. V. (2011). Features of the lexicon of junior schoolchildren with general underdevelopment of speech. *Izvestiya Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 142, 144–153. (In Russ.)
- Shchukina, D. A. (2019). *Correction of dysprakhiseka dysgraphia: formation and correction of calligraphy skills at speech therapy classes*. Rare bird. (In Russ.)
- Tarasenko, E. V., & Makarova, N. V. (2020). Word formation errors in children with normal speech development and general underdevelopment of speech. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitet*, 2 (145), 49–54. (In Russ.)
- Tumanova, T. V. (2005). Experimental study of the state of word-formation competence in children with general underdevelopment of speech (preschool and junior school age). *Logopaedia*, 1, 34–39. (In Russ.)
- Tseytlin, S. N. (1982). *Speech errors and their prevention. On the material of schoolboy's mistakes*. Enlightenment. (In Russ.)
- Verenich, S. V. (2020). Micro-anomalous development of children with general underdevelopment of speech. *Forcipe*, 3(2), 27–30. (In Russ.)
- Yao P.-Y., Iao L.-S., & Wu C.-C. (2023). Language development trajectories in young children with developmental disabilities in Taiwan. *Research in Developmental Disabilities*, 136, 26–31.
- Yeletskaia, O. V. (2018). Logopaedic work on the correction of dysmorphography in basic school students. In *Violation of writing and reading in children: study and correction* (pp. 348–369). Logomag. (In Russ.)
- Yeletskaia, O. V., & Litvintseva, A. V. (2021). The state of learning activity in schoolchildren of the Nakhimov Naval School with impaired formation of orthographic competence. In *The special child: Learning, education, development* (pp. 362–369). Izd-vo Yaroslavl State Pedagogical University. (In Russ.)

Об авторе:

Ольга Петровна Фесенко, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский и иностранные языки», Омский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 644046, г. Омск, пр. Маркса, 35), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), olga.fesenko2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2023

Поступила после рецензирования 12.11.2023

Принята к публикации 25.03.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Olga Petrovna Fesenko, Dr. Sci. (Philological), Associate Professor, Professor of the "Russian and Foreign Languages" Department, Omsk State University of Railway Transport (35, Marxa Ave., Omsk, 644046, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1111), olga.fesenko2015@yandex.ru

Received 02.10.2023

Revised 12.11.2023

Accepted 25.03.2024

Conflict of interest

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.